НОВАЯ ПОЛЬША

№5(130) 2011

ЗБИГНЕВ БУЯК О ЛЕХЕ ВАЛЕНСЕ

АННА ГРИШИНА О ВЕРЕ КОСТШЕВЕ

ГЖЕГОЖ ПШЕБИНДА О ВАСИЛИИ ГРОССМАНЕ

ДОСТОЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

ПРОЗА АДОЛЬФА РУДНИЦКОГО

СТИХОТВОРЕНИЯ КРИСТИНЫ РОДОВСКОЙ

ВИКТОРИЯ И РЕНЕ СЛИВОВСКИЕ: РОССИЯ – НАША ЛЮБОВЬ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5 (130)
2011
май

ISSN 1508-5589

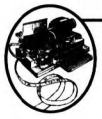
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Збигнев Буяк 3
ЛЕХ ВАЛЕНСА, или О ПОЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЕ ЛИДЕРСТВА

Рене и Виктория Сливовские 7
ВСТРЕЧИ С «ДРУГОЙ РОССИЕЙ»

Адольф Рудницкий 10
БЕЛАЯ НОЧЬ

Генрик Ванек 15
ГОЛУБЫЕ СТРАНИЧКИ



Виктор Кулерский 18
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Кристина Родовская 29
СТИХОТВОРЕНИЯ

Ивона Смолька 33
ПОЭЗИЯ НЕУСТАННОГО ДИАЛОГА

Гжегож Пшебинда 35
ВАСИЛИЙ ГРОССМАН — СОКРАТ ИЗ БЕРДИЧЕВА

Евангелина Скалинская 42
ДОСТОЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

Анна Гришина 46
МАРИЯ КОШУТСКАЯ. ГОДЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Игорь Мельников 58
ВТОРАЯ МИРОВАЯ. ПАТРИОТИЗМ ПО-ПОЛЬСКИ

Славой Кухарский 61
СОВПАДЕНИЕ-СИМВОЛ

ПРЕЖДЕ НИКТО ОТКРЫТО НЕ ПРИЗНАВАЛСЯ В ПОЛЬСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ... 63
Беседа с Лилией Шишко

Эльжбета Савицкая 67
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Эугениуш Соболь 71
РОССИЯ И УКРАИНА
НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛОВ

Лешек Шаруга 74
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В ОБЩЕМ-ТО Я ЗЕЛЕНЫЙ 78
Беседа с архитектором Мареком Будзынским

Перводчики: Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, С. Политыко, Е. Шиманская

Фото: Agencja Gazeta (стр. 3), Archiwum (стр. 41, 49, 60), Archiwum K. Rodowskiej (стр. 33)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**

Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Збигнев Буяк

ЛЕХ ВАЛЕНСА, или О ПОЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЕ ЛИДЕРСТВА

04.1989, Варшава, «Круглый стол». НН, Т. Мазовецкий, Л. Валенса, В. Фрасынюк, З. Буяк.

Мы в Польше до сих пор не понимаем феномена «Солидарности», не понимаем сущности победы в августе 1980-го. Не понимаем, чем был феномен лидерства Леха Валенсы. Без понимания мы не в состоянии сделать выводы, мы не можем учиться на этом собственном, исключительно позитивном примере. Лех Валенса был не только вождем забастовки, а затем «Солидарности». Он был прежде всего вождем независимой польской политики того полного успехов времени — «звездного часа», как его назвал Яцек Куронь. На роль вождя Леха вынесла волна общественного протеста. Вместе с тем оказалось, что он не только хорошо себя чувствует на гребне волны, но умеет волну поддерживать, укреплять, умеет обуздать ее потенциально разрушительный характер. Лозунг «самоорганизующейся революции» хорошо описывает тогдашнюю «Солидарность», характера которой нельзя понять без Леха. Он избегал экстремизма, даже властвовал над ним и вместе с тем не капитулировал. Время интернирования и подполья — это победа силы его духа над секретными службами, способными на любую подлость.

Лех Валенса. Совершенно особенная фигура в истории польской политики, потому что он — из простых людей. Был рабочим. Но именно вокруг него собрались самые выдающиеся фигуры польской жизни. Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Адам Михник, Веслав Хшановский, Кароль Модзелевский и многие-многие другие. Они поддерживали Леха своими знаниями и советами. Произошло исключительно эффективное слияние воли к действию и решительности с интеллектом и опытом. Для меня это великолепный пример сотрудничества элит, имевшее широкое содержание и глубокий смысл. В «Солидарности» сотрудничество и взаимная помощь разных общественных групп охватывали все уровни профсоюзной организации. Поэтому я могу утверждать, что «Солидарность» была не только профессиональным союзом, но также общественным движением, в котором осуществилось подлинное единение рабочих и интеллигенции. Подлинность этого

единения выражалась в том, что мы взаимно стремились познать свои проблемы, понять их, понять суть выполняемой нами работы, найти то, что нас объединяло. После наших дискуссий мы знали, что не следует делить занятия и профессии на «лучшие» и «худшие», что любой труд заслуживает уважения и признательности. В атмосфере того времени было, разумеется, кое-что еще: прекрасно функционирующее общественное мнение, которое, прежде всего, выражалось независимой прессой, выходившей под эгидой «Солидарности». Эта пресса профессионально выполняла миссию информирования граждан о событиях и несла знания о сущности общественных, хозяйственных и политических проблем. И разворачивала соответствующие общественные дискуссии о способах их решения. Благодаря таким дебатам становились возможными разумные решения руководства «Солидарности» и самого Леха Валенсы.

Первыми, кто увидел в Лехе Валенсе способность возглавить августовскую забастовку, были историк Богдан Борусевич и педагог Яцек Куронь. Я намеренно назвал их специальности, поскольку для меня это свидетельствует об исключительной интуиции этих политических фигур. Об одной лишь интуиции? Не только! Это также осознанное решение о разделении ролей. Решение оказалось на редкость верным. Лидерство Леха позволило довести августовскую забастовку до победного соглашения. Содержание соглашения было результатом интеллектуальной работы самого Борусевича (он свел сотни требований до числа 21) и группы советников под руководством Тадеуша Мазовецкого. Бастующие рабочие и поддержавшие их продовольствием крестьяне придали забастовке необходимую политическую силу. Лех Валенса наполнил ситуацию волей к действию и решительностью. Представители интеллигенции наполнили ее содержанием. Можно ли какую-либо из этих составляющих устранить и при этом думать об успехе? Нет! Нет, и сто раз нет! Эта ситуация объединения всех общественных групп и слоев — единственный известный мне случай в нашей истории, причем единственный, завершившийся столь очевидной стратегической победой. Сотрудничество групп и помощь руководству «Солидарности» касалась не только Леха Валенсы, но всех уровней профсоюза. Как председатель «Солидарности» Мазовецкого региона, я мог рассчитывать на помощь в любом деле и в любой проблеме, с которыми мне приходилось разбираться. Когда сотням, даже тысячам людей надо было передать информацию о создании независимых профсоюзов, мне помогал Януш Онышкевич, привлекший группу консультантов. Когда нужно было определить темы переговоров о правоспособности и вести переговоры с правительством, я мог привлечь Адам Стшембоша (судью), Яцека Курчевского (социолога-правоведа) или Януша Гжеляка (социального психолога). Именно в ходе этих переговоров 1981 г. был поставлен вопрос о Конституционном суде, о Государственном трибунале, об уполномоченном по гражданским правам. Жаль, что в этих учреждениях во время юбилейных празднований забыли о своей родословной, идущей от «Солидарности». «Забвение», увы, не случайное. Это симптом отхода от тогдашнего, времен «Солидарности», опыта, с его культурой сотрудничества всех общественных групп и консультации при выработке стратегических решений.

Уже в 1980 г. группа социальных психологов из Варшавского университета организовала для меня нечто вроде курсов, благодаря которым я научился распознавать авторитарные механизмы правления и управления. Приобретенный тогда навык сохранился по сей день. Благодаря ему я могу показать авторитарные механизмы не только в ПНР, что банально, но и в Третьей Речи Посполитой. И коль скоро я вижу, что по сей день авторитарное правление недурно себя чувствует, я задаю себе вопрос: что произошло с нашей культурой, культурой «Солидарности», основанной на субъектной трактовке граждан? Субъектность была конституциональной чертой «Солидарности» и ответом на полицейско-прокурорские методы господства над гражданином в ПНР. Субъектный подход к отдельной личности привлек в «Солидарность» 10 млн. граждан, жаждавших достойного к себе отношения. Под эгидой «Солидарности», то есть в атмосфере, созданной руководством этой организации, вырабатывались концепции реформирования всех областей общественной и хозяйственной жизни. Сегодня никто уже этого не помнит, да и не хочет помнить. Очень жаль. В ходе недавнего «круглого стола органов здравоохранения» никто даже не пробовал вспомнить то, к чему мы пришли во времена «Солидарности». А к этому опыту стоит обратиться; я считаю, что выработанные тогда концепции прекрасно выдержали испытание временем.

Разве наблюдавшиеся недавно споры о полномочиях между канцеляриями премьер-министра (Дональда Туска) и президента (Леха Качинского) — это требование времени? Разве так должна выглядеть «нормальная политика»? Если бы люди из этих кабинетов принимали решения в «Солидарности» 80-х и 90-х годов, были бы мы сейчас членами НАТО и Евросоюза? Даже страшно подумать. Однако именно таков мир наличной польской политики.

Пусть Дональд Туск прекрасно понимает, сколь велик политический капитал Леха Валенсы, пусть он прекрасно говорил о необходимости его использования для Польши. Но я так и не дождался никакой миссии, в которой Валенсу смогли бы использовать. Ему «устроили» место в «группе мудрецов» ЕС — и дело с концом. Мелкотравчатость лезет из каждой щели такого мышления и действия. Я пишу о мелкотравчатости, потому что требуется и в самом деле большой потенциал и широкие горизонты мысли, чтобы суметь использовать возможности Леха Валенсы в польской политике. Этот потенциал когда-то существовал. Именно благодаря ему Лех сумел достичь величия. Что же вызвало крушение этой необычайно эффективной для польской политики кооперации главных общественных групп и элит периода «Солидарности»? К сожалению, у меня нет однозначного ответа. Кто-то может указать на самого Леха как на виновника этой ситуации. Я сам критиковал его слова, обращенные к Ежи Туровичу. Сегодня, однако, я вижу, что это был взрыв злости человека, уже остающегося в одиночестве, уже низводимого до роли памятника. У него не было «необходимого» образования, он не владел иностранными языками, так что выполнение им высокой функции оскорбляло «чувство собственного достоинства» большой части нашего общества, в том числе формирующей общественное мнение интеллигенции. Это фатальное мышление с фатальными последствиями. Когда я в последние годы слушаю и наблюдаю соответственно «образованных» премьеров, министров, их лингвистические концерты, я думаю, что наказание за произошедшее все же слишком жестоко. Величие Леха Валенсы понимали лишь несколько человек. Понимали Яцек Куронь, Адам Михник, Бронислав Геремек. Признанием и уважением он пользовался, конечно, у крупнейших представителей польского культурного и научного мира. Однако я пишу о «понимании», потому что для меня это слово включает умение мыслить и видеть, как этот необычайный человеческий капитал может служить нашей демократии, реформам, положению Польши в мире. Это редкое умение. Ничего удивительного, что те, кто им обладает, — также сильные личности. Пожалуй, Лех этого не сознавал, а если и сознавал, то не сделал правильных выводов. Произошло расставание. Польская политика утратила свою необычайную эффективность.

Можно сказать, что именно люстрационное безумие разобщило самую творческую и активную часть польской интеллигенции, ударило по самому Леху. Уязвленные и разобщенные не в состоянии выполнить свою роль. Я считаю, что правды бывает даже слишком много, и нельзя понять нынешний кисель в польской политике без учета этого факта. Да, конечно, легко нападать на таких людей, как Адам Михник, Бронислав Геремек, Тадеуш Мазовецкий, Яцек Куронь. Здесь не надобно мудрости — довольно лукавства, потому что даже крупица разума такого не позволит. Достаточно соответствующей дозы глупости — и кто глупее, тому и легче. Только вот из таких нападок никакая новая политика не рождается, никакие новые выдающиеся фигуры не возникают. И это не объясняет, что произошло с культурой «Солидарности» — культурой кооперации элит всех общественных групп. У меня нет сомнения, что люстрационные безумства — это результат упадка прежней культуры. Я считаю, что частичное объяснение мы найдем в первом периоде после «круглого стола». В начале статьи я стремился показать роль нашей интеллигенции во времена революции «Солидарности». С точки зрения опыта нашей истории, она была едва ли не уникальной, ибо помогала лидерам «Солидарности» не только понять события, но и находить решения проблем. А проблем было столько, сколько существовало групп, регионов, отраслей, учреждений и т.д. Подобную роль интеллигенция, пожалуй, сыграла в межвоенный период. На это указывают крупные хозяйственные проекты, развитие различных общественных инициатив и кооперативного движения. Эта роль не вполне типична для интеллигенции, а тем более для интеллектуалов нашей части Европы. Во время разделов, под властью Советов задача интеллектуала — «свидетельствовать». Поэтому он пишет то, что думает, творит вне цензуры, печатает самиздат, дает интервью журналистам из свободного мира, подписывает письма протеста. Часто идет за это под арест, в тюрьму, в ссылку. Такая позиция требует большой силы духа, большого гражданского мужест-

ва, она ставит под угрозу собственную безопасность и безопасность близких. Однако она не требует интеллектуального усилия, так как не требует ответа на вопрос, как решить конкретную проблему. Ситуация полностью изменилась после победы. Когда побеждает революция «Солидарности», «бархатная» революция, «революция гвоздик» или «оранжевая», сразу же возникают тысячи проблем, которые необходимо решить. Демократия, свободный рынок, самоуправление наличествуют во многих странах. То есть знание, как это делать, имеется. Но, обращаясь к нему, необходимо это знание приспособить к собственным условиям и культурной традиции. И передать его гражданам. Именно так происходило в нашей первой «Солидарности». Что затем произошло с этим культурным завоеванием своего времени? По сути, это вопрос о феномене лидерства Леха Валенсы. И это вопрос не только о его индивидуальных чертах и отношении к другим людям. Это и вопрос о роли интеллигенции в движении «Солидарность» и ее отношении к лидерству Леха Валенсы. Место Леха в мировой политической элите лучше всего разъяснил мне Бронислав Геремек. Вот, говорил он, представь себе салон в Версале, в котором собрались самые выдающиеся люди мира во главе с премьерами, президентами, королями и императорами. Благодаря «Солидарности» я многое могу сказать о политической ситуации в нашей части мира. Могу рассказывать об этом на нескольких языках, так что без проблем собираю вокруг себя приличную группу слушателей. Когда же, однако, в салон входит Лех Валенса, всё внимание концентрируется на нем. Потому что именно он олицетворяет самые главные политические события нашего региона. Забастовку и августовское соглашение, «Солидарность» и победу без насилия, «круглый стол», проевропейскую политику и рыночную хозяйственную реформу.

Для меня, рабочего с «Урсуса», успехи Леха Валенсы были источником гордости и тем самым столь желанного обретения чувства собственного достоинства. Я думаю, что так же воспринимали Леха другие, с других предприятий страны. Нам нужен был кто-то, благодаря кому мы перестанем быть объектом манипуляций и использования партийным аппаратом тех времен. Нам нужен был кто-то, при ком мы организуемся для борьбы за достойное, субъектное отношение к нам, гражданам, со стороны партийно-государственного аппарата. Политику демократического государства мы понимали так, как это определил Аристотель, т.е. как реализацию добра в публичной сфере. «Солидарность» была нашей Агорой. Здесь встретились все, кто принимал правила демократии и взаимно признавал собственную субъектность и все вытекающие из нее права. Я уверен: сегодня большинство граждан чувствует, что на нашей «Агоре» для них нет места. Их место — это место работы. Государственное правление, организация администрации — это для других, «лучших», «лучше образованных». *«Одни на время борьбы, а другие на время строительства»*. Таков был лозунг начала девяностых годов. Я воспринял его очень болезненно. Но признал всё же, что в нем есть некий смысл. Сегодня же вижу, что «строители» навязали мне государство, в котором все проблемы, неудачи, ошибки решаются и выправляются с помощью полиции и прокуратуры. Государство, в котором секретные службы творчески продолжают свои труды, столь хорошо мне известные по военному положению. Зловещий ЦК, царящий над «правоспособностью» граждан, как в прошлом и настоящем, так и в будущем, творчески заменен Институтом национальной памяти. С давлением и методами ЦК мы справились, противопоставив им культуру «Солидарности». Эта культура в состоянии и сегодня изменить облик нашей страны, в состоянии вернуть субъектное, полное уважения отношение к гражданам в нашем государстве. Это возможно. Но в состоянии ли общественное мнение вновь обрести знания и навыки, присутствовавшие в движении «Солидарность»? Если мы того захотим, я почувствую этот момент по тому, что, кто и как пишет о Лехе Валенсе.

Збигнев Буяк (род. 1954) был одним из наиболее известных деятелей «Солидарности» в первый период ее существования. По профессии рабочий, в 1980 основал независимые профсоюзы на машиностроительном заводе «Урсус», возглавлял правление «Солидарности» Мазовецкого региона. После введения военного положения скрывался до 1986 года. Его подпольная деятельность и побеги от ГБ вошли в легенды. Был участником «круглого стола», затем депутатом Сейма. Основал Гражданское движение «Демократическая акция». Был связан с такими партиями, как «Уния труда» и «Уния свободы». Последний государственный пост — директор Главного управления пошлин (1999-2001). Получил высшее образование по политологии, преподает в Варшавском университете.

Рене и Виктория Сливовские

ВСТРЕЧИ С «ДРУГОЙ РОССИЕЙ»

Мы отправились на вечер авторской песни Булата Окуджавы. Мы слышали о нем уже немало: одни отзывались пренебрежительно, другие — с восторгом. Такие противоположные мнения подогревали любопытство. Поэтому узнав, что Окуджава будет выступать в МАИ, мы незамедлительно обратились к Виктору Борисову, умоляя помочь; он устроил нам билеты с печатью Союза писателей. Добираемся до места. Вокруг — несметная толпа. Порядок поддерживает конная милиция. Мы прокладываем себе путь с билетами в руках. Я чувствую, как кто-то изо всех сил дергает меня за рукав. Какая-то девушка, поняв, что мы иностранцы, отчаянно шепчет мне на ухо: «Умоляю, умоляю, скажите, что я с вами!» Удалось. В зале стоит гул, как в улье, атмосфера накаленная. Наконец появляется Окуджава с гитарой. Ногу ставит на стул. Густая черная шевелюра и подстриженные усы. Совсем как на подаренной нам фотографии. Он сам объявляет, что будет петь. Некоторые песни зал хорошо знает и заранее приветствует бурными аплодисментами. Другие вещи слушают сосредоточенно. Любой малейший намек зал подхватывает и встречает аплодисментами, например в песенке про черного кота, который вроде никак себя не проявляет, но «желтый глаз его горит», и все его боятся, подкармливают и вдобавок благодарят, что соблаговолил принять их угощенье. «Усы», «Усатый» — так говорили о Сталине, как нам объяснила Евгения Гинзбург. И что с того, что его уже нет, — вокруг полно его наследников, которые всё громче заявляют о себе. Каждая песенка будоражит воображение и отличается от того, что звучит из радиоприемников; самыми простыми словами в ней говорится о полночном троллейбусе, о «комсомольской богине» и солдатских сапогах. Каждая — а мы могли бы перечислять их без конца — проникает прямо в сердце. Мы сами ощущаем, как что-то подступает к горлу под влиянием этого теплого, мелодичного голоса и этих таких простых, таких прекрасных и проникновенных слов. Иногда шутливых, как про Ваньку Морозова, который вместо «чего-нибудь попроще» циркачку полюбил, о Леньке Королеве, всегда верном, что бы ни случилось, товарище. Окуджава был — да и до сих пор, пожалуй, — в Польше хорошо известен, так что читатель, возможно, нас поймет? Это было одно из первых его публичных выступлений. Поскольку разрешение на каждое следующее выступление давали неохотно, то произведения Окуджавы и тех, кто ему подражал, а также самостоятельные произведения других авторов, старые лагерные песни и песни эмиграции начали распространяться в записях на магнитофонных лентах. Мы бегали по Москве с шестнадцатикилограммовым магнитофоном «Яуза» и записывали всех, кто тогда пел, — Кима и Визбора, Городницкого и Алешковского. Некоторые песни воспринимались как городской фольклор, например песня Юза Алешковского о «большом ученом», в языкознанье знавшем толк, — товарище Сталине и о тех, кого он выслал в хорошо ему известный «Туруханский край» («Товарищ Сталин — вы большой ученый») ... Моден был и тюремный фольклор (блатные песни).

Нашу зачарованность Окуджава, вероятно, заметил: мы сидели в первых рядах. Потом в ЦДЛ он нас вспомнил. Беседовать с ним — настоящее наслаждение. Он не болтлив, острит редко, но метко. За столом он такой же, как в своих произведениях: чарующий сплав лиризма с иронией самого разного оттенка, если можно так выразиться, сочетание деликатности и решительности, искренности и смелости. Сам себя он называет «грузином московского разлива», а об Арбате поет как о своем отечестве. И он сразу стал частичкой «нашей России». Как и наш любимый писатель, москвич родом из Абхазии, неподражаемый Фазиль Искандер, тоже пишущий по-русски. Мы прощаемся с Окуджавой, ибо собираемся отправиться во Псков, по пушкинским маршрутам.

Однако вскоре мы узнали, что на эту поездку нам не дали разрешения (под тем предлогом, что там свирепствует холера). Мы могли бы попросить кого-нибудь купить нам билеты и тайно поехать во Псков, но мы этого не сделали — прежде всего из опасения, что таким образом можем вызвать не-

довольство властей и в следующий раз нас не пустят в страну. Мы хорошо понимали, что случиться может всякое. Для того чтобы нас предостеречь, нам рассказали историю одного иностранца, который, выдав себя за эстонца, отправился в Крым, в Коктебель, не получив разрешения милиции (это место слишком близко к границе). В какой-то момент он заметил тонущего человека и вытащил его из воды. Появилась милиция, ему пришлось предъявить паспорт. Тогда ему объяснили, что он находится тут нелегально и нелегально спас тонущего. Его немедленно выслали из страны с запретом въезда в дальнейшем. А ведь Россия была не только нашей любовью, но и нашей профессией — мы не могли рисковать.

Когда Окуджава увидел нас в ЦДЛ, мы пожаловались, что нам отказали в разрешении поехать на Псковщину. «Ничего удивительного. Там же военный аэродром имени Пушкина», — ответил он с каменным выражением лица.

Потом мы еще прислали ему польскую пластинку с его песнями в исполнении наших актеров. И записи Жоржа Брассенса, чье творчество по своему настрою было настолько близко поэзии и песням Окуджавы, что у нас просто в голове не укладывалось, что он мог его не слышать. А еще по поводу текстов Булата у нас была стычка с известным польским переводчиком, знатоком русской поэзии, который обвинял его в отсутствии вкуса и считал, что его произведения слишком отдают китчем, приводя в качестве примера «Ваньку Морозова».

Наши пути неоднократно пересекались в Москве. Реже — в Польше, куда Окуджава охотно приезжал. В Польше его ценили не меньше, чем в собственной стране. И еще он был тут известен как прозаик. Окуджава симпатизировал Польше и не раз подчеркивал это свое отношение. Как-то он вспомнил с сожалением об Агнешке Осецкой, которая не заметила и никак не отреагировала на одно из его посвящений. Это было брошено мимоходом, а о подробностях мы не расспрашивали.

Встретились мы еще и... в Париже. Как-то мы отправились за покупками в ныне не существующий огромный торговый дом «Лувр». Вдруг кто-то тронул меня за плечо: «Друг, помоги купить салфеточки!» — слышу я знакомый голос. Мы помогли ему купить те самые салфеточки и сами тоже приобрели разные мелочи, которые в странах народной демократии — так же как и в стране Советов — отсутствовали, а Окуджава пригласил нас тогда на свой концерт.

Виктория отправилась на концерт одна (мне надо было раньше вернуться в университет), в зале она встретила многих знакомых русистов. Его песни принимали очень тепло, но той атмосферы, какая запомнилась по МАИ, не было и быть не могло. В Москве или в Новосибирске, где бы Окуджава ни выступал, каждое его слово находило отклик. Здесь тоже аплодировали, но было ли понимание?

■

Он был человеком смелым, чему мы не раз были свидетелями. Когда ему случалось выезжать за границу, то при встрече он всегда нежно встречался со своими друзьями-эмигрантами, что ему не прощалось; в Польше он записал свою первую пластинку — не спрашивая ни у кого разрешения. Высказывался смело, невзирая на то что потом это влекло за собой «проработки» и другие последствия. Когда его вызывали «на ковер», требуя, чтобы он воспрепятствовал распространению магнитофонных записей с его произведениями, он красноречивым жестом отвечал, описывая рукой большой круг: «Как только вы выпустите это (то есть пластинку), то не будет и того (тут он обрисовал рукой кружок поменьше, то есть тогдашнюю магнитофонную ленту)».

До самого конца он оставался самим собой, слава не изменила его ни на иоту, а может быть, иногда даже утомляла. Охотнее всего он бы, наверное, закрылся в своем доме в Переделкине и сочинял, лишь иногда встречаясь с некоторыми друзьями. Но он не мог себе этого позволить. По существу — даже трудно в это поверить — он жил от гонорара до гонорара, от концерта до концерта, в ожидании гонораров за издаваемые с большим трудом книги, не имея никаких сбережений. Северину Полляку и Жене он рассказывал, что, когда безденежье из-за запрета публиковаться и выступать его совершенно доконало, он обратился к властям за разрешением работать таксистом. Ему было отказано с мотивировкой, что у него высшее образование, поэтому он не может быть таксистом. До конца своей жизни, будучи уже тяжело больным, он продолжал выступать. Ради заработка. Худой, явно не

Булат Окуджава на вечере авторской песни. Вроцлав, 1991

в форме. В Польше тоже. Мы слушали его, снова ощущая комок в горле, но теперь причина была совершенно иная: мы видели, как он устал, с каким трудом, уже севшим голосом, он поет и декламирует. Когда в Париже он заболел, никто на Западе не мог понять, почему такой известный поэт и бард не в состоянии оплатить свое лечение в больнице, и друзьям пришлось организовать складчину для этой цели...

Сегодня в России, которую он считал своей второй родиной, ему припоминают и «комсомольскую богиню», и «комиссаров в пыльных шлемах», и другие, столь понятные годы назад, тексты, лишенные какого-либо пафоса и фальши тех официальных песен, которые воспевали единственную в мире «страну, где так вольно дышит человек». В России хотят верить, что жизнь его была легкой, что он был баловнем судьбы. Не доходит до людей, что песни Окуджавы — а вернее поэзия его песен — были противоядием против обязательного оптимизма и фальшивого пафоса. А это вызывало недовольство властей. И не приносило денег... Его многочисленные противники — и тогда, и сейчас — не могли и не могут примириться с его необычайной популярностью и с настоящей, нескрываемой любовью к нему целого поколения молодых, с такой любовью, которую никоим образом нельзя даже сравнивать с экзальтированной реакцией различного рода фанатов массовой культуры.

А мы то и дело напеваем его песни, в том числе и эту малоизвестную, за которую ему устроили партийную головомойку...

Настоящих людей очень мало
На планету — совсем ерунда.
А на Россию одна моя мама,
Только что она может одна?..

Прощай, Булат! Мы верим, что следующие поколения прочтут и услышат тебя заново и полюбят так, как мы тебя любили...

Отрывок из книги «Россия — наша любовь». Варшава, «Искры», 2008.

Адольф Рудницкий

Перевод Марины Курганской

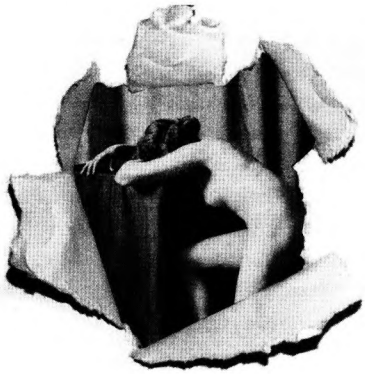
БЕЛАЯ НОЧЬ

Петру Равичу

Он жил и умер в доме, перед которым я сейчас стою. Мемориальная доска на стене гласит, что тут он жил и именно в этом доме написал одну из величайших книг, которые когда-либо были созданы человеком, — «Братья Карамазовы». Доски сейчас не видно, дом едва различим в слабом свете, ночь. Ангелы передо мной, ангелы за мной, ангелы парят в воздухе, ангелы ужаса и тишины, темно, поздно, одиноко, всё может быть, всё может случиться, кто-то может всадить мне нож в спину, я могу узнать тайну, которую напрасно искал в разных частях света и времени. Дома не видно, доски не видно, но я был тут несколько часов назад, теперь пришел во второй раз. Дом спит, не светится ни одно окно, магазины наглухо заколочены, даже рынок напротив спит. Два каких-то типа с маленьким резким светом от электрического фонарика крутятся возле грузовика. Я стою на углу Кузнечного переулка и улицы Достоевского, которая при его жизни называлась Ямская. Здесь он жил, наверняка не раз останавливался на том месте, где я сейчас стою. Много лет я ждал этой минуты.

Бóльшую часть своей жизни он провел тут, в Петербурге. Как и многие другие, он пытался описать этот город, наложивший на него свой отпечаток, и сам навсегда оставил свой отпечаток в этом городе, чей архитектурный облик поражал его отсутствием собственного лица и характера. Он замечал в нем влияние всех идеек и всех мод со всего мира, но стоило ему самому взяться за описание какой-нибудь из здешних улочек, она под его пером становилась неповторимой, неизгладимой в памяти навек. Картины Петербурга в «Белых ночах», «Униженных и оскорбленных» невозможно забыть. Он был летописцем самых бедных, самых мрачных улиц где-то за Сенной — нынешней площадью Мира. Война, революция и время не нарушили их, и сейчас не составит труда проследить каждый шаг Раскольникова. Его читателям Петербург и сегодня служит источником особенных, необыкновенных впечатлений, словно погружает в сон, разрывая время, реальность. Дома остались такими же, хотя их характер изменился; нет проституток, нет смердящих шинков, вопиющей нищеты, крик бедности растворился в воздухе, хотя если сосредоточиться, то слышно и крик.

* * *



Расположенный неподалеку Кузнечный рынок во времена Достоевского влиял на характер всей округи, превращая ее в подобие Сенной площади. В доме, перед которым я стою, писатель поселился в конце жизни, когда материально был уже несколько лучше обеспечен. Много повидал я таких домов, как этот, в котором были созданы «Братья Карамазовы». Из таких домов состояла до войны Хмельная улица, и Злотая тоже, но не у Маршалковской, а ближе к Железной. Несколько часов назад, когда я впервые попал сюда, у меня постоянно возникала в памяти улица Павья, какой она была до второй мировой войны — прежде чем сгорела. Толпы, слякоть, вывески, дома, трамваи, армяне,

у которых я покупал гранаты, — Павья не выходила у меня из головы. Этот дом был еще не самый плохой, раньше писатель жил хуже, ниже, а выше ни разу, он так никогда, например, и не добрался до Невского проспекта. Достоевский часто менял квартиры. Его жизнеописания показывают, что он особенно любил угловые дома. Этому не дается никаких толкований, вероятно, просто случайность, а может, он, как каждый отшельник, искал сосредоточенности; впрочем, не исключено, что такие дома сами его находили.

Поздний час; когда я шел сюда, на всей улице мне встретилось не более пяти человек, это были молодые люди, парочки. Несколько часов назад, когда я был тут первый раз, мы вошли внутрь, пробежали по этажам. Лестничные марши широкие, каменные, старые, было в них что-то, чего я не умел определить. Цвет? Запах? Нет, не знаю. Восемьдесят лет назад это мог быть вполне приличный дом, хотя тогда требования были выше, купцы строили себе особняки, в доходных домах жила беднота. В доме четыре этажа, у нас бы сказали — три, но здесь первый этаж тоже считается. Несколько часов назад я был здесь не один. Правда, мой спутник, русский, не знал, в какой квартире стоял стол писателя и чей стол там стоит сейчас. Нам надо было взять с собой того, кто лучше бы ориентировался в биографии Достоевского, но выяснилось, что по каким-то причинам это невозможно. Гиды были заняты, а мы торопились. «Пусть нас присоединят к какой-нибудь экскурсии, неважно, какой», — предложил я. «Вы упрощаете, господин Рудницкий», — ответил славный Б.; мы оба рассмеялись. С последнего этажа я выглянул во двор: стены как истлевшие страницы книги, поленницы (все ленинградские дворы завалены дровами), фургон для перевозки мяса с металлическим кузовом, а в нем четверти говяжьих туш. Я замер; мне показалось, что это картина в духе Достоевского. В Москве молодой писатель Ларин сводил меня в музей Достоевского. Мы шли по беднейшей части города, ничуть не изменившей свой облик почти за полтора века, к малюсенькому домишке, где родился Достоевский. Нас приняла какая-то старушка в платке. В тот день музей был закрыт, и она беспомощно разводила руками. Побродив по коридору, завешанному плакатами к фильмам, снятым по произведениям Достоевского, — музейные комнатки были закрыты на ключ, — я вдруг увидел старцев, вычеркнутых всеми из памяти, брошенных целым миром, престранно одетых, забытых в своих молельнях, куда никто не приходит. Когда кто-нибудь туда заглянет, старцы долго к нему присматриваются, словно спрашивая, кто пришел — неверный или, напротив, человек, «который не потерял веры и не дал сбить себя с толку». Русские оставили автора «Идиота» там, где он родился, не перенесли его в центр, не назвали его именем больших улиц, как сделали со всеми своими великими — Пушкиным, Гоголем, Толстым, Чеховым, Тургеневым. Со всеми — кроме него.

* * *

Тут, за этими окнами, свершалась мистерия, которая не дает нам спать... Сила старости — вот что меня раньше изумляло. Старость обычного доходного дома — не дворца, не собора, чье величие с годами становится только заметнее. Доходный дом из бедного квартала с годами выглядит еще беднее. Наследие Достоевского — тоже такой дом. Доходный дом, и одновременно — дворец и храм. Старость сделала необыкновенным то, что в нем было обыкновенным. В первый раз и сейчас, ночью, меня поразила бедность этой улицы, бедность, которая есть богатство. Помню, когда в Италии или Франции я смотрел на старые стены, одна и та же мысль неизменно приходила мне в голову: в этих камнях заключалось всё, они вобрали в себя такое количество пережито-

го, что однажды кто-то с легкостью извлек накопившееся в них. Из камня легко выжать всё, потому что он впитал в себя всё. Старые камни впитали в себя всё, в то время как новые, километрами тянущиеся панельные дома молоды, зелены, и из них ничего не выдавишь. В этих новых многоэтажках, которыми так гордятся городские советы или муниципалитеты, всё только начинается, все еще только обустраивается, ничего, кроме приобретения новых вещей и мебели, не интересует их новых обитателей. Кожа говорит всё о человеке, камень говорит всё о городе, о времени. Эти новые огромные многоэтажки, где бы они ни стояли, еще не дозрели до слова, а вот такая улица, как здесь... Достоевский взял у нее всё, что только можно взять. Теперь она только умирает.

* * *

«Господин Рудницкий интересуется Достоевским, пишет о нем...», — кое-кто из русских подтрунивал надо мной. Примерно четверть века назад, вернувшись из Советского Союза, Андре Жид обозначил то, что его глубоко взволновало: отход русской молодежи от своего великого отца — от писателя, который был для Запада альфой и омегой литературы, ее невозможно себе представить без него, без всех остальных — можно, а без него — нет. А.Жид написал книгу о Достоевском и на многие годы вперед превратил его в моду, которой свойственно быстро проходить или трансформироваться в нечто более глубокое. Я не помню, пытался ли Жид, помимо констатации факта, заняться его экзегезой. Когда-то я говорил, что во время войны Достоевский меня отталкивал, я не мог его читать. Так вот, революция — это перманентная война, это война каждого часа за каждый час, это война, которая изменяет интересы, потребности, иерархии. Сорок четыре года революции нужно умножить на месяцы, недели, дни и часы неустанной борьбы за новое, за новые законы, новые нравы, за элементарные вещи, необходимые для ежедневного существования. Сорок четыре года борьбы, неизбежных ошибок, безумств, завоеваний — достаточно, чтобы перепахать человека до основания. О, революция не игрушки! За годы подобного давления изменилось отношение к слову, и Достоевский лишь для немногих остался тем, кем он когда-то был для читателей, на чью долю не выпало подобных испытаний. Жид констатировал факт отхода от Достоевского, и процесс продолжал развиваться. Четыре года спустя молодежь вошла во вторую мировую войну, потом были новые события, которые эту «перепашку» углубили. Вот почему как минимум для двух поколений в своей отчизне Достоевский уже не является тем, кем он был для предыдущих, кем он был для Европы. На горизонте появился новый человек. Человек сельский.

* * *

Два дня назад в Эрмитаже я стоял перед творением, которое надо рассматривать на коленях. Сначала прошла группа, ее вела экскурсовод. Указав рукой на картину, она произнесла: «Перед вами еще одно полотно известного художника Рембрандта «Возвращение блудного сына», — и в качестве пояснения своей пастве бросила: «Был такой блудный сын...»» Из группы прозвучал ответ: «Теперь уже нет таких слов...». Через десять секунд они уже переключились на другие картины «известного художника Рембрандта», а ко мне подошел человек сельский и все; мы вместе смотрели на «Блудного сына». После долгого молчания он сказал густым голосом: «Сколько же он должен был пройти, чтобы довести себя до такого состояния. Это уже свинья, а не человек... Видно, что не богач, многое испытал», — произнес он перед портретом Старца. Бернанос где-то заметил, что нельзя без потрясения читать описания нищеты в русской литературе. Лишь на по-

верхностный взгляд слова человека сельского звучат примитивно, примитивен скорее тот, кто сочтет их примитивными. В них есть второе дно, которое легитимизирует Революцию. Когда в Исаакиевском соборе я вгляделся в одну из гравюр, на которой были изображены запряженные, как лошади, крестьяне, везущие массивные каменные блоки, — строительство Петербурга в болотных топях, — мне пришла в голову мысль: история России завораживает, ибо в ней на относительно малом отрезке времени можно увидеть всё, что составляет историю всех великих народов, что разбросано в пространстве веков и тонет во мгле времени. В отличие от других, история России кажется почти сегодняшней, и при этом она определяет судьбу не только своих народов, но и отражается на нас всех. Воткнутый циркуль одной ножкой очерчивает историю Петра Великого, другой касается событий, которые заполняют первые страницы газет в разных частях света. И это не только история — сын или внук человека в лаптях, «из топи блат» вознесшего Петербург, взялся за перо и дал миру гениальные книги. Гениальные, ибо он начал искать ответы на вопросы, про которые Запад давно уже сказал себе, что ответов на них нет. Спрессованность времени привела к тому, что тень человека в лаптях никогда до конца не исчезала из русской литературы. Здешние писатели могут чувствовать свое собственное одиночество, но они никогда не теряют из виду человека, катящего валуны. Тень упряжного человека-лошади падает на всю русскую литературу и придает ей тот тон *caritas*, который так потряс Бернаноса и который так потрясает каждого из нас. Сказанное здесь о человеке сельском компрометирует меня, а не его, если я не окутал его этим облаком *caritas,* что является первой заповедью каждого пишущего.

* * *

Все произошло за этими окнами. Здесь был создан мир, не похожий ни на какой другой. Кровь от крови, плоть от плоти автора... Писателя, совершившего последнее действие в литературе. Только литература, которая побуждает к действию, к подражанию, завоевывает людей, меняет мир, — остальное лишь приятное времяпрепровождение, милая беседа, милое объяснение вещей, которые объяснить невозможно. Действовать в литературе, должно быть, чрезвычайно трудно, раз это такая редкость. Необходимы очень глубокие корни, нужны соки, которые появляются крайне редко. Именно Достоевский совершил последнее действие в литературе — дал Раскольникова. После Раскольникова уже не было действий в литературе, хотя минул век. Все действия в западной литературе — по сути, объяснение Раскольникова. Сто лет прошло, а не видно, чтобы кто-то его собирался заменить. Оказывается, можно уничтожить десятки миллионов людей, сжечь их в печах, стереть с карты мира целые страны, но все это вместе не перевесит действия, действия в литературе, которое имеет свою автономию и совсем иную логику. Раскольников — это не портрет отдельного убийцы, это — всё, что на тему убийства можно сказать. Раскольников более выразителен, чем тираны, пошедшие по его стопам и прославившиеся поступками, перед которыми воображение меркнет. Сто лет назад Раскольников убил, а потом у нас были Освенцим, Треблинка, Хиросима, но когда мы ищем портрет убийцы, мы возвращаемся к Раскольникову.

Любое действие в европейской литературе — перевод из него, этого человека, который сидел за каким-то из этих трех окон этого скверного дома в этом сомнительном районе города. Через сто лет книга читается иначе, видимо, Запад уже не был способен к действию, к нему были способны здесь. Всё, что Европа предлагает нам в качестве литературы сегодня, лишний раз подтверждает ее неспособность к действиям. О неспособности к действиям свидетельствует всё, что выходит из-под пера Ионеско, Сартра, Фолкнера. Писателем, который самостоятельно искал действия, был на Западе, вероятно, Хемингуэй. Но у него это так и осталось позой. Когда видишь тут эти толпы, кожей чувствуешь, что действие снова созревает, хотя не имеет пока определенной формы.

* * *

Есть еще одна причина, по которой Достоевский оказал на нас такое большое влияние — он опередил свое время, вступив в дискуссию, которая по-настоящему разгорелась только после его смерти. По сей день он — главный свидетель спора, который продолжается. Манес Шпербер назвал его первым писателем, создавшим образ партийного ренегата. Любовь Достоевская в своей книге, написанной и изданной в Швейцарии в 1920 году, замечает, что произведения ее отца «никогда не нравились иудеям и левым». Теперь «иудеи и левые» без конца говорят о ее отце, он стал для них наиболее близким автором — самым читаемым и постоянно цитируемым. Достоевского по-настоящему убили в тот день, когда он стоял перед расстрельной командой, его не спасло царское помилование, он воскрес только в своей прозе, которая родилась уже как бы по другую сторону. Эта проза создана человеком, из которого ужас так никогда до конца и не испарился, и от всего, что он рассказывает, исходит этот ужас, придающий его произведениям специфическую окраску. Его герои вылеплены не только из его величия, но и из его страха. Пережив ужас, он перестал верить, что человек сам может многого для себя добиться. Глубокий мыслитель, он видел, где у марксистов самое слабое место, и бил по нему, атаковал их за то, что они отвергают первородный грех, страх, эгоизм, влияние которых бывает не только плохим, но по крайней мере — спорным. Он нападал на них за неверие в силу зла, тогда как сам верил в личного дьявола, в зло как нечто абсолютно равноправное в человеке. Он обрушивался на них за то, что они хотят внушить человеку, будто он хороший, тогда как он в не меньшей степени плохой, низкий, злобный, слепой — слепой в отношении себя и других. Все социалистические начинания Достоевский считал безумством, которое приведет только к «потопу». Сам он не верил, что человек может спастись без помилования. Страх заслонил перед ним планы человеческих завоеваний, ибо не всё, что человек совершает, коренится в первородном грехе.

Из книги «Купец из Лодзи» (Warszawa: PIW, 1963)

Генрик Ванек

Перевод Марины Курганской

ГОЛУБЫЕ СТРАНИЧКИ

Мне бы хотелось написать о вас, мой дорогой, — говорю я мысленно, закрывая книгу, как закрывают дверь, чтобы спустя какое-то время вновь ее открыть и убедиться, что мир и проблемы, собранные там внутри, не растворились, как часто бывает, в воздухе, не успели стать чуждыми, устаревшими под приличествующим слоем пыли. Вот я открываю эту дверь; вхожу; всматриваюсь на протяжении двух, трех, четырех страниц; выхожу, закрываю. Никаких «здравствуйте» и «до свидания». Обитающие тут тени меня не видят, и я им безразличен. Я даже, может, и сам один из них, я среди них, то есть — некий мой прототип, в данном случае уже как читателя. Я открываю эту книгу, как открывают дверь, за которой время затаило дыхание, давая мне возможность ненадолго что-то вспомнить. Законы времени здесь иные, и от его дуновения отмыкаются запоры более глубоких пластов памяти, я в ней — наряду с другими тенями — актер. Или, скорее, статист.

Я не сказал бы, пан Адольф, что ищу тут встречи с вами. Вы довольно редко показываетесь (хотя, может, не вы, а кто-то другой?) из этого своего оригинального языка, то есть из-за всех этих пустячных диванчиков, диванов-кроватей, этажерок, комодиков, занавесочек, столиков и так далее, которыми вы обставили пространство за дверью. Лишь из глубины памяти иногда всплывают какие-то фрагменты вашего облика. Ваше лицо. Шевелюра. Осанка. Задатки прирожденного Нарцисса, которыми пренебрегли. А всё же, почему вы им не стали, когда у других это отлично получалось?

Я открываю книгу, закрываю дверь. Закрываю книгу, открываю дверь. Раз за разом, словно вхожу на склад старья, которое, выпав из времени, не успело покрыться трещинами. Никто не упрекнет его в том, что оно с каждым сезоном все больше дряхлеет. Ничего подобного. Перемещенное на бумагу, оно само изъяло себя из тривиального пространства. На бумагу, в те груды книг, не столько антикварных, сколько подержанных, которые в огромных количествах нанесли в тоннель, бегущий под пятью перронами вроцлавского Главного вокзала. Расчетливость польских железных дорог гарантирует мне свободный час, который я регулярно там провожу, будучи проездом. В один из часов ожидания я взял такой потрепанный экземпляр. Из-за вас, дорогой автор. Ну, и немного для себя. Бумага ужасная. Напечатано неряшливо. Цена доступная. Я взял книгу и, как только поезд тронулся, сразу же открыл в нее дверь — впервые. Должно быть, она заскрипела. Не помню. Но прежде я увидел наверху заголовок, очень в вашем стиле: «ВЕЧЕР ЕСТЬ ДУША ДНЯ». Ничего не скажу, довольно заманчивый. Красивый. От одних этих слов захотелось заглянуть внутрь. Не столько ради вас, пан Адольф, сколько прежде всего для себя.

Та шутка не была слишком изысканна, но в принципе безобидна. Правда, повторенная дважды или трижды, она утратила то, что в шутке тоже немаловажно — свежесть. Вдвоем с Яцеком Д., вечно молодым польским художником, потерявшимся в парижском районе Marais, мы взяли в типографии на первом этаже макулатуру, ловко ее упаковали и отнесли в Centre de l'Europe. Не застав господина Рудницкого, мы положили посылку ему под дверь. Спустя несколько дней собрали вторую и оставили ее внизу у портье. Яцек решил: поскольку посылки действительно удались, сделаем еще одну. Спустя какое-то время я встретился с Рудницким. Слово за слово, он поделился со мной своими самыми мрачными подозрениями — кто-то втягивает его в политическую провокацию. Некий аноним уже который раз подбрасывает ему посылки с левацкой литературой маоистского толка. Откровенно говоря, я даже не интересовался, что это была за типография, но вроде бы мы брали там бракованные каталоги для садоводов. Или прейскуранты на цветы? Мне не пришло в голову, что и в них могли затесаться темы, столь модные в Париже anno 1970. Левацкие. Маоистские. Сартровские. Рудницкий был взволнован. Он только не знал, как — и на кого — реагировать. Что касается меня, то я бы признался ему, и дело с концом, но Яцек счел, что этим мы лишь испортим всю игру.

Посылки прекратились. Нам расхотелось. Но в представлении Рудницкого дело не закончилось. Он к нему возвращался. Анализировал. Строил гипотезы. Ясное дело, это нас тоже забавляло. Нет бы предположить, что кто-то подбрасывает ему вторсырье, так он сразу — политическая интрига. Управление безопасности? КГБ? Моссад? Или ЦРУ? Или французская контрразведка? Какой-нибудь маньяк? Платный провокатор? Париж тогда был вовсе не безопасным местом. О, нет. Уж скорее Варшава. Только скука там смертная. Косность. Духовная ограниченность. Как во всей Польше.

Старше меня на тридцать лет, он прекрасно себя чувствовал в роли ровесника, видимо, поэтому и держался молодцом. Если б он не был писателем, то со своей неплохой фигурой, хорошо поставленным голосом и светлой головой он мог бы сойти за актера. Вероятно, он даже и стал бы им. Ведь он и в жизни играл, и по нему нельзя было догадаться, насколько богат его жизненный опыт. Его случай был чудом. Еврей, выживший в войну. Впрочем, меня больше интересовало в нем то, как он умел себя подать, но я не назвал бы его своим литературным идолом. «Голубые странички» в еженедельнике «Свят» смущали меня. Я не поспевал за их поэтикой. По моему разумению, автор чересчур углублялся в философию мысленных сокращений и весело блуждал в языке. Рудницкий полировал слова как поверхность мебели, раскладывал на них свои безделушки, гаджеты, воспоминания, приключения с малой буквы «п». К тому же я не знал ключа к этим столичным неприязням, рэнкингам и путаным взаимоотношениям. У меня неизменно оставалось впечатление, что я читал, да не всё вычитал. Я возобновлял попытки. Безуспешно. И в языке повестей (я взялся за пару без всякого энтузиазма) было нечто такое, из-за чего я в конечном счете начинал понимать Сандауэра*, который к нему придирался и брюзжал немилосердно. В голове твердолобого господина профессора, должно быть, имелась какая-то стратегия, план сражения, уж не знаю, во имя чего. Когда-то мне казалось, что знаю, но, наверно, мне так только казалось. Чем-то его этот Рудницкий не устраивал, вот он и строил ему страшные мины; бомбардировал пытливым рационализмом. Я, по крайней мере, помню — были споры, нападки, громогласные тирады, но мне даже не хочется проверять, в чем там, собственно, было дело. Сандауэр атаковал, а Рудницкий плакался, что его бьют. «Писатель, чье творчество сразу после войны представлялось столь многообещающим, превратился в Гелену Мнишек нашего времени», — не жалел красок для автора «Нелюбимой» профессор Сандауэр.

Но это лишь больше располагало меня к текстам Адольфа Рудницкого. Не исключено, что свою роль тут сыграла экранизация его «Нелюбимой». И тоже не столько из-за самой повести, сколько из-за музыки. А потом симпатия распространилась и на автора. Я наконец заметил, что есть в нем что-то подкупающее, какая-то чистота души, она ощущалась, ее было слышно и видно. Рудницкий принадлежал к тому (редкому в своей профессии) типу людей, про которых думаешь: «Этот человек не врет».

Но тогда, в Париже, я почувствовал себя ужасно неловко из-за этих посылок. Была осень 1970 года. В Варшаве товарищ Гомулка держался из последних сил, а мы самовольно на берегах Сены упражнялись в концептуализме, акционизме и искусстве упаковки. А ведь по правде мы с Яцеком обрекли славного Адольфа на бессонные ночи, и его дни к вечеру начали проявлять малодушие. Кто знает, не тогда ли я впервые понял, что искусство — это в основном глупые шутки. Когда через много лет мы встретились (кажется, в 1981 году), он сделал вид, что узнал меня, а может, и правда узнал, ибо в его памяти все было разложено по полочкам. Я даже хотел было вернуться к теме этой макулатуры, но прикусил язык.

Не помню, встречались ли мы потом. И думал ли я о нем вообще, пока на вроцлавском вокзале в ожидании пересадки не заглянул в киоск с подержанными книгами. На одном экземпляре цена «*650,—*» была зачеркнута и от руки приписано «*980,—*». Я попытался посчитать, какую покупательную способность это имело в год издания, 1988? Вот так, с двадцатилетним опозданием, я добрался до собрания неизвестных мне текстов Адольфа Рудницкого. Читая их, я всё время спрашивал себя: действительно ли язык, которым они написаны, был так неудобоварим, как утверждал Великий Судия и сущий Молот Соцреализма — Сандауэр? Не по этому ли поводу Анджей Киёвский сделал ценное

*Артур Сандауэр (1913-1989) — польский литературный критик, эссеист, переводчик. — *Здесь и далее прим. пер.*

замечание: «Достоинство — вот тема Рудницкого»? Я читал его рецензии на театральные премьеры и фильмы, небольшие наброски к портрету эпохи шестидесятых; я заглянул во времена, чьей единственной усладой были спектакли и кино. В остальном люди брели сквозь эти годы, как сквозь туман. Тогда я еще интересовался кино и театром, знал, о чем речь. Тем более что на втором-третьем плане там нет-нет, да и мелькнет пейзаж Катовиц или Бытома, покажется Лодзь или кусочек Кракова. Не одно только Краковское Предместье*. Я вспомнил, что за этим стояла какая-то женщина. Ее сценические воплощения, ее туалеты. И в первую очередь, ее легендарная красота. Но об этом ни слова. Я догадываюсь, что искал автор в этих перемешавшихся пейзажах. Странно. Ведь все, что ему было нужно, он мог иметь в Варшаве.

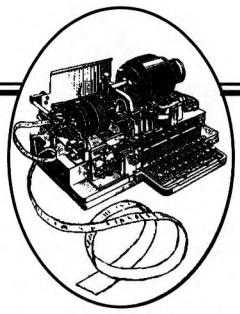
Но особенно мне пришелся по душе формат, в котором работал Рудницкий — завсегдатай театров, закрытых кинопросмотров и клубов, где обсуждались актуальные вопросы — бывало, и не по делу. Виртуозность, с которой писатель избегал ловушек любопытной цензуры. Вспоминается высказывание старика Гёте: «Цензура учит хорошо писать». В данном случае это относится главным образом к качеству языка, которого не хотел оценить по достоинству Сандауэр. Странно это, если *учесть*, что в так называемом «Письме 34-х»**(1964 год) подпись Рудницкого стоит прямо над подписью Сандауэра. В алфавитном порядке.

Я заглянул в «Литературный питомник». В течение четверти часа пытался читать и, устав, отложил. С Рудницким у меня нет такой проблемы. Я открываю книгу как дверь. Вхожу.

twórczość

* Одна из центральных улиц Варшавы.

** Письмо видных деятелей науки и культуры премьер-министру Ю. Циранкевичу с требованием увеличить количество бумаги для издания современной польской литературы. Против участников была развернута кампания в прессе.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Президенты Бронислав Коморовский и Дмитрий Медведев почтили память польских офицеров, убитых НКВД в 1940 году. Они возложили также цветы на месте смоленской катастрофы». *(«Жечпосполита», 12 апр.)*

» **«Российский президент в очередной раз лично почтил память польских офицеров, расстрелянных НКВД весной 1940 года (...) Несмотря на трудности и шумиху, Польша и Россия идут по пути примирения. По тому же пути, который после Второй Мировой войны избрали французы и немцы, а затем поляки и немцы». *(«Газеты выборча», 12 апр.)***

» «Год назад Медведев не воспользовался отговоркой, которую дала вулканическая пыль над половиной Европы, и прилетел на похороны Леха Качинского. Ранее он был в нашем посольстве в Москве, сделал запись в книге соболезнований. Он был действительно по-человечески тронут смоленской трагедией (...) Медведев не только «снял с полки» фильм Анджея Вайды, благодаря чему его показало российское телевидение, но и наградил польского режиссера орденом — за «Катынь». *(Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 19-20 марта)*

» **«Возложение венков к березе, в которую врезался самолет с Лехом Качинским и еще 95 пассажирами на борту. Коморовский подошел к дереву и дотронулся до него ладонью. Подозвал стоящего в нескольких шагах позади Медведева. Россиянин минуту постоял, потом президенты обнялись. «Перезагрузка» (...) — новое слово в польско-российских отношениях (...) Именно таким «урегулированием» занимались вчера оба лидера во время часового разговора в смоленской областной библиотеке». *(Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 12 апр.)***

» ««Я хотел бы поблагодарить тех, кто сохранил не только правду о Катыни, но и веру в то, что катынское преступление можно очистить от лжи», — сказал президент Бронислав Коморовский (...) Офицерский крест ордена Возрождения Польши получил, в частности, (...) Алексей Памятных, по образованию астроном, по призванию журналист-историк, сотрудник «Мемориала». В конце 80-х, еще в советской прессе, он впервые упомянул о катынском преступлении, а позже организовал в Москве посвященные ему выставки». *(«Газета выборча», 5 апреля)*

» **«Вчера российская генпрокуратура передала Польше еще 11 томов следственного дела о катынском преступлении. Следствие велось в 1990-2004 годах. Москве осталось передать еще 35 томов». *(«Газета выборча», 8 апр.)***

» ««Военная прокуратура не нашла доказательств того, что во время полета в Смоленск произошло покушение», — заявил генеральный прокурор Анджей Серемет (...) «Доказательства, которыми мы располагаем, однозначно исключают тезис о причастности к катастрофе третьих лиц», — сказал полковник Иренеуш Шелёнг, руководитель Варшавской окружной военной прокуратуры». *(«Жечпосполита», 2-3 апр.)*

» **«Российская генеральная прокуратура передала Польше 14 томов следственного дела о смоленской катастрофе». *(«Газета выборча», 7 апр.)***

» «Согласно опросу TNS ЦИМО от 25-27 марта, в покушение верят сегодня 8% поляков (...) Почти 20% респондентов считают, что главной причиной катастрофы были ошибки польской стороны при подготовке полета, а 24% обвиняют прежде всего службы российского аэродрома. Лишь 14% опрошенных считают, что главной причиной несчастного случая были ошибки экипажа самолета (...) Поразительна высокая доля (35%) людей, у которых нет сложившегося мнения о причине катастрофы». *(«Политика», 9 апр.)*

» **«Во время демонстрации перед посольством Российской Федерации полиция задержала Филиппа Рдесинского, журналиста «Газеты польской», который держал подожженное чучело». *(«Жечпосполита», 12 апр.)***

» ««Я не несу ответственности за кампанию ненависти в связи с катастрофой», — сказал после мероприятий в годовщину смоленской катастро-

фы премьер-министр Дональд Туск (...) Намного резче высказался (...) вице-маршал Сейма Стефан Несёловский: «Ярослав Качинский раздувает в Польше пожар»». *(«Газета выборча», 12 апр.)*

» «На вопрос ЦИОМа: «Не кажется ли вам, что расследование обстоятельств катастрофы важно для Польши, но об этом слишком много говорят?» — 79% опрошенных ответили: «Кажется», 18%: «Не кажется», а 3% затруднились с ответом:». *(«Пшеглёнд, 10 апр.»)*

» «Согласно опросу ЦИОМа, 43% поляков оценивают польско-российские отношения как «средние», 42% считают их «плохими», а 12% полагают, что они «хорошие». 62% опрошенных (с сентября этот показатель снизился на 7%) уверены, что дружественные и партнерские отношения с Россией возможны, 32% (рост на 10%) высказываются по этому вопросу скептически». *(«Жечпосполита», 22 марта)*

» «31 января в Варшавском университете стартовал первый конкурс на стипендии для лучших аспирантов в области польско-российских отношений (...) Стипендиальная программа — результат сотрудничества Варшавского университета с ООО «Газпром экспорт» и АО «ЕвРоПол ГАЗ». Соглашение было подписано 19 мая 2010 года (...) Организаторы протеста против этого сотрудничества объясняли, что вуз не должен подписывать договоры с российским концерном, главным собственником которого является Российская Федерация и который представляет ее интересы». *(«Жечпосполита», 16 марта)*

» «Крупнейшие российские инвестиции в Польше: «Газпром — ЕвРоПол ГАЗ» — Ямальский газопровод, «Лукойл» — сеть заправок, Сергей Багдасарян — АО «Снежка» (кондитерские изделия), «Северсталь» — металлургический комбинат «Силезия» (производство труб). Общий объем инвестиций — 1,85 млрд. долларов. Крупнейшие польские инвестиции в России: «Белла» — Егорьевск (средства гигиены), завод ДСП «Граево» — Великий Новгород (ДСП), «Форте» — Владимир (мебель), «Биотон» — Орел (производство инсулина). Общий объем инвестиций — 534 млн. долларов». *(«Политика», 26 марта)*

» «Польские предприниматели создавали свои фирмы с нуля, и именно они дают возможность развиваться всем остальным (...) Нельзя смотреть на польских предпринимателей как на аферистов по определению (...) Мы стараемся принять любой капитал из всех уголков мира, а польский мы порой просто дискриминируем (...) Полгода назад премьер Туск был в Индии: приехал убеждать индийских предпринимателей, чтобы они вели дела в Польше, но забыл пригласить в свой самолет польских бизнесменов, которые могли бы быть партнерами индийских. Индусы были удивлены, встретив лишь чиновников (...) Польская политическая верхушка демонстративно открещивается от людей, добившихся успеха (...) а у тех из них, кто включается в общественную и благотворительную деятельность, возникают потом трудности (...) Я верю в здравый смысл поляков. Карновского избрали президентом Сопота еще на один срок, несмотря на нападки. Те, кто действительно чего-то достиг, отстояли свои позиции. Во Вроцлаве победил Рафал Дуткевич, хотя его тоже сильно критиковали. То же самое с Рышардом Гробельным в Познани. (...) Успехи (...) иногда достигаются вопреки государству. Зигмунт Солож занимается сейчас чем-то совершенно неожиданным — подключает к интернету деревню (...) Кто все это делает? Политики или частные предприниматели?» — Веслав Валендзяк, деятель антикоммунистической оппозиции, бывший директор Польского телевидения, начальник канцелярии премьер-министра Ежи Бузека, председатель парламентской комиссии Государственного казначейства, в настоящий момент директор «Проком Инвестментс». *(«Тыгодник повшехный», 20 марта)*

» «По официальной информации Главного статистического управления (ГСУ), к концу февраля текущего года в Польше насчитывалось более 3,9 млн. зарегистрированных фирм (...) Управление социального страхования обнародовало число действующих предприятий в Польше — около 1,8 млн. Похожие данные приводит и министерство финансов, располагающее информацией о том, сколько фирм платит налоги. Это показывает, что число действующих предприятий в Польше — не 4 млн., а немногим больше 1,8 (...) Разница объясняется тем, что ГСУ приводит число зарегистрированных предприятий, а не только тех, которые действительно работают», — Богдан Выжникевич, замдиректора Института изучения рыночной экономики. *(«Газета выборча», 5 апр.)*

» «В прошлом году доходы крестьянских хозяйств в Польше выросли более чем на 11% и составили почти 17 тыс. злотых на человека в год (...) Исследования Европейской системы сбора экономической информации (FADN) включают лишь 750 тыс. хозяйств из почти 1,8 млн. существующих в Польше (1,6 млн. хозяйств получают европейские дотации) (...) Из этих 750 тыс. хозяйств по-настоящему высокие доходы отмечены лишь в нескольких десятках тысяч. Это прежде всего садовые хозяйства — их доходы выросли на 77%: из-за плохой погоды у нас хуже уродились овощи и фрукты, поэтому цены на них были высокими. Больше заработали также владельцы молочных коров — их доходы выросли на 25%: увеличился объем экспорта молочных продуктов в Китай и Индию, поэтому и цена пошла вверх. А что с остальными? Их доходы не выросли, а у некоторых даже упали (...) Настоящая проблема нашего сельского хозяйства — его расслоение, неэффективность и высокая себестоимость производства продуктов питания». *(Кристина Нашковская, «Газета выборча», 5 апр.)*

» «Годовой бюджет Клещува, поселка близ Пётркува-Трибунальского с населением 5 тыс. человек, составляет 170 млн. злотых. Доход гмины в пересчете на душу населения — 30 337 злотых (средний показатель по Польше — 1800). (...) 70% поступлений — это налоги, которые платит (...) огромное открытое месторождение бурого угля (разработка ведется в карьере длиной 8 км, шириной 3 км и глубиной 280 м), а также электростанция «Белхатув» (...) Самая богатая гмина в Польше может позволить себе хорошую бесплатную службу здравоохранения (...) В поселке три муниципальных детсада (...) Родители платят только за питание детей (около 60 злотых в месяц) (...) Гмина оплачивает обеды в обеих начальных школах и в гимназии (...) В спортивно-образовательном центре (...) располагается спортивно-оздоровительный комплекс с бассейнами, СПА, бильярдом, гостиницей, отапливаемым стадионом, катком (жители гмины пользуются бассейном бесплатно), а также гимназия, лицей и техникум современных технологий (...) Почти у 100% хозяйств есть телефон и доступ в интернет (...) Очень обременителен большой открытый склад золы, с которого летит пыль. Трудности создает и отсутствие грунтовых вод. Ради добычи угля месторождение осушило территорию до глубины 300 м (...) Что-либо выращивать здесь невозможно». *(Марта Маевская, «Ньюсуик-Польша», 3 апр.)*

» «Каменный уголь добывается грабительскими методами — бьет тревогу Высшая контрольная палата (ВКП). Эксплуатируются в основном легкодоступные месторождения, а те, что потруднее (...) засыпаются, над ними строятся дороги и микрорайоны (...) ВКП предостерегает, что если положение не изменится, после 2015 г. могут возникнуть трудности с обеспечением страны углем. «Шахты нерационально управляются, сосредотачиваются на извлечении максимальной выгоды и не заботятся об охране ресурсов», — говорит президент ВКП Яцек Езерский». *(«Жечпосполита», 22 марта)*

» «Ежегодно Польская нефтегазовая компания (ПНГК) добывает более 4 млрд. кубометров природного газа. Это почти треть газа, потребляемого в Польше. По расчетам Государственного геологического института, отечественные месторождения содержат около 140 млрд. кубометров топлива, то есть при нынешних темпах разработки его хватит на 30-40 лет (...) В Польше есть значительные залежи сланцевого газа. Он обнаружен, в частности, в скважине близ Вейхерова. ПНГК планирует начать разработку месторождения в 2014 году. Уже в этом году должна быть начата добыча в рамках т.н. норвежской концессии. ПНГК имеет 15-процентную долю в консорциуме фирм, которые ведут поиски газа в Северном море, откуда мы будем добывать около 0,5 млрд. кубометров топлива в год. В Пакистане ПНГК обнаружила месторождение газа совместно с местными фирмами. Поиски ведутся также в Ливии, Египте и Уганде». *(«Впрост», 3 апр.)*

» «Сейчас проходят конкурсы на должности руководителей крупных фирм, контролируемых государством. Известно, что в большинстве случаев это фикция (...) Театр абсурда начинается с поисков покровителей, связей и знакомств. Затем следует серия бесед, визитов в важные госучреждения, где потенциальные кандидаты или их посланники выражают свое глубочайшее почтение и заверяют в своей лояльности (...) Если бы конкурсы позволяли выбирать лучших, они наверняка стали бы повсеместной практикой и в частном бизнесе,

однако этого не случилось. Этот абсурд должен закончиться. Без этого нам не удастся ввести принципы, действующие на Западе. Там мы видим, что лучшие люди переходят из бизнеса в государственную и правительственную администрацию». ***(Якуб Кураш, «Жечпосполита», 17 марта)***

» «Средняя начисленная зарплата в фирмах, где занято свыше десяти человек, составляет более 3422 злотых — это на 134 злотых больше, чем год назад, и на 30 злотых больше, чем в январе. Как заявило ГСУ, это равнозначно годовому номинальному росту зарплаты на 4,1% и реальному на 0,5%. Растет и уровень занятости в фирмах. По сравнению с январем он вырос на 0,2%, а по сравнению с аналогичным периодом прошлого года — на 4,1%». *(«Жечпосполита», 17 марта)*

» **«В страну продолжают поступать огромные деньги от польских эмигрантов. По данным Польского национального банка, в прошлом году они прислали 4,2 млрд. евро (около 17 млрд. злотых). Этот год может стать еще лучше — ключевыми факторами здесь будут открытие немецкого рынка труда, улучшение конъюнктуры на Западе и всё более благоприятная ситуация на западных рынках труда. В результате заграничные поступления в польские семьи могут побить рекорд 2007 года. Тогда из-за рубежа в Польшу было переведено 5,2 млрд. евро (...) С 2004 г. поляки, работающие за границей, перевели на родину более 110 млрд. злотых (...) В Европе поляки работают (в миллионах): в Великобритании — 0,55, в Германии — 0,41, в Ирландии — 0,14, в Италии — 0,09, в Испании — 0,08, во Франции — 0,05, за пределами ЕС — 0,07».** ***(«Дзенник — Газета правна», 4 апр.)***

» «В каждую налоговую инспекцию ежегодно поступает несколько сот доносов на налогоплательщиков. Самый частый мотив составления такого доноса — зависть, связанная с улучшением материального положения других лиц, — рассказывают налоговые инспекторы (...) Чаще всего доносы пишут соседи, знакомые и бывшие супруги. Доносят также сотрудники на бывших работодателей и предприниматели на своих конкурентов. Заявления касаются занижения налогооблагаемых сумм, использования нелегального труда и сокрытия источников доходов (...) Проверки доносов составляют лишь несколько процентов всей деятельности инспекции, так как большинство обвинений оказываются ложными». *(Эва Матышевская, «Дзенник — Газета правна», 18-20 марта)*

» **«В последнем отчете Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей 34 наиболее развитых государства, поляки занимают второе место по количеству времени, проводимого на рабочем месте. С результатом 2015 часов в год мы уступаем лишь Южной Корее. На рабочем месте мы проводим почти на 400 часов больше, чем в среднем в странах ОЭСР. Но в отчете о производительности, подготовленном этой же организацией, мы занимаем второе место с конца. Худшие результаты лишь у мексиканцев (...) 93% поляков используют интернет в личных целях. 39% польских предпринимателей контролируют, что делают в сети их подчиненные».** ***(«Ньюсуик-Польша», 3 апр.)***

» «Рынок труда для лиц с высшим образованием сокращается даже быстрее, чем для людей, неспособных повысить свою рыночную стоимость при помощи университетского диплома (...) «Продвижение через образование» многие годы было фиговым листком, скрывавшим голое, возмутительное неравенство в положении и жизненных шансах — пока успехи в учебе еще были связаны с социальным престижем (...) Наверное, многие лидеры содрогаются, читая предостережение Коэна: «Один из уроков восстаний на Ближнем Востоке, особенно в Египте, состоит в том, что молчаливо страдающая группа хорошо образованных, но не работающих по со специальности людей может стать катализатором запоздалых общественных перемен» (...) В наших обществах, где, как мы слышим, экономику движут знания, питает информация, а успех зависит от образования, знания перестают быть залогом успеха, а образование не дает знаний, гарантирующих успех. Развеялись сразу две большие иллюзии: что отравляющее неравенство можно нейтрализовать, обезвредить благодаря социальному продвижению, ускоренному образованием, и (более опасная) — что образование в состоянии это продвижение поддерживать», — проф. Зигмунт Бауман. *(«Газета выборча», 26-27 марта)*

» **«Еще семь лет назад в Польше на пекарей учились 12,5 тыс. человек — сейчас их 4,1 тысячи. С каждым годом всё меньше желающих**

обучаться профессии мясника (было 2,8 тыс. — сейчас 925 человек) и портного (в первых классах по всей стране этой профессии обучаются лишь 25 человек) (...) С каждым годом в Польше уменьшается число профтехучилищ (за десять лет ликвидировано каждое третье из них), а также мастерских, обучающих ремеслу. Десять лет назад молодежь обучалась почти в 50 тыс. училищ, сегодня — в 28 тысячах (...) «Вместо того чтобы предотвращать опасность, мы повторяем ошибки Западной Европы», — комментирует это Кшиштоф Бандыра, социолог из Познанского университета им. Адама Мицкевича». ***(«Газета выборча», 15 марта)***

» «За месяц сахар подорожал почти на 2 злотых, а растительное масло — на 1 злотый. На протяжении года цены на некоторые продукты питания выросли на 40%. А будет еще дороже — говорят рыночные аналитики». *(«Жечпосполита», 30 марта)*

» **«Ярослав Качинский, лидер «Права и справедливости» (ПиС), пошел за покупками в один из варшавских магазинов. Он купил десяток яиц за 7,10 зл., 1 кг яблок за 4 зл., 2,5 кг картошки за 5 зл., 2 кг сахара по 6,60 зл., хлеб за 2,80 зл. и 1 кг муки за 2,90 зл. За все покупки он заплатил 55,60 злотых».** ***(«Гость недзельный», 3 апр.)***

» «Согласно опросу Группы IQS, 16% поляков считают поход председателя ПиС Ярослава Качинского в магазин, закончившийся пресс-конференцией и обвинением правительства Дональда Туска в дороговизне, пропагандистским успехом, 69% — пропагандистским поражением, 15% затрудняются с ответом». *(«Ньюсуик-Польша», 10 апр.)*

» **«Совет монетарной политики (СМП) повысил вчера процентные ставки на 25 базисных пунктов. Вырастут проценты по кредитам в злотых. Нет смысла надеяться и на быстрый рост прибыли с банковских вкладов. СМП повышает ставки, чтобы сдержать растущую инфляцию. Базовая ставка выросла до 4% (...) В настоящий момент инфляция составляет 3,6%, т.е. больше 3,5% — максимального уровня, допускаемого СМП».** ***(«Дзенник — Газета правна», 6 апр.)***

» «За последнее двадцатилетие глобальный ВВП удвоился. За это же время глобальное производство сырья и продуктов питания увеличилось не более чем на 30-35% (...) Мир просто-напросто натолкнулся на ресурсный барьер. Ресурсов слишком мало по сравнению с потребностями, поэтому любой рост спроса приводит к немедленному резкому росту цен (...) Спекуляция на сырьевом рынке приводит к тому, что повышение цен становится более резким, а падение — более катастрофическим, чем это обусловлено колебаниями спроса (...) Всё указывает на то, что вскоре инфляция станет в Польше постоянной проблемой», — проф. Витольд М. Орловский. *(«Политика», 9 апр.)*

» **«Мы исчерпываем биологические ресурсы Земли со скоростью, превышающей естественный процесс восстановления. Рубежом стал 1978 г., когда наши потребности превзошли способность Земли поддерживать равновесие в биосфере. Начиная с 1978 г. мы живем в кредит, эксплуатируя биосферу со скоростью, которая делает ее восстановление невозможным».** ***(Петр Сергей, «Тыгодник Повшехный», 10 апр.)***

» «83% поляков считают, что правительство интересует прежде всего власть, и лишь 11% полагают, что его цель — благо Польши и поляков (...) 69% с недоверием относятся к информации правительства об экономической и политической ситуации. 60% утверждают, что правительство уклоняется от решения важнейших проблем страны (...) Опрос, проведенный с 5 по 12 января, ЦИОМ опубликовал лишь вчера». *(«Газета выборча», 30 марта)*

» **«Согласно опросу британской газеты «Гардиан», 74% поляков беспокоит рост государственного долга, к которому ведет политика правительства (...) Кроме того, 82% поляков уверены, что расходы правительства чрезмерны. В то же время лишь 37% поляков считают, что правительство должно сократить расходы, чтобы снизить государственный долг».** ***(«Польска», 15 марта)***

» «Еврокомиссия считает объяснения министра финансов достаточными. К Польше не будут применены дисциплинарные меры за слишком высокий дефицит (...) Без обещанных министром Яцеком Ростовским изменений дефицит составит в 2012 г. 6% ВВП. Это в два раза больше, чем допускает европейский Пакт стабильности и роста. Когда Польша переступила черту 3% ВВП, к ней применили процедуру чрезмерного дефицита

(PND). Польша обязалась снизить дефицит до уровня ниже 3% к 2012 году». *(«Жечпосполита», 15 марта)*

» **«Предложение правительства заключается в том, чтобы забрать деньги из Открытых пенсионных фондов (ОПФ) и потратить их на текущие расходы, а на компьютерных счетах записать, что Управление социального страхования (УСС) заплатит в будущем высокие проценты, подсчитанные как сумма роста ВВП и инфляции. Расчеты необходимо было строить исходя из высоких процентов, чтобы искусственным образом показать, что в новой системе пенсии будут не ниже, чем в предыдущей (...) Когда общество начнет быстрее стареть и число людей, платящих взносы, уменьшится (...) люди получат лишь часть того, что записано на их счетах (...) Мы подадим в суд на правительство Туска. В опросе TNS ЦИМО 45% респондентов выразили желание поддержать иск. Если этот результат репрезентативен для 15,3 млн. застрахованных в ОПФ, значит, нас уже 6,9 млн. Это больше, чем голосовало за «Гражданскую платформу» в 2007 году!» — проф. Кшиштоф Рыбинский.** ***(«Дзенник — Газета правна», 14 марта)***

» «Премьер назвал главную причину своей поддержки законопроекта, уменьшающего значение ОПФ: если он будет принят, то начиная с 2020 г. кредитная потребность Польши уменьшится на 190 млрд. злотых. Действительно, именно на столько сократятся обязательства по приобретаемым инвесторами государственным ценным бумагам. Однако премьер забыл добавить, что вместо этого появятся новые обязательства государства в виде задолженности на новых счетах в УСС. Из обоснования законопроекта следует, что к 2020 г. этот долг составит 226 млрд. злотых. Об этом надо было честно проинформировать поляков. Как видно из сравнения этих двух чисел, в результате принятия закона кредитная потребность Польши вырастет на 36 млрд. злотых. Эта потребность будет, вероятно, довольно быстро расти и после 2020 года. Иными словами, мы имеем дело не с заботой о государственных финансах, а с перенесением части дефицита в будущее. С новыми обязательствами УСС должны будут справляться будущие правительства и парламенты. Говорить полуправду — это не то же самое, что врать, но и не совсем то, чего я ожидаю от человека на такой должности», — проф. Станислав Гомулка, главный экономист «Business Center Club». *(«Газета выборча», 10 марта)*

» **«Дебаты между Лешеком Бальцеровичем и министром финансов Яцеком Ростовским, организованные Польским телевидением, должны были представить точку зрения сторонников и противников правительственного проекта урезания той части пенсионного взноса, которая откладывается в ОПФ (...) Проф. Ежи Хауснер, член Совета монетарной политики: «Министр Яцек Ростовский упрямо повторяет, что нет разницы между УСС и ОПФ. А разница есть, причем фундаментальная. Деньги, поступающие в УСС, тут же тратятся на выплату текущих пенсий, а отложенные в ОПФ — инвестируются. Еще большее различие между собеседниками заключается в том, что, говоря о возможностях развития страны, Лешек Бальцерович имеет в виду частный сектор. Министр Ростовский обращает внимание на влияние, которое оказывает на развитие государственный сектор. И это во времена, когда государственный сектор порождает всё больший долг» (...) Согласно опросу Института изучения общественного мнения «Homo Homini», 51% телезрителей считают, что убедительнее были взгляды Лешека Бальцеровича, 37% поддерживают взгляды Яцека Ростовского, 12% не имеют сложившегося мнения».** ***(«Жечпосполита», 22 марта)***

» «Дебаты министра финансов Яцека Ростовского с Лешеком Бальцеровичем посмотрели почти три миллиона поляков». *(«Ньюсуик-Польша», 3 апр.)*

» **«Вчера депутаты приняли правительственный план изменений в пенсионной системе. «За» голосовала коалиция «Гражданской платформы» (ГП) и крестьянской партии ПСЛ (...) Это означает, что с мая взнос в ОПФ будет уменьшен с 7,3 до 2,3%. Остальные 5% получит УСС, которое предназначит их на выплату текущих пенсий».** ***(«Газета выборча», 26-27 марта)***

» ««В некоторых ситуациях нельзя молчать», — заявил вчера бывший председатель Конституционного суда проф. Ежи Стемпень (...) Стемпень призвал Сенат отклонить закон, снижающий взносы в ОПФ с 7,3 до 2,3%. Одновременно он призвал президента в случае принятия закона

воспользоваться правом вето или обратиться в Конституционный суд, чтобы проверить закон на предмет соответствия конституции (...) По мнению бывшего председателя КС, принятый в пятницу закон противоречит, в частности, конституционному принципу защиты доверия к государству и устанавливаемому им праву. Он нарушает также приобретенные права и т.н. текущие интересы как тех, кто откладывает деньги на пенсию, так и пенсионных фондов». *(«Жечпосполита», 30 марта)*

» «Сенат не внес поправок в правительственный закон об ОПФ (...) Сенатор Павел Климович сообщил, что в знак протеста выходит из ГП». *(«Жечпосполита», 31 марта)*

» «Президент подписал закон об изменениях в ОПФ (...) В распространенном заявлении говорится, что «многие организации информировали о своем намерении опротестовать изменения в ОПФ в Конституционном суде. В связи с этим суд в любом случае будет иметь возможность высказаться о соответствии этого закона конституции». *(«Жечпосполита», 8 апр.)*

» «19 декабря прошлого года истек срок, до которого польские власти должны были ввести правила безопасности на дорогах. ЕС принял их, чтобы радикально уменьшить число смертных случаев. Невведение директив означает в лучшем случае замораживание, а возможно, и отмену европейских дотаций (...) Нас ожидает не только судебное разбирательство, стандартно возбуждаемое, когда директива не введена или введена неправильно, но и возможность потери миллиардов (...) На введение директивы Еврокомиссия дала странам-членам два года». *(«Жечпосполита», 24 марта)*

» «Согласно опросу ЦИОМа от 3-9 марта, у правительства все еще больше сторонников (36%), чем противников (30%). С ноября число сторонников уменьшилось на 6%, критиков стало больше на 4%. Работу правительства критикуют 52% опрошенных (на 5% больше, чем в феврале), хвалят — лишь 35% (на 4% меньше, чем в феврале). 58% респондентов считают, что экономическая политика Дональда Туска не создает возможностей для улучшения экономической ситуации. Противоположного мнения придерживаются 29%». *(«Газета выборча», 17 марта)*

» «Вчера Европарламент принял резолюцию, призывающую установить отношения с ливийским революционным Национальным советом (...) Польша занимает по этому вопросу сдержанную позицию». *(«Дзенник — Газета правна», 11-13 марта)*

» «Сегодня мусульмане сближаются с неверным Западом, чтобы свергнуть опасного безумца (...) Польша сохраняет далеко идущую сдержанность, а премьер-министр Дональд Туск заявил, что не возникло никаких «чрезвычайных обстоятельств, прямо или косвенно угрожающих нашей безопасности или требующих солидарности всего НАТО» (...) Диагноз премьера, скорее всего, ошибочен: устранение тирана, угрожающего безопасности всего Средиземноморского бассейна, человека, который в прошлом финансировал теракты в Европе, как нельзя более лежит в интересах НАТО и ЕС. Польша не должна оставаться в стороне, когда Запад борется за правое дело». *(Марек Магеровский, «Жечпосполита», 21 марта)*

» «Премьер-министр Дональд Туск заявил, что правительство Польши пока не признает повстанческий совет в Бенгази. «Некоторые его лидеры в прошлом не проявляли особого энтузиазма по отношению к демократии и правам человека», — сказал он в Брюсселе». *(«Жечпосполита», 25 марта)*

» «Хосни Мубарак (...) был довольно кровавым правителем — он силой подавлял оппозиционные выступления, тысячами бросал оппозиционеров за решетку, фальсифицировал референдумы и не однажды продлевал срок своих полномочий (...) Он был награжден Большим крестом ордена Заслуги Республики Польша. Ислам Каримов, с 1991 г. президент Узбекистана, тоже получил от польских властей Большой крест ордена Заслуги. В стране Каримова пытки — обычное дело». *(Михал Болтрык, «Пшеглёнд православный», март)*

» «Меня ужасает легкость, с какой человек перекрашивается, стоит ему получить руководящую должность. Это алчное желание править! Что человек в состоянии сделать, как скомпрометировать себя, только бы добраться до власти. Власти, которая возвысит его и даст ему возможность контролировать других (...) Нет у нас Гоголя, который написал бы «Ревизора-2011» (...) У нас русский комплекс, и он будет давать о себе знать еще не одно поколение. В Польше идея гражданского общества — несбыточная мечта», — Петр Шулькин, кинорежиссер. *(«Тыгодник повшехный», 10 апр.)*

» «Летом 2010 г. несколько объединений создали коалицию. Так было положено начало общественному проекту поправок к закону об охране природы в контексте создания и изменения границ национальных парков (...) Под проектом подписалось почти четверть миллиона человек! (...) Без структуры, охватывающей всю страну (...) и без средств не так легко в столь короткое время собрать даже необходимые 100 тыс. подписей (...) Когда маршал Сейма (...) объявил: «Пункт 17 повестки дня: первое чтение гражданского законопроекта об изменениях в закон об охране природы (...)», — в зале присутствовало не более 20 депутатов (хотя официально шла 83-я сессия Сейма), а также сидящий в правительственных рядах (...) замминистра охраны окружающей среды Януш Залеский. На балконе для зрителей расположились 25 представителей коалиции неправительственных организаций — количество, лимитированное Сеймом. Главная цель законопроекта — (...) заменить согласование с местными самоуправлениями при создании новых и расширении существующих национальных парков — запросом их мнения по этому вопросу (...) а также изменить принципы смещения с должности директоров национальных парков (...) Замминистра Залеский (...) поддержал законопроект, так как существующие правовые акты не позволяют осуществлять стоящие перед правительством задачи (...) Маршал направил законопроект на доработку в комиссию охраны окружающей среды и органов территориального самоуправления». *(Кшиштоф А. Воробец, «Дзике жиче», март)*

» **Малгожата Гурская из Всепольского общества защиты птиц стала второй полькой, награжденной премией Голдмана — самой важной в мире наградой в области охраны окружающей среды. Ее называют также экологической Нобелевской премией. Премию она получила за эффективную кампанию по изменению международной трассы «Виа Балтика» и спасению долины Роспуды. Гурская была в числе основателей фонда «Гринмайнд». Она живет недалеко от Бебжанских болот.** ***(«Дзике жиче», март)***

» «Возможно, финансами государства должно заниматься больше женщин. Правления фирм, возглавляемые женщинами, справились с финансовым кризисом значительно лучше, чем возглавляемые исключительно мужчинами», — Мануэла Гретковская, автор романов и фельетонов, деятельница феминистского движения. *(«Впрост», 10 апр.)*

» **«Нам нужно как минимум 540 женщин. Именно столько новых кандидаток должны включить в избирательные списки крупнейшие политические группировки, прошедшие в Сейм на прошлых выборах и имеющие шанс сделать это на выборах предстоящих. Столько женщин необходимо, чтобы заполнить 35% мест, предназначенных для каждого пола. Иначе список не зарегистрируют (...) В ГП женщины составляют ровно 35% членов, в Союзе демократических левых сил (СДЛС) — 30%, в ПСЛ — 25%. «Право и справедливость» не предоставило своих данных».** ***(«Политика», 26 марта)***

» «На выборах в Сенат мы поставим на избирательном бюллетене всего один крестик. Сенаторов мы будем избирать в 100 одномандатных избирательных округах, а не, как раньше, в 40 многомандатных (2-4) (...) Округ должен насчитывать в среднем 378 тыс. жителей». *(«Политика», 26 марта)*

» **Согласно опросу TNS ЦИМО от 7-10 апреля, ГП поддерживают 39% поляков, ПиС — 27%, СДЛС — 18%, ПСЛ — 6%.** ***(«Газета выборча», 14 апр.)***

» «В опросе ЦИОМа от 3-9 марта, посвященном доверию к политикам, продолжает лидировать Бронислав Коморовский. Президенту доверяют 69% поляков (...) На втором месте — лидер СДЛС Гжегож Наперальский и министр иностранных дел Радослав Сикорский — по 53%. 49% опрошенных доверяют Дональду Туску (...) Самое большое недоверие вызывает лидер ПиС Ярослав Качинский — ему не доверяют 55% опрошенных». *(«Газета выборча», 23 марта)*

» **«Согласно опросу ЦИОМа, 67% поляков считают, что президент Бронислав Коморовский хорошо справляется со своими обязанностями. Противоположного мнения придерживаются 18%. 71% опрошенных уверены, что глава государства надлежащим образом представляет нашу страну за границей (...) 46% считают, что он руководствуется благом страны, но 35% полагают, что решающую роль играют интересы партии, из которой он вышел».** ***(«Жечпосполита», 1 апр.)***

» «61% респондентов анкеты Института изучения общественного мнения «Homo Homini» считает, что президент Бронислав Коморовский

должен пригласить генерала Войцеха Ярузельского в свой самолет, летящий на беатификацию Папы Иоанна Павла II. Против этого чуть больше 30%, а 8% не имеют сложившегося мнения». *(«Польска», 7 марта)*

» **«Конституционный суд (...) признал введение в Польше военного положения 13 декабря 1981 г. противоречащим не только Конституции ПНР и Третьей Речи Посполитой, но и международному законодательству (...) Решение КС открывает возможность для получения компенсаций и пересмотра приговоров всех осужденных на основании незаконных предписаний».** ***(«Жечпосполита», 17 марта)***

» «Бывший президент генерал Войцех Ярузельский болен раком, — заявил в пятницу пресс-секретарь Военно-медицинского института полковник Петр Домбровецкий (...) В самое ближайшее время генерал должен пройти курс химиотерапии». *(«Газета выборча», 26-27 марта)*

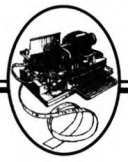
» **«Выставка «1938. Операция по сносу православных церквей на Холмщине и в южном Подлясье» открылась 28 января 2011 г. в Краковской академии им. Анджея Фрыча-Моджеевского (...) «Выставка показывает, к чему может привести бездумное, ложное понимание патриотизма», — говорит проф. Ян Видацкий. (...) Академия — крупнейший частный вуз Кракова. Здесь на десяти факультетах и 29 отделениях учится более 18 тыс. студентов (...) Канцлер академии проф. Клеменс Будзовский сказал на открытии выставки: «(...) Мы показываем нашим студентам иных граждан Польши: цыган, немцев из Опольской Силезии, лемков, а сейчас, в контексте трагических событий лета 1938 г., — белорусов и украинцев. Очередные выставки будут посвящены армянам и словакам. Мы хотим показать всех граждан Польши»».** ***(Михал Болтрык, «Пшеглёнд православный», март)***

» «Ирена Грудзинская-Гросс и Ян Томаш Гросс, авторы «Золотого урожая», комментируют общественное обсуждение своей книги (...) «Мы довольны (...) В последние месяцы мы наблюдаем в Польше (...) честную дискуссию о том, что до сих пор скрывалось: о том, как поляки во время войны и после нее реагировали на Катастрофу (...) Поляки чаще, чем нам хотелось бы, извлекали из Катастрофы материальную выгоду и включались в немецкий план истребления евреев. Изданные недавно книги Барбары Энгелькинг («Был прекрасный солнечный день... Судьбы евреев, ищущих спасения в польских деревнях, 1942-1945») и Яна Грабовского («Judenjagd. Охота на евреев. 1942-1945. История одного повета») не оставляют никаких сомнений. В польских деревнях, где влияние немцев было слабее, чем в городах, случались массовые гонения на евреев. Преследователями были польские крестьяне». *(«Газета выборча», 10 марта)*

» **«Американские власти призвали кабинет Дональда Туска возобновить работы по реституции еврейской недвижимости. «Соединенные Штаты глубоко разочарованны решением польского правительства отказаться от вынесения на рассмотрение парламента законопроекта, предусматривающего компенсации для людей, чья собственность была конфискована в 1939-1989 годах», — сказал вчера на пресс-конференции Стюарт Эйзенштат, специальный советник госсекретаря по вопросам Катастрофы».** ***(«Жечпосполита», 17 сент.)***

» «Вчера тринадцать поляков были награждены медалями «Праведник среди народов мира», присуждаемыми Израилем за спасение евреев во время немецкой оккупации. Медали вручил в Варшаве посол Израиля в Польше Цви Рав-Нер. «Поляки — самая большая группа среди 23 тысяч награжденных медалью «Праведник среди народов мира» — 6300 человек (...)», — сказал посол на церемонии вручения». *(«Газета выборча», 25 марта)*

» **«Немецкий фонд Фридриха Эберта провел опрос в восьми ключевых странах ЕС (...) В каждой стране были опрошены семь тысяч респондентов, в частности на предмет их отношения к Израилю и евреям. Наиболее критичны были поляки. С утверждением: «Израиль ведет войну, направленную на уничтожение палестинцев», — согласилось 63,3% опрошенных поляков (...) 55,2% поляков согласилось с утверждением: «Учитывая политику Израиля, я не удивляюсь, что люди не любят евреев» (...) Анкетеры спросили также, «используют ли евреи тот факт, что в нацистские времена они были жертвами». «Да» ответили 72,2% поляков (...) По мнению председателя Союза еврейских религиозных общин в Польше Петра Кадлчика, заметна разница между отношением к Израилю польского правительства и рядовых поляков».** ***(«Жечпосполита», 17 марта)***



» «Это идет отовсюду: начиная с иерархов и кончая женщинами на базаре, которые с ненавистью говорят о людях, верующих иначе или вообще неверующих. Что-то страшное, какая-то дьявольская сила, разрушающая Церковь (...) Давайте позволим человеку думать по-другому, даже если мы считаем, что он неправ», — о. Адам Бонецкий, в 1979-1991 руководил польским изданием «Оссерваторе Романо», был генералом конгрегации мариан, с 1999 г. главный редактор «Тыгодника повшехного». *(«Газета выборча», 12-13 марта)*

» «В годовщину смоленской катастрофы некоторые представители духовенства призывали к единству, а другие сравнивали смоленское следствие с катынской ложью (...) Примас Польши архиепископ Юзеф Ковальчик (...) прочел фрагменты обращения Постоянного совета Епископата (...) — в частности, цитируемый епископами фрагмент Послания ап. Иакова: «Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон» (...) Вчера в люблинской церкви Доброго Пастыря оскорбляли президента и премьера. «На моей родине президент не может начинать правления с борьбы с крестом», — сказал служивший мессу священник. Священнослужитель назвал премьер-министра Туска «торгашом, распродающим Польшу»». *(Катажина Вишневская, «Газета выборча», 11 апр.)*

» Согласно опросу TNS ЦИМО от 3-6 марта, 64% поляков верят в чудеса, не верят — 29%. 15% опрошенных пережили чудо или знают человека, с которым оно произошло. 70% уверены, что молитва больного о здравии может помочь, 21% считает, что это не так. *(«Жечпосполита», 30 марта)*

» «Когда до Каунаса добралась бóльшая часть польских болельщиков (...) многие из них уже были пьяны. Они становились всё более агрессивными. Мочились где попало, даже на стены храмов (...) Поскольку драк становилось всё больше, вмешалась полиция (...) Группа болельщиков разгромила прилавок с предназначенными для них напитками (...) Полицейские с собаками охраняли группу молодых стюардесс (...) «Нас могли ранить. Там поляки не смотрят, в кого бросают камни», — рассказывают они (...) Я спрашиваю вооруженных полицейских, каковы масштабы ущерба. Один из них отвечает по-польски: «Мы не полиция, а спецназ. Мы были готовы к дебошам — ведь мы знаем поляков»». *(Стефан Щеплек, «Жечпосполита», 26-27 марта)*

» «В Польше образовалась новая общественная группа. Независимая, самовольная, наглая. Болельщики (...) В значительной степени именно они заполнят новые стадионы (...) В нашей стране живет толпа агрессивных мужчин, которая уже многие годы терроризирует, бьет, грабит (...) Стадион для болельщиков — то же, что для верующих церковь. Место духовного формирования, которое — подчеркнем — в последние годы ведет ко злу (...) Если стадионы и дальше будут рассадниками ненависти (...) нам лучше распрощаться с ними». *(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 10 апр.)*

» «По некоторым оценкам, число собак и кошек в приютах составляет около 10 тысяч. Ежегодно оно увеличивается на 15% (...) В прошлом году Опольское общество защиты животных «Animals» спасло 3953 собаки и 1548 кошек, а также нашло для них новые дома (...) Инспекторат общества в прошлом году провел 1512 операций по спасению голодных и нуждающихся в помощи животных». *(«Польска», 18-20 марта)*

» «По мнению Иоанны Мухи, председателя парламентской комиссии друзей животных, охотничье лобби тормозит работу над поправками к закону о защите животных (...) «Нам будет нелегко, ведь каждый седьмой член парламента — охотник», — подчеркивает депутат. Это означает, что в высшем органе государственной власти заседают более 60 мужчин (и одна женщина), которые увлекаются убийством животных из огнестрельного оружия. Видимо, стоит принять это во внимание и во время выборов «отстрелить» хотя бы некоторых из них». *(Анджей Дрышель, «Пшеглёнд», 27 марта)*

» «Министерство охраны окружающей среды вводит круглогодичную охрану зайцев и куропаток (...) За отстрел грозит до пяти лет тюрьмы (...) В настоящее время в Польше живет около 540 тысяч зайцев, а в начале 90-х их было более 1,2 млн. Численность куропаток оценивается в 380 тысяч. В 2010 г. в Польше было в два раза меньше зайцев, чем в 1991 г., а куропаток — в 2,5 раза меньше (...) Новые

правила войдут в жизнь через 14 дней после их публикации в «Законодательном бюллетене»». ***(«Дзенник — Газета правна», 14 марта)***

» «Обвинительный приговор Антонию Гуцвинскому, бывшему директору вроцлавского зоопарка, за издевательство над медведем Маго, дал польским мишкам шанс на улучшение условий жизни в неволе (...) К счастью, никто в Польше больше не разводит медведей. Последние особи родились в 2003 г. в Браневе. «Потом появляется проблема, где их содержать», — говорит директор варшавского зоопарка Анджей Крушевич (...) «Можно еще поступать, как в Швеции, где в зоологических садах рождаются маленькие медвежата, — говорит директор Крушевич. — Все радуются, смотрят на очаровательных резвящихся мишек, дети выбирают им имена. Осенью их просто усыпляют». *(Агнешка Сова, «Политика», 2 апр.)*

» **«Завтра в это время дня нас будет на 200 тысяч больше (...) В августе родится семимиллиардный житель нашей планеты».** ***(«Тыгодник повшехный», 10 апр.)***

Кристина Родовская

Перевод Натальи Горбаневской

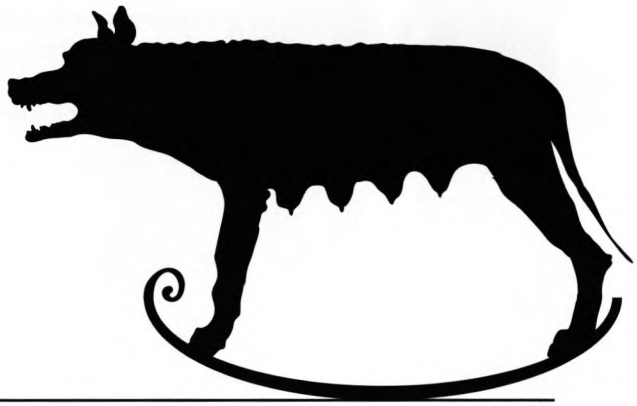
СТИХОТВОРЕНИЯ

Зверинец

Ходят за мною, промежду строк,
первые узнанные четвероногие:
нянька-волчица Аста, что на третьем
этаже осталась, под вой бомбежки,
когда вся семья бежала в подвал,
бело-серая кошка, я ее возила в кукольной коляске,
шептала ей на ухо: «Люля моя Мотадуля,
Деловичка-Соль», но она не хотела
с мамой-папой, со мною убегать в неизвестность,
белая коза, что ходила, говорят, на вечерню,
становилась пред амвоном, раздражая ксендза и местных баб,
смешная ежиха, что из ночи в ночь
двигала деревяшки на старых счётах
и бросала их клёкот в незримый колодец.

Среди них, совсем недавно, двуногое
дитя подрастает, чтобы встретиться с тенями.

февраль 2005



День Поминовения в Хочикоатлане

Науму-и-Херарду Бельтрану

О мертвых, может, больше всего мне говорил
тот вечер в Хочикоатлане.
По улочкам люди кружили среди духов,
с гор опускался туман.

Мёртвые здесь живы; светлая тропинка
из желтых цветков cempanxuchitl
вела сквозь двери открытого дома,
чтобы души, особенно молодые, души рано умерших,
попали к своим, вместились в рамки
застывших фотографий между свечами и венками.

Члены семьи и я, гость издалёка,
молились подошвами в неустанном туда и обратно
между кладбищем на пригорке и накрытым столом.
Мы, все рожденные — братья, сестры, — рожденные Тою,
что скалит зубы с цветной бумажки. веющей на ветру,
пока мы нашими кусаем теплый *хлебец умерших*.
(Съедая смерть, познаём ее вкус,
прежде чем она до нас доберется.)

Xochitl значит цветок.
Coa — змея, или змий.
Tlán — место, на языке nahuatl, корни которого —
древа жизни этой земли — пробивают толщу
нанесенной веры, названий, нескольких столетий,

как будто так и не случилась Конквиста.
Само название Xochicoatlán торжествует посмертно
над победителями.

Смертные, мы были в тесной дружбе
с вездесущей Госпожой этого дома,
даже уделяли ей свои черты.

В жилище *змеиного цветка*
(чье лицо за мной следило со стены гостиницы)

не спускаем себя с глаз, Нелюбимая.

июнь 2005

Баллада о Мостах-Великих

Это было местечко, по-другому штетл,
над рекой или речкой, что и нынче течет,
зараженная, верно, — но не тою кровью

кровных отвеку авелей и каинов.
Ребенок во мне не слишком-то помнит,
где спряталась подружка по самым давним
играм? И лишь туда кричу ей: Файга!
Выходи из-за дерева, я тебя вижу, Файга!

Много лет спустя я спросила: Мама!
Почему ты ее не спасла?

Мосты-Великие, Мосты-Великие,
призраки, лики и слава Господу в вышних.
Мосты-Великие, мосты безмежные,
не по дороге и непроезжие,
обещают меня переправить домой.

Мосты-Великие — повторяю названье,
а она всё молчит, хоть где-то и есть те дома,
тот сад или роща, где певучее слышится
«целую ручки, пани докторша», где-то двор, на котором
всё кашляет и кашляет тощая тень в халате
и кровь стынет без голоса, ибо нет уже «ляхов»
в местечке, что жило где-то над Равой-Русской.

Мосты-Великие, Мосты-Великие,
Мосты великие, ибо невидимы.
Недоступны, за семью реками,
мосты лёгкие, кладки из воздуха,
над берегами воды бессонной.

июнь 2005
(Из цикла «Туда и обратно»)

Только имя?

памяти Ирены

А умереть — всего лишь только,
что перестать быть зримым.
Кшиштоф Карасек. Автопсихобиография

А дальше что, когда перестаешь
дышать? Стихает узник, что бился головой
об стенку, а тело — стоит раскрытое, безлюдное,
окостенелое, как равнина без птиц?

Только имя звучит еще знакомо.
Повторяемо, глядит умершими глазами
в то прошлое, что живым не разгадать.

А дальше что, когда уже перестаешь
умирать, чтоб через миг испариться с поверхности
земли, как случайная лужа?

Или же то, что мнится раз и навсегда
оконченным, впитается в безвремя
незримых перемен? Всего лишь только?

*

Морозное утро — ангел многокрылый.

С высоты видны до горизонта деревья,
сегодня все они вошли в пространство.
Внезапно бестелесные, они же е с т ь !

Для Порядка в происходящем за окном
высматриваешь знак.

январь 2006

Ивона Смолька

ПОЭЗИЯ НЕУСТАННОГО ДИАЛОГА

Кристина Родовская

Кристина Родовская дебютировала в 1968 г. сборником стихотворений «Жесты на снегу». Еще до того она стала известна как переводчица литературы с испанского. Двукратное пребывание на стипендии в Мексике в 1970-е принесло плоды в виде изданной там антологии польской поэзии, которую она составила и перевела на испанский.

Переводы французской поэзии и эссеистики, поэзии стран Латинской Америки закрепили за ней место замечательной переводчицы. И только второй сборник ее стихов — «Опись имущества» (1981) — показал все возможности ее лирики, полной языковых открытий, чувственной и в то же время интеллектуальной.

Смелость сравнений, метафор, эллипсов, фразеологии, использование полисемии — это самые характерные черты ее поэзии, которая представляет мир в постоянной изменчивости, в драматическом напряжении между «ты» и «я».

В своем послесловии к сборнику «Шелест полумрак смысл» (1995) Родовская писала:

«Подлинный поэт распознается, и этого не подделать, как раз своеобразной игрой с языком, которую он ведет более или менее очевидно. Я думаю также, что энергия языка, подвергнутая давлению формы, — это мера онтологического вожделения поэта: бытие не дано — бытие искрит в напряжении, созданном магнитным полем языка, и гаснет».

Огромно вожделение этой поэзии, которая, стремясь уловить единство бытия, в любовном акте проникнуть в другого человека, вести такой тесный диалог с миром, Богом и всяким существом, чтобы «ты» стало «я», постоянно вынуждена меряться силами с неисполненностью.

Автор крайне острых, прекраснейших любовных стихов жаждет дойти до дна тайны жажды, тайны тела и его суверенности. Она знает, что поэзия обязана прочитывать знаки тайны. Она жаждет прочитать, прочувствовать, познать, чтобы найти для языка жестов, языка тела словесный эквивалент. Ее эротика — по ту сторону стыда и бесстыдства, ничего не преодолевая, не бунтуя, не бросая вызова общественным нравам. Это естественная смелость быть, когда — как говорит поэтесса: «Тут слишком голо для ошибки».

В сборнике «Внизу пламя. Вверху пламя» (1996) совершается попытка уловить равновесие между тем, что наверху, и тем, что внизу, между мужским и женским, мимолетным и вечным, суверенным «я» и «ты».

«Я» познаёт себя во встрече с кем-то другим. С мужским — необходимым дополнением. Полюса притягиваются и отталкиваются. Мужское и женское в столкновении и немедленном разделении.

Любовное единение позволяет приблизиться к чувству бесконечности, но одновременно вызывает сознание преходящести, хрупкости жизни, распада тела. На мгновение бытие «искрит», чтобы тем острее была жажда цельности, того, что вечно и заслонено от нас.

Читать себя в другом человеке — неустанный труд, душевное и интеллектуальное усилие. В этой лирике любовь не знает отдыха, не может лениться, испытывать удовлетворение исполненным. Тело

честно
предостерегает что оно не вечно

— а внимательная за ним наблюдательница записывает:

Чуешь что враг где-то здесь
хоть и хорошо укрылся

Пришла очередь вещей незримых
Они окликают из глубин твоего тела

готовые его сбросить

В сборнике «Ближе к наготе» (2002) всё слышнее эсхатологическая тональность. Осваивать умирание, происходящее уже не в акте любви, но на больничной койке, — это значит снимать всё новые пласты, заслоняющие действительность. Это значит учиться отстраняться — даже от себя самой.

В последнее время всё чаще
говорю себе ***ты***

но ***ты*** *местоимение разрыва*
во мне самой
и есть в этом что-то от потери
невинности

Чем подозрительнее становится тело, подвергнутое старению и распаду, чем больше оно значит, тем больше господствует в этих стихах ощущение бесконечности другого, непознаваемого мира. Поэтому страстную эротику стихов Кристины Родовской можно воспринимать и как сублимацию метафизической тоски. Она выражается и в описаниях преобразуемых в ходе путешествия пейзажей, в открытии иных мест, чуждых, но в то же время вписывающихся в мифический ландшафт.

Путешествие-метаморфоза в этих стихах бывает рассмотренным — и тогда появляется репортажная запись, — продуманным как выход наружу своего отношения к «другому» и одновременно к самой себе, оно становится размышлением над временем и местом встречи с чуждым миром.

Чаще всего путешествие явлено в этих стихах как возможность и в то же время повеление умножить «я», которое принимает в себя всё богатство зримой действительности.

Это поэтическое «я», ищущее воплощения, ищет выразиться и в переводах. Кристина Родовская — автор большой антологии современной французской поэзии. В настоящее время она закончила работу над переводами стихов, которые войдут в ее антологию латиноамериканской поэзии «Омочи уста в камне».

Гжегож Пшебинда

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН — СОКРАТ ИЗ БЕРДИЧЕВА

В 2008-2010 гг. в Польше вышли из печати три книги Василия Гроссмана, показывающие его величие как человека и писателя,а также актуальность его творчества на пороге XXI века. Нижеследующий текст возник как отклик на эти публикации*.

На войне

Свой родной городок Бердичев, где в сентябре 1941 г. нацисты убили его мать, русский еврей Василий Гроссман (1905-1964) пронес в сердце до конца жизни. Его дебютантский рассказ «В городе Бердичеве» (1934) — это воистину литературная жемчужина. Но по-настоящему крупным, урожденным писателем Гроссман проявил себя лишь в 1941-1946 гг., работая военным корреспондентом «Красной звезды». В самом начале, еще летом 1941 г., он видел отступление Красной армии и бегство на восток огромных людских масс из Белоруссии и Украины, территорию которых молниеносно занимали немцы. Потом Гроссман находился в Сталинграде всё время, пока город осаждали немцы. Его репортаж «Направление главного удара» (от 20 ноября 1942) был по указанию самого Сталина перепечатан в «Правде» — хотя завистливый к чужой славе диктатор писателя так никогда и не полюбил, — а в 60-е годы цитату из этого произведения даже высекли на знаменитом памятнике Родине-Матери на Мамаевом кургане:

«Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?»

Однако в январе 1943 г. Гроссман, к своему великому огорчению, неожиданно получил приказ немедленно покинуть Сталинград, а в этот город, чтобы описать конец ужасающей победоносной битвы, послали Константина Симонова, по-видимому, в значительно большей степени подходившего власти. Гроссман тем временем направился в Калмыкию, только что освобожденную от нацистов, и мог наблюдать эти места еще до того, как туда вступил Лаврентий Берия с карательными подразделениями НКВД, чтобы провести выселение всей нации за «сотрудничество калмыков с гитлеровцами».

В июле 1943 г. Гроссман находился на Курской дуге, в первой половине 1944 г. — на освобождаемой Украине (в Бердичеве, Одессе), где ранее нацисты — иногда, увы, с помощью местного населения — уничтожили почти всех евреев. В июне-июле 1944 г. он был в Восточной Белоруссии во время большого наступления Красной армии под кодовым названием «Багратион». Вскоре после этого писатель побывал в Люблине и Майданеке, потом в Треблинке под Варшавой. Одним из первых советских репортеров он вступил в январе 1945 г. в столицу Польши, начисто разрушенную нацистами, видел там руины гетто. Из Варшавы вместе с армией он двинулся в Лодзь, Познань и пересек границу Германии, в феврале 1944 г. дойдя до Одера, последней большой реки перед Берлином. В апреле-мае 1945 г. Гроссман был свидетелем взятия Берлина, куда, кстати, приехал в спешке из какого-то вынужденного отпуска в Москве — через Минск, Брест и вновь Варшаву...

* **Pisarz na wojnie. Wasilij Grossman na szlaku bojowym Armii Czerwonej. 1941—1945**. ***Oprac. Antony Beevor i Luba Winogradowa.*** Tłum. Maciej Antosiewicz. Warszawa: Magnum, 2008.;
Wasilij Grossman. **Życie i los**. Tłum. Jerzy Czech. Przedm. Adama Pomorskiego. Warszawa: WAB, 2009.
Wasilij Grossman. **Wszystko płynie.** Tłum. Wiera Bieńkowska. Przedm. Roberta Chandlera. Warszawa: WAB, 2010.

Будучи фронтовым корреспондентом, Гроссман прославился как честный наблюдатель и глубокий мыслитель. Его военные и написанные сразу после войны тексты систематически издавались в СССР брошюрами и книгами; среди них такие, как «Народ бессмертен» (1942), где он описал и катастрофическое поражение Красной армии в 1941 г., и храбрость солдат и народа, «Треблинский ад» (1944), «Сталинградская быль» (1945) «Годы войны» (1945). И еще в 1943 г. вышел его рассказ «Старый учитель» — вообще первое в мировой литературе художественное произведение о Катастрофе. Добавим, что все названные тексты едва ли не сразу выходили и по-польски.

Однако многие военные репортажи Гроссман напечатать не смог: их задержала цензура — не исключено, что по личному распоряжению Сталина, который имел обыкновение первым читать тексты важнейших военных корреспондентов.

Бабий Яр, Бердичев, деревни под Одессой

В 2008 г. в Польше вышла в переводе с английского и русского необычайная книга «Писатель на войне. Василий Гроссман на боевом пути Красной Армии. 1941-1945», которую подготовили к печати Энтони Бивор и Люба Виноградова. Из этой книги мы можем узнать, что осознание себя как еврея (хотя и русского еврея — до мозга костей) появилось у писателя лишь в 1943 г., когда он впервые услышал о массовом уничтожении евреев в Бабьем Яру под Киевом. В течение двух дней, 29 и 30 сентября 1941 г., немцы расстреляли там 34 тысячи евреев. Потом были «поля смерти» под Бердичевом на Волыни, где в январе 1944 г., уже после освобождения города, Гроссман с ужасом смотрел на следы убитых там 30 с лишним тысяч евреев; а среди них были его мать и родные. В голове у него не укладывалось, что в этом истреблении соседей принимали участие некоторые украинцы.

Гроссман еще в 1943 г. рассчитывал, что «Красная Звезда» опубликует его литературный «кадиш» «Украина без евреев», но эти надежды оказались тщетными. Газета не приняла текст, и он появился только в печатавшейся на идише еженедельной газете «Эйникайт», органе Еврейского антифашистского комитета.

Почему Сталин не позволял публиковать произведения, описывающие уничтожение евреев гитлеровцами? Надо полагать, причин было по меньшей мере две. Во-первых, вождь не желал довести до всеобщего сведения, что в этих преступлениях участвовало и какое-то из ответвлений «советского народа»; во-вторых, он не хотел, чтобы общество было информировано о каком-то особо сильном страдании любой конкретной нации, а уж тем более — евреев... Цензура конфисковала и другую статью Гроссмана — «Убийство евреев в Бердичеве», — которая, однако, позднее была опубликована в знаменитой «Черной книге».

В начале марта 1944 г. писателя перевели в штаб 3-го Украинского фронта, который в апреле 1944 г. освободил Одессу. Все города на побережье Черного моря обороняла главным образом 3-я румынская армия. Кто помнит, что сегодняшнюю юго-западную Украину тогда оккупировали румыны? Гроссман-репортер был и там до боли честен, он беззвучно плакал над убитыми независимо от их национальности, патетически осуждал преступников, но умел заметить и мягкость румынских оккупантов, которая всё-таки временами имела место.

Кроме того Гроссман встретил в Одессе человека, в жизнь и судьбу которого на протяжении последних лет было трудно поверить:

«Евреи. Айзенштат Амнон — сын знаменитого раввина из местечка Островец. Ему спасла жизнь русская девушка, скрывала его у себя в комнате больше года. Его рассказ. Гетто в Варшаве. Восстание. Оружие передавали поляки. Польские евреи носили белую ленту. Бельгийские и французские евреи носили желтую ленту... Треблинка под Варшавой. Лагерь уничтожения евреев. Под баней была камера с движущимися ножами. Тела рубили на куски, а затем сжигали. Горы золы по 20-25 метров. В одном месте евреев загнали в пруд, заполненный кислотой. Крики были так страшны, что окрестные крестьяне покинули дома... 58 000 одесских евреев были сожжены заживо в Березовке [местности, расположенной в 80 км к северу от Одессы]. Часть — в вагонах, часть вывели на поляну и, облив бензином, сожгли».

А из рассказа секретаря обкома Рясенцева писатель узнал и зафиксировал, что местом мучительной казни евреев была и Доманевка, расположенная в 40 км к северо-востоку от Березовки. Казни осуществлялись там руками украинской полиции, и ее начальник лично убил 12 тысяч человек.

Но Василий Гроссман не был бы собою, если не рассказал бы о румынском маршале Ионе Антонеску, который не разделял антисемитских взглядов нацистов и сумел защитить от смерти горстку одесских евреев. Действовать он мог только в весьма ограниченной степени, так как Германия предоставила румынам в районе Одессы не более чем полуавтономную военную власть, да и то лишь после того, как уже почти все евреи были там перебиты. Именно тогда, в ноябре 1942 г., Антонеску издал закон, дарующий евреям права, и массовые казни, длившиеся весь 1942 год, прекратились. Ранее особо бесчинствовал следователь, одесский юрист, русский, — он для развлечения убивал по 8-9 человек в день. Это называлось «ходить на охоту». Евреев убивали партиями. Пулеметным огнем. Детей бросали живыми в рвы, устланные горящей соломой.

А где был Бог?

В военных рассказах и репортажах Гроссмана, а также в его записной книжке много глубоких мыслей и афоризмов в духе (неосознанно) Паскаля и Чаадаева. Автор пишет о судьбах женщин на войне, о разных национальностях в Красной армии: об украинцах и калмыках, на первых порах сотрудничавших с немцами, об узбеках, которых вроде бы презирали как солдат. В более разрозненных записях Гроссман приводит немецкую фронтовую «остроту» из окопов: «Русь, давай узбека на румына менять», а Бивор и Виноградова по-деловому комментируют, что узбеков — справедливо или нет — считали самыми худшими солдатами Красной армии, подобно тому, как немцы под Сталинградом относились с явным презрением к своим румынским союзникам.

Поразительны отрывки о жизни и смерти в крайних ситуациях. В самом начале 1942 г. Гроссман находился вместе с 37-й армией на Юго-Западном фронте, к юго-востоку от Харькова. Он чуть-чуть знал этот район, так как до войны работал горным инженером в Донбассе. И встретил там капитана Козлова, который до войны обучался пению в Московской консерватории:

«Козлов рассказывает мне, как осенью 1941 года в Брянском лесу он по ночам пел перед немецкими окопами арии из классических опер; немцы обычно, послушав немного, начинали бить из пулеметов по певцу, может быть, им просто не нравилось его пение».

Писатель и певец вели по ночам — словно «русские мальчики» у Достоевского — разговоры о жизни и смерти.

«Козлов говорит: «Я сказал себе: всё равно я убит, и не всё ли равно, сегодня или завтра это будет. И живу я после этого решения легко, просто и даже чисто как-то. На душе очень спокойно, в бой хожу совершенно бесстрашно, ничего не жду, твердо знаю, что человек, командующий мотострелковым батальоном, должен быть убит, выжить не может. Если бы не эта вера в неминуемость смерти, мне было бы плохо и, вероятно, я не мог бы быть таким веселым и спокойным и храбрым в бою»».

Козлов, сам по происхождению еврей, не мог также удержаться на фронте от таких замечаний:

«Козлов сказал мне, что, по его мнению, евреи недостаточно хорошо воюют, он говорит, что они воюют обыкновенно, а евреи в такой войне, как эта, должны воевать как фанатики».

Гроссман, будучи честным наблюдателем, зафиксировал много случаев, когда солдаты Красной армии, в том числе иногда и офицеры тоже, явно либо тайно выражали веру в Бога или же в вихре войны отвергали символы веры:

«Красноармеец *Голяперов* заявил: «Буду принимать присягу только с крестом»... Коммунист Евсеев потерял блокнот. Красноармейцы этот блокнот нашли. В нем хранилась переписанная молитва... Помог на своем грузовике доехать к священнику его дочери и внучке, со всем барахлом. Царский прием, ужин, водка. Священник рассказывает, что к нему часто заходят молиться красноармейцы и командиры. Недавно у него был майор... Старуха хозяйка: «Кто его знает, есть бог или нет, я и молюсь ему, работа нетрудная, кивнешь ему два раза, может и примет»».

И противоположные случаи:

«В пустых избах вывезено всё, остались лишь иконы. Непохоже на некрасовских мужиков, которые из огня выносили иконы, а всё добро отдавали пожару».

Злит и раздражает только назойливый и даже несколько наивный комментарий редакторов: «Нет, однако, уверенности в том, было ли сказано солдатам о более терпимом подходе Сталина к православной церкви перед лицом угрозы для Родины»... Так, словно бы солдаты могли вообще быть такими метафизическими оппортунистами, чтобы верить или не верить в Бога исключительно с целью понравиться Сталину!.. Бивор, к сожалению, все свои комментарии размещает наравне с гроссмановским текстом, даже начертанием шрифта они не выделяются. Не помешало бы выказывать побольше скромности, ибо ведь это же всего только компетентные «ремарки» к писавшемуся кровью военному репортажу...

А вот в заключение еще один из самых красивых и наиболее метких военных афоризмов Гроссмана, тоже фигурирующий в обсуждаемой публикации:

«Русский человек на войне надевает на душу белую рубашку. Он умеет жить грешно, но умирает свято. На фронте у многих чистота помыслов и души, у многих какая-то монашеская скромность».

Два поздних шедевра

Однако же Василий Гроссман вошел в историю литературы главным образом как автор двух поздних произведений, которые смело можно внести в перечень шедевров русской и всей европейской прозы XX века. Первое из них повесть «Всё течет», написано в 1955-1963 гг., второе — эпопея «Жизнь и судьба» — было окончено в 1960 году. Этот роман, изъятый в 1961 г. КГБ, был приговорен в СССР к истреблению. Михаил Суслов, в ту пору главный идеолог партии, вроде бы сказал писателю, что подобные произведения получат право существования в СССР через каких-нибудь 200 лет. Однако оба сочинения — вопреки марксистам, зато в полном согласии с духом свободы — в период 1970-1980 гг. увидели свет по-русски на Западе, во Франкфурте-на-Майне и в Лозанне. А мир наконец-то услышал тогда о великом российском эпическом писателе, возрождающем традиции русской гуманистической прозы XIX века — Толстого, Достоевского и Чехова... Гроссман писал о делах, которым мы современники, и поэтому он всё более актуален и понятен теперь, в начале нашего XXI столетия. А роман «Жизнь и судьба», очень слабо присутствующий в России XXI века, почти по существу незримый, — это, вне сомнения, один из величайших романов Европы XX века.

Всё течет...

Сам я впервые услышал о Василии Гроссмане от Анджея Дравича, который на мой студенческий вопрос, был ли Сталин, этот тотальный преступник, учеником Ленина или же изменником, предавшим его идеалы, ответил не колеблясь: «Он был сметливым, восприимчивым учеником; и первым это показал в своих романах Василий Гроссман, следующим стал Александр Солженицын, а потом Надежда Мандельштам». Разговор состоялся в Кракове в 1981 г., когда на Западе уже знали оба «цензурно непроходимых» в ПНР произведения Гроссмана. Не стану скрывать, что я задал тот вопрос в надежде услышать от Дравича как раз такой ответ. Тогдашние времена — взрывное возникновение и расцвет «Солидарности» — были счастливыми для познания мира, всё труднее удавалось верить в миф доброго, хорошего Ленина...

Когда в 1984 г. благодаря подпольному издательству «Круг» и переводу Ольги Сияновой (Веры Беньковской) я читал уже самого Гроссмана — его повесть «Всё течет», — меня особенно тронул тот фрагмент, где речь идет о Ленине с его нетерпимостью и фанатичной верой, которая довела до того, что масштабы рабства в недавней империи царей возросли. Этот же вождь революции, как утверждал Гроссман с поразительной для своего времени проницательностью, не только огородил Россию колючей проволокой, натянутой в тайге, но и стал также образцом для нацистов, которые в свою очередь растянули проволоку вокруг Освенцима. Однако главным — наряду с Гитлером — тотальным преступником XX века Гроссман признал Иосифа Сталина. Чудовищную коллективизацию русской деревни и искусственно вызванный страшный Голодомор на Украине он считал таким же

преступным геноцидом, как и Катастрофу еврейского народа... Огромное впечатление производит тот фрагмент повести «Всё течет», где автор анализирует феномен «трех Сталиных» в одном лице — сначала как «сановного азиата», затем русского революционера, который на практике осуществлял рожденные в Европе идеи, и, наконец, как жандарма и полицейского чина, живьем перенесенного в СССР из царской России.

Гроссмановский заключительный вывод по поводу России, однако, в своей глубинной сущности оптимистичен, невзирая на обоснованное утверждение писателя о том, что

«... после смерти Сталина дело Сталина не умерло. Так же в свое время не умерло дело Ленина. Живет построенное Сталиным государство без свободы».

Однако смысл рассуждений Гроссмана заключается в другом фрагменте:

«Со свободой, во имя которой началась в феврале русская революция, Сталин не мог до конца дней своих справиться кровавым насилием. И азиат, живший в сталинской душе, пытался обмануть свободу, хитрил с ней, отчаявшись добить ее до конца. (...) Она совершалась вопреки ленинскому гению, вдохновенно сотворившему новый мир. Свобода совершалась вопреки безмерному, космическому сталинскому насилию. Она совершалась потому, что люди продолжали оставаться людьми».

Итак, в отличие от Солженицына — и, по моему мнению, более верно — Гроссман считал, что Февральская революция 1917 г. отнюдь не обязательно должна была привести в России к гибельному большевистскому перевороту. Совсем наоборот — в стране царей и рабов, существующей почти тысячу лет, она могла стать проблеском свободы.

Каин и Авель

Пожалуй, лишь мы, люди рубежа XX-XXI веков, уже успевшие прочитать более поздние сочинения Солженицына, Мандельштам, Шаламова, Владимова, в состоянии понять гигантский творческий замысел Гроссмана, осуществленный в защиту человека и свободы. Мировоззренчески его творчество, прежде всего «Жизнь и судьбу», можно сравнивать с «Истоками тоталитаризма» Ханны Арендт или с «Открытым обществом» Карла Поппера. Художественно оно сочетает в себе эпический метод Льва Толстого, экзистенциальный способ создания художественного мира у Достоевского и героическую («сизифову») писательскую краткость Чехова.

Гроссман переводился на польский еще с 1944 года. Тогда до нас добрался его сборник «Годы войны» с потрясающим рассказом «Треблинский ад», распространявшимся впоследствии во время Нюрнбергского процесса в качестве обвинительной брошюры. Гроссман не мог еще тогда знать, что в лагере №2 в Треблинке погиб 6 августа 1942 г. Януш Корчак. Но и без этого он констатировал:

«Пришло время задать грозный вопрос: «Каин, где же они, те, кого ты привез сюда?»»

В 1945 г. была опубликована по-польски военная повесть Гроссмана «Народ бессмертен», а в 1950 г. — «Степан Кольчугин». В 1959 г. у нас в Польше издали первую часть сталинградской дилогии, роман «За правое дело», а также сборник из девяти рассказов, среди которых, в частности, были такие произведения, как «В городе Бердичеве», «Старый учитель», «Власов», «Душа красноармейца». Наконец, в 1969 г. на польском языке появился сборник его рассказов под названием «Несколько печальных дней» с маленькими шедеврами вроде новелл «Добро вам! Из путевых заметок», «Лось» или «Дорога». Самое ценное произведение в этом сборнике — «Авель (Шестое августа)» — повествует о сбрасывании атомной бомбы на Хиросиму.

Героями тут выступают обыкновенные (вплоть до этого момента) американские пилоты. Гроссман, который редко обращался к библейским мотивам, на сей раз подчеркивает, что исполнители этого апокалиптического акта были родом из христианской цивилизации. Один из них вспоминает во время полета, что мать читала ему в детстве начальные строки из книги Бытия, а в его воображении рисовалось, как «бог, простерев руку, летел в нераздельном хаосе небес, земли и воды». Когда же бомба была уже сброшена, этому же самому персонажу «припоминается» история человека, относящаяся к моменту перед сотворением мира, к неизвестному для него ранее периоду первобытного хаоса:

«Самолет ощутил удар вызванного им огромного тайфуна. Оглушенный пассажир упал на пол, зажмурился, ему представилось, что небо, земля, вода вновь вернулись в хаос... Так и не победив зла, отцом и сыном которого он является, человек закрыл книгу Бытия...»

Гроссман не принимал объяснений западноевропейских и американских политиков, военных, мыслителей и журналистов, которые уже в первые часы после взрыва доказывали, что он был необходим как расплата и возмездие Японии «за преступления против человечества», а вдобавок еще и парализовал сопротивление Японии и «ускорит приход мира, которого жаждут все матери ради жизни своих детей». Ибо писатель уже тогда отвергал Добро, непосредственным плодом которого является Зло. Он описал четырехлетнего японского мальчика, который просыпается на сером, пасмурном рассвете судного дня и в последний раз видит седые волосы, золотой зуб и слезящиеся глаза бабушки:

«Так ни этот мальчик, ни его бабушка, ни сотни других детей, их мам и бабушек не поняли, почему именно им причитается за Пирл-Харбор и за Освенцим. Но политики, философы и публицисты в данном случае не считали эту частную тему актуальной».

Гроссман — и это, быть может, один из наиболее драматических фрагментов послевоенной европейской литературы XX века — наводит читателя на мысль, что сбрасывание бомбы на Хиросиму было преступным отмщением Авеля Каину. Поэтому он вкладывает в уста одного из персонажей, соисполнителей этого страшного задания, восклицание, выворачивающее наизнанку ситуацию из книги Бытия:

«Авель, Авель, где брат твой Каин?»

Сталинградская дилогия

Читая теперь «Жизнь и судьбу» по-польски, кропотливо отслеживая судьбы многочисленных героев — а их здесь, пожалуй, больше, чем в «Докторе Живаго» Пастернака, — надо всё время помнить, что это уже вторая часть гроссмановской дилогии о Сталинградской битве. Первый, столь же объемистый том, озаглавленный «За правое дело», появился с большими проблемами на закате сталинской России (1952). У нас, в переводе Ирены Байковской и Северина Полляка, он вышел под названием «Жизнь и судьбы. За правое дело» в 1959 г. в издательстве министерства национальной обороны. Сегодня уже почти никто этого не помнит, и хорошо, что о той публикации упомянул Адам Поморский в своем содержательном, обличающем любой тоталитаризм предисловии к публикуемому сейчас впервые польскому переводу «Жизни и судьбы». Эссе польского знатока русской культуры носит отчасти строптивое заглавие «Жизнь, а не судьба», что, однако, на сто процентов отражает сущность произведения — «жизнь» как свобода для личности и народов и фаталистическая «судьба» как принуждение во имя государства-молоха, уничтожающего свободу народов и индивида.

Широкая панорама стольких человеческих биографий порождает немалые трудности при чтении, особенно если кто-то хочет во всех подробностях проследить историю главных действующих лиц, понаблюдать за повседневными событиями из их жизни, за суетой и хлопотами самых обычных дел. Для писателя важны не только мировоззрение, участие в великих битвах, трагические дни в «обычном» сталинском или концентрационном гитлеровском лагере. Гроссман отнюдь не облегчил читателю задачу, изложив предшествующие судьбы самых важных героев в первой части дилогии. Теперь мы встречаем их вновь, а кроме них здесь то и дело появляются новые фигуры. В их числе трусы и приспособленцы, обыкновенные люди и герои, старые коммунисты и молодые, бывшие коминтерновцы, меньшевики и эсеры, храбрые воины и сталинские комиссары на фронте, зэки и узники фашистских концлагерей, матери, навсегда потерявшие сыновей, и жены, чьих мужей арестовали, а они сейчас с другими. Есть тут и девушки, обнаруживающие свою первую любовь в мальчике, которого они еще даже хорошенько не узнали, который уйдет на фронт и не вернется. Есть физики и биологи, ленинцы, сталинцы и антисталинцы, люди всех национальностей, на чьей «жизни» оставила свое клеймо роковая заглавная «судьба».

Многие из персонажей имеют реальных прототипов, участвуют в переломных событиях (Гроссман частично брал здесь для себя за образец «Войну и мир»). Действие происходит в самых разных местах Европы, удаленных одно от другого на тысячи километров, — от Германии до Урала. Первый

фрагмент произведения рассказывает о людях в нацистском концлагере в Германии, один из последующих изображает рабов в сталинском лагере. Присутствует, разумеется, и Сталинградская битва, ключевой момент в истории Европы и всего цивилизованного мира. Гроссман спрашивает, как же получилось, что «советский народ», победивший в этой страшной кампании, попал после войны в еще большую неволю, а немцы, которые проиграли, сумели установить у себя на Западе демократию. Мы отправляемся также в Казань, Уфу, Самару, в калмыцкие степи, в Киев, «матерь городов русских», теперь занятый немцами, на Урал, который никогда не завоевывался, в Бердичев, где уже в 1941 г. погибла мать Гроссмана, в юности научившая его читать в оригинале французскую литературу.

Злое добро и человеческая доброта

Ключ к пониманию главной мысли «Жизни и судьбы» мы находим в середине произведения, в разделе о добре, которое вопреки своим намерениям вело в истории к страшному злу:

«И иногда само понятие такого добра становилось бичом жизни, большим злом, чем зло. (...) Что принесло людям это учение мира и любви?

Византийское иконоборство, пытки инквизиции, борьба с ересями во Франции, в Италии, Фландрии, Германии, борьба протестантства и католичества, коварство монашеских орденов, борьба Никона и Аввакума, многовековый гнет, давивший на науку и свободу, христианские истребители языческого населения Тасмании, злодеи, выжигавшие негритянские деревни в Африке. Всё это стоило большего количества страданий, чем злодеяния разбойников и злодеев, творивших зло ради зла... (...)

Василий Гроссман

Я увидел непоколебимую силу идеи общественного добра, рожденной в моей стране. Я увидел эту силу в период всеобщей коллективизации, я увидел ее в 1937 году. Я увидел, как во имя идеала, столь же прекрасного и человечного, как идеал христианства, уничтожались люди. Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу, я видел эшелоны, везущие в Сибирь сотни и тысячи мужчин и женщин из Москвы, Ленинграда, из всех городов России, объявленных врагами великой и светлой идеи общественного добра. Эта идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов».

Так где же у Гроссмана спасение, и существует ли оно вообще? К счастью, нужно ответить на этот вопрос утвердительно — Гроссман искал не столько истину, которая должна сделать людей свободными, сколько доброту, которая лечила души, а заодно и делала свободными:

«И вот, кроме грозного большого добра, существует житейская человеческая доброта. Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага, это доброта молодости, пожалевшей старость, доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика еврея. Это доброта тех стражников, которые передают с опасностью для собственной свободы письма пленных и заключенных не товарищам по убеждениям, а матерям и женам».

Так воздавал честь всем живым и умершим Василий Гроссман, которому не было нужды верить в Бога, чтобы поступать хорошо. Он был героическим атеистом под стать Альберу Камю — но его победа над злом во имя доброты и свободы тем более успешна.

Евангелина Скалинская

ДОСТОЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

О книге Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Федор Достоевский в польской словесности. 1847-1897»*

...поляки и русские не любят одни других, или, точнее, взаимно питают всяческие неприязненные чувства, от презрения и отвращения до ненависти, что не исключает смутного взаимного влечения, хоть и всегда отмеченного недоверием. (...) Поляки, не исключено, знают о русских такое, что русские и сами о себе знают, не желая себе в этом признаться, — и наоборот. Отсюда в нерасположенности к полякам у Достоевского, националиста, скрывается словно бы оборонительный жест. (...) Предположительно, каждое столкновение с русскими для поляков неприятно и настраивает их на оборону, поскольку разоблачает перед самими собой.

Ч. Милош. Россия

Изданная в конце 2010 г. книга Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Федор Достоевский в польской словесности. 1847-1897» — интересное исследование, где представлена «польская модель творчества Достоевского». Уже в самом начале есть смысл обратить внимание на его переломный характер. До сих пор не существовало никакого труда, освещающего присутствие или отсутствие творчества Федора Достоевского в польском литературно-критическом сознании второй половины XIX века. Зато действовало молчаливое предположение, что ввиду итогов восстания 1863 г. и многочисленных мнений писателя, не слишком-то лестных по отношению к полякам, в отечественном читательском обиходе XIX столетия его творчество — из соображений патриотизма — попросту замалчивалось.

В этом основополагающем аспекте работа Ведемана становится едва ли не поворотным пунктом в изучении польского восприятия Достоевского в XIX веке. В соответствии с прежним состоянием изысканий, исходная точка более широкого чтения Достоевского в Польше датировалась, грубо говоря, началом 1880-х, когда его имя приобрело известность в связи со смертью писателя и его похоронами. Превосходный труд Ведемана вносит в данные, собранные историками литературы, значащую поправку — оказывается, первое упоминание о Достоевском появилось на страницах издаваемой Зеноном Фишем в Петербурге, Киеве и Вильно «Гвязды» («Звезды») еще... в 1847 г. и касалось повести «Хозяйка». Как в этом случае, так и в ходе многих более поздних прочтений Достоевского есть смысл обратить внимание на контекст, в котором возникла указанная заметка. Приведенный Ловицким** пример «Хозяйки» должен был стать коронным аргументом в неявной дискуссии автора с одним из фрагментов «Философского калейдоскопа» Вацлава Жевуского, где было выдвинуто утверждение об исключительно сплачивающем и общегосударственном характере русского языка, из которого вытекал тезис о его превосходстве над польским языком. Повествовательный строй «Хозяйки», богато оснащенной фольклорными мотивами, а вместе с тем произведения, написанного «новым Гоголем» русской литературы (по определению самого Виссариона Белинского), сильно подрывал верноподданнический тезис, выдвинутый Жевуским.

---

* ***Marek Wedemann.*** **Polonofil czy polakożerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847-1897**. Poznań, 2010.

** Мацей Ловицкий был в 1841 сослан из Вильно в Сибирь по обвинению в заговорщической деятельности. С 1848 стал постоянным сотрудником «Гвязды», посылая в нее из Сибири (Красноярска и Омска) свои статьи, в т.ч. «Афористические ляпы от читателя разных однодневок», в числе которых оказалась и небольшая заметка о «Хозяйке».

Сжато изложенные выше обстоятельства первого упоминания Достоевского в польской печати настолько характерны, что с тех пор схема «пользования» именем писателя в завуалированных общественно-политических дискуссиях будет постоянно присутствовать в отечественной публицистике.

Из архивных изысканий Ведемана прямо следует, что для польских читателей Достоевский был важен прежде всего как автор «Записок из Мертвого дома». Это псевдоавтобиографическое произведение стало прекрасной отмычкой к разговору о «польской Сибири» и о царском режиме, который не пожалел даже одного из самых талантливых молодых русских писателей. Однако же «Записки» не могли восприниматься единственно как особое место совместного — польско-русского — мартирологического опыта. В конечном итоге, у Достоевского нашлось в этом сочинении место для нескольких общеизвестных моментов, где поляков изображены в исключительно невыгодном свете.

Даже самые большие либералы и демократы не могли оставить эти литературные карикатуры без комментария. Тем не менее непосредственным рассмотрением этого вопроса занялся лишь в 1930-е Ежи Стемповский*, а в XIX веке на страницах либерально-демократической прессы эта тема обсуждалась, может быть менее прямо, но зато, как представляется, более убедительно. В книге Ведемана собраны, в частности, бесценные источники, позволяющие нам узнать, что Достоевский, по мнению какой-то части польских журналистов и литераторов, был не только талантливым писателем, но и мессианистом вроде Мицкевича, а это очевидным образом должно было отвлекать внимание польского читателя от нежелательных национально-политических сторон творчества русского автора и пробуждать к нему симпатию:

«Если говорить о нас, мы далеки от того, чтобы глумиться над ним или порицать за эту его веру в мессианизм своего народа и за столь горячую любовь к нему; ибо нет у нас права осуждать то в других, что в нас самих видится нам хорошим, а мы открыто признаёмся, что предпочитаем тех, кто своих сородичей называет «богоносцами», нежели тех, кто о них утверждает, будто бы они сотворены по образу и подобию скотов»**.

Вследствие такого рода сочувственных умозаключений этикетка «русского мессианиста» до такой степени пристала на польской почве к автору «Идиота», что и сегодня можно порой натолкнуться на определение комплекса историко-религиозных взглядов Достоевского термином «мессианские», тогда как, учитывая специфику учения православной Церкви, здесь можно говорить самое большее о крайней ортодоксальности писателя (а ведь польский мессианизм в корне гетеродоксален).

Благодаря выполненной Ведеманом реконструкции всей схемы польского чтения Достоевского в XIX веке сейчас отчетливо видно, что явление Достоевского (творчество и личность) вплоть до конца разделенной Польши трактовалось польской литературно-критической прессой фрагментарно и инструментально.

В кругу таких периодических изданий, как «Тыгодник велькопольский», краковский «Час» («Время»), «Библиотека варшавская», возник, быть может, мало реалистический, зато необычайно красочный портрет автора «Братьев Карамазовых». В итоге он получался вроде бы человеком, который боролся за улучшение судьбы «униженных и оскорбленных бедных людей» и за это был отправлен царем в Сибирь. На каторге Достоевский смог основательно узнать русских крестьян и воспылать к ним пламенной любовью, выраженной позднее в многочисленных высказываниях мессианского характера. Вдобавок такой борец за всеобщую свободу и равенство не мог остаться равнодушным к судьбе поляков в ходе восстания 1863 г., о чем высказывался в своих статьях, и за это его журнал «Время» был закрыт царской цензурой. Трудно, пожалуй, нарисовать более ложный и даже гротескный портрет «русского пророка».

Разумеется, проблематика, обозначенная в заголовке («полонофил» или «полонофоб»), ясно указывает, что образ Достоевского на польских землях не был однобоким. Больше всего критиковали Достоевского на протяжении описываемого Ведеманом периода в российской части Польши,

* См. Ежи Стемповский. Поляки в романах Достоевского // Культура (Париж). 1971. Номер, посвящ. польско-русским отношениям. №2.

** A. Pług [A. Pietkiewicz]. Teodor Dostojewski // Kłosy. 13/25.08.1881. Цит. по кн. Ведемана.

то есть там, где из-за цензуры нельзя было подробно обсуждать сибирскую тематику «Мертвого дома». Здесь начиная с 1870-х формировался, пожалуй, наиболее многомерный образ Достоевского. Цитируемые Ведеманом литературные критики извлекают на свет значительные различия между его публицистикой и художественными произведениями. Появляется характерная для позитивистского мышления оппозиция «реалист — мистик». Достоевский-писатель был «неисправимым реалистом» (это определение должно было служить выражением симпатий одного критика-позитивиста к писателю-«позитивисту»)», автор же «Дневника писателя» рассматривался как «мистик и радикальный идеолог», что под пером тех же критиков не прибавляло ему славы.

Публицистика Достоевского вызывала больше всего отторжения и разочарования (чтобы не написать — раздражения) именно в российской части Польши. Здесь появились приводимые автором книги высказывания молодого Жеромского, который решительным тоном расправлялся с религиозно-историософскими взглядами и идеями русского писателя.

В книге Ведемана приведен ранее не публиковавшийся отрывок из «Воспоминаний сибиряка» Юзефа Богуславского, посвященный его встрече с Достоевским на каторге. Этот текст, разумеется, не существовал в общедоступном литературном обиходе и не мог оказать воздействия на восприятие фигуры русского писателя поляками, зато это чрезвычайно занятное «свидетельство восприятия» творчества и в первую очередь «приватных» взглядов и поведения русского писателя.

Вообще, пожалуй, наибольшая заслуга монографии Ведемана состоит в том, что здесь под одной обложкой собрано по-настоящему много текстов-источников, отвечающих на вопрос о Достоевском в польском общественно-культурном сознании второй половины XIX века. Благодаря выполненной автором огромной работе (продолжавшейся, по его словам, свыше десяти лет), становится возможным точно и основательно изучить вероятное влияние Достоевского на польских писателей. Кстати, в монографии Ведемана присутствует образчик такого рода рефлексии применительно к соотношению Достоевского и Пруса.

Отдельно следует также подчеркнуть внушающую доверие (а иногда даже поражающую своей обширностью) эрудицию Ведемана, которая видна в воспроизведении истории польского и русского чтения. Эрудированность, которая при значительной интенсивности могла бы вызывать у читателя усталость, под пером Ведемана оживляет фигуры давным-давно позабытых журналистов и редакторов, и чтение обстоятельного компаративистского исследования, основанного на архивных источниках, становится истинным удовольствием.

Благодаря автору мы можем удостовериться, какие явления и воззрения весомо повлияли на современные польские представления об авторе «Записок из Мертвого дома». Этот аспект рассматриваемой работы сближает ее с современным направлением культурных исследований, постулирующих, в частности, что значение всякого произведения искусства общественно обусловлено и вследствие этого вносится исследователем в предмет изучения, а не — как думалось прежде — выводится из него. С другой стороны, нужно также отметить классическую компаративистскую методологию, которой воспользовался Ведеман и которая в известной степени не позволяет включить его книгу в постмодернистский поток литературоведения.

В заключение хотелось бы обратить также внимание на общее оживление интереса польских научных кругов к наследию Достоевского и его ближайшему контексту. На протяжении последних десяти лет в польской переводческой школе и литературоведении сформировалось словно бы отдельное течение, прибегающее к глубокому филологически-герменевтическому прочтению тех или иных его произведений. В орбите этого течения находятся (назовем хотя бы некоторые позиции): переиздание монографии Рышарда Пшибыльского «Достоевский и «проклятые вопросы»» (2010); первые польские переводы таких трудов, фундаментальных для исследований вокруг Достоевского, как «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского» Розанова (KR, 2004, пер. Яцек Хмелевский), «Гоголь и Достоевский, или сошествие в бездну» Павла Евдокимова («Homini», 2002, пер. Адриан Кунк), «Мировоззрение Достоевского» Николая Бердяева («Антик», 2004, пер. Генрик Папроцкий) или же новый перевод «Поэтики Достоевского» Бахтина, который включен в состав двухтомной антологии исследований Михаила Бахтина и его продолжателей (Я — Другой.

Вокруг Бахтина: Антология. Краков: Университас, 2009). Уместно вспомнить и о новых трудах некоторых польских специалистов, изучающих наследие писателя, например: «Духовный мир Достоевского» Дариуша Ястшемба (WAM, 2009) «Человек претворенный. Федор М. Достоевский по отношению к Преданию Восточной Церкви» Дороты Евдокимовой (Научное издательство Познанского университета им. А.Мицкевича, 2009), «Достоевский Герлинга-Грудзинского» Тадеуша Сухарского (Издательство Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской, 2002). А из самых новых— сборник статей Чеслава Милоша, посвященных Достоевскому: «Россия. Трансокеанские свидания. Т.I. Достоевский — наш современник» («Зешиты литерацке», 2010). Этот, можно смело сказать, богатый список дополняется новым переводом «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Адама Поморского с его вступительными статьями и комментариями («Знак», 2010).

Книга Ведемана прекрасно вписывается в вышеприведенный перечень, показывающий четкое направление современного польского восприятия творчества русского писателя, — восприятия, которое явно возвращается к основанному на источниках прочтению как текстов самого Достоевского, так и их классических истолкований.

Анна Гришина

МАРИЯ КОШУТСКАЯ. ГОДЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Светлой памяти незабвенной Целины Будзинской, от которой я впервые услышала имя Марии Кошутской

...Произведенной проверкой установлено, что Костшева была арестована в числе других польских политэмигрантов по преступному указанию врага народа Ежова, согласно которому арестовывались **все** (выделено мной. — А.Г.) поляки, прибывшие в СССР из Польши, несмотря на отсутствие на них материалов, свидетельствующих о их преступной деятельности.

К арестованным по этому приказу лицам применялись меры физического воздействия и от них добивались вымышленных показаний.

Из заключения зам. начальника 1 отделения 1 отдела следственного управления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР майора Попова в реабилитационном деле Костшевой Веры Карловны. 9 марта 1955 г.

Я сочла необходимым начать с такого длинного эпиграфа, потому что иначе я не могла бы позволить себе ссылаться на обвинительные показания ее товарищей (а иногда и друзей) против нее. Конечно, все знают теперь, что в КГБ практиковались пытки, но выдержка из очень раннего, едва ли не самого первого, официального реабилитационного дела по польской компартии с подтверждением этого факта и со словами «все поляки, прибывшие в СССР» все равно производит, по-моему, сильное впечатление.

В декабре 1993 г. в Польскую комиссию «Мемориала» в Москве пришло письмо Ольги Кошутской с просьбой «разыскать дело и сообщить мне все данные, а также дату смерти и место захоронения моей родственницы Марии Кошутской (псевдоним Вера Костшева)».

Тогда же я и занялась поисками следственного дела Марии Кошутской (Веры Костшевы). Поиски длились два года. Из нескольких ведомств, в которых должны были быть (и как выяснилось позже, и были) сведения о следственном деле и само дело, я получала ответы, что «каких-либо сведений об аресте, судимости и месте хранения архивных материалов на Кошутскую (Костшеву) Марию Карловну не получено». И только через два года, в конце 1995 г., я получила из архива ФСБ ответ на мой повторный запрос, что дело находится у них. Сначала мне прислали выписку из дела в несколько строк. Но в это время у меня уже была доверенность Ольги Кошутской на просмотр дела, и я, сославшись на ст.11 закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991, потребовала, чтобы мне показали дело. Что и произошло. Дело мне выдали, я его досконально изучила и в значительной степени переписала от руки (ксерокопии родственникам выдаются на официальные материалы следственного дела, но не на показания свидетелей и не на очные ставки). Прочесть я не смогла «закрытые» (а проще говоря, прошитые грубыми белыми нитками) страницы, которых оказалось немало. Про них мне объяснили, что они касаются «шпионской деятельности» Кошутской как работника Коминтерна. Да, да — опять шпионской деятельности, как на следствии, — только тогда, в 1937 г., ее обвиняли в работе на 2-й отдел польского Генерального штаба.

Впервые имя Марии Кошутской я услышала в Варшаве в 1990 г. от Целины Будзинской. Потом слышала от разных людей не один раз. Меня поразило, что в тогдашней крайне антикоммунистической Польше люди, которые о ней говорили, (некоторые из них положили на стол в парткомах свои партийные билеты в день введения в Польше 13 декабря 1981 г. военного положения) вспоминали о

Марии Кошутской, многие годы члене Политбюро довоенной польской компартии, не только с уважением, но и с восхищением. О ней рассказывали легенды — во всяком случае тогда мне, москвичке, казалось, что это легенды.

Читая следственное дело Марии Кошутской, обвинения, которые выдвигали против нее ее товарищи по партии (напоминаю эпиграф к моей работе), я постепенно начала понимать, что не всё в них — ложь. Конечно, абсолютная ложь, полная фантасмагория — основное обвинение, связь с ПОВ — Польской Организацией Войсковой, созданной Пилсудским в 1914 г. и прекратившей свое существование на территории Польши после объявления независимости, а на территории СССР действовавшей, возможно, до 1921 или 1922 года.

Фальшивка — «дело ПОВ», созданное НКВД в 30-е годы, по которому обвинялись, были арестованы и расстреляны тысячи поляков или людей, связанных с Польшей, по всей территории СССР, в том числе почти все польские коммунисты-эмигранты, достаточно хорошо известно. Ничего особенно нового следственное дело Марии Кошутской для «дела ПОВ» не дает. Кроме, конечно, большого количества упоминаемых имен и обстоятельств, при которых эти люди «вербовались» и «функционировали». О «деле ПОВ» уже писали, в том числе и в «Карте» (Karta. 1993. №11), и я не буду повторяться.

О самой Марии Кошутской в Польше имеется литература, изданная главным образом в 60-е и 70-е годы (помимо коммунистических изданий 20-х и 30-х годов, в которых печатались ее статьи и некоторые речи). Сошлюсь на главные издания.

Koszutska Maria. Pisma i przemówienia. T.1-3. Warszawa, 1962.

Kasprzakowa J. Maria Koszutska. Warszawa, 1988.

В книге Каспшаковой использовано и цитируется большое количество документов из архива ЦК ПОРП — главным образом это копии документов фонда Коминтерна, хранящегося в ЦХИДНИ, которые по просьбе ЦК ПОРП были переданы им в 1957 году. Круг использованных мною документов шире: за время после выхода книги сделались открытыми новые источники, я широко использовала документы на русском языке, бывшем основным языком Коминтерна, и привлекала для своей работы не только речи и высказывания Марии Кошутской, но и многочисленные заявления, тезисы, речи, статьи ее оппонентов, которых так много было в ее жизни.

До дела Кошутской я никогда не думала, что мне придется научно, документально изучать историю польской компартии. Но, читая ее следственное дело, повторяюсь, я поняла, что не всё в нем — фальсификация. То есть, конечно, фальсификация — то, как факты использовались, как они освещались, но сами факты были. Особенно это прозвучало в обширных показаниях Виктора Бертинского (Житловского) 1 августа 1937 г. (выписка из протокола допроса). Излагая основные факты истории КПП с момента ее организации и до 1936 г. (иногда путая даты событий и последовательность фактов), Бертинский приписывает Марии Кошутской и некоторым ее коллегам по партии то, что тогда — в 1937-м — звучало страшным обвинением, а теперь воспринимается с интересом и уважением. Это линия постоянного противостояния этих людей диктату Коминтерна (Зиновьева, Бухарина, Сталина), установкам, всё более противоречившим их взглядам. И для того, чтобы понять, что было на самом деле, мне и пришлось заняться историей КПП и просмотреть огромное количество (сотни папок) документов.

Впрочем, то, чем я занималась, это не только (а может быть, и не столько) история польской компартии и вообще Польши, сколько и история СССР. В 1930 г. в собственно Польше было 3310 членов КПП, в компартиях Западной Украины и Западной Белоруссии — еще около двух тысяч. То есть ничтожная часть населения страны. Влияние КПП опиралось, конечно, на влияние СССР, и историческая эволюция КПП определялась эволюцией СССР и мирового коммунистического движения к тоталитаризму. Именно этому и старалась, но не смогла противостоять Мария Кошутская.

Мария Кошутская родилась в 1879 г. в помещичьей усадьбе своего отца в Глувчине около Калиша. Уже эта обычная фраза неожиданно требует комментариев. Я знаю, что в Польше считают, что Мария Кошутская родилась 2 февраля 1876-го. Знаю, что в 1976 г. отмечался ее столетний юбилей, было напечатано о ней несколько статей в разных журналах. В запросе Ольги Кошутской также на-

писано, что Мария родилась 2 февраля 1876 г. Но передо мной два ее собственноручных документа — рукописная автобиография, написанная 10 апреля 1925 г., и анкета арестованного в следственном деле 1937 года. Первый начинается словами, «Я родилась в 1879 году», а в анкете на вопрос «год рождения» ответ «1879». Что это? Желание женщины быть моложе? Коминтерновская конспирация? Вера Костшева не должна была родиться в один год с Марией Кошутской? Очевидно, так.

Дочь небогатого помещика, первые годы Мария жила в отцовском имении, потом была отдана в известный тогда варшавский пансион Генрики Черницкой, а после его окончания прошла годичные курсы в Сорбонне, диплом которых давал право стать школьной учительницей. По окончании этих курсов вернулась в Польшу и поселилась в Лодзи — городе польского капитализма, где, наверно, легче всего было увидеть богатство одних и нищету других и проникнуться идеями социализма, пропаганде которых, борьбе за которые и борьбе против извращения и фальсификации которых, так как она их понимала, она и отдала свою жизнь.

Ее педагогическая и революционная деятельность начались одновременно — в 1900 году. Осенью 1902 г. она стала директором школы в Лодзи и в том же году — членом Польской социалистической партии (ППС). Молодая, воспитанная, образованная и очень красивая девушка (о чем говорили почти все знавшие ее и что видно на фотографиях), дочь польского помещика, она вступила на тот путь, который на рубеже веков привлекал многих представителей польской и русской интеллигентной, в том числе дворянской, молодежи. Почти сразу начались репрессии. Первый раз она была арестована в начале 1903 г. и освобождена под залог. Социалистическая ее деятельность продолжалась (работала в селах под Варшавой), и в 1904 г. она была снова арестована и административно сослана (в документе Архангельского губернского жандармского управления сказано: «На основании Высочайшего повеления, последовавшего 28 апреля 1904 г.») на 3 года в Архангельскую губернию, где ее поселили в Холмогорах. В моем распоряжении находятся копии двух документов, хранящихся ныне в Государственном архиве Архангельской области, подтверждающие эти сведения*.

В Холмогорах Кошутская прожила недолго. Уже осенью 1904 г. ей удалось бежать. Начинается нелегальная жизнь профессионального революционера: член Варшавского комитета ППС, она снова была арестована в начале 1906 г., освобождена под залог, а дело передано в военный суд. Она активно боролась за образование ППС-Левых, после раскола стала членом окружных комитетов Лодзи и Домбровского района, а с конца 1907 г. — членом ЦК ППС-Левых. В русской Польше жить ей было уже невозможно, и с 1908 г. она — в Кракове и Вене. Редакционная работа и руководство заграничным бюро ЦК ППС-Левых. Краткое пребывание в России в 1912 году. Снова Краков, после начала войны — работа в Домбровском районе в Лодзи, нелегально Варшава.

Независимость Польши встретила радостно, всегда оставалась сторонником национальной независимости Польши, много писала об этом. За что ее бесконечно поносили, обвиняя то в «пэпэсовском национал-кретинизме», то в польском «великодержавном шовинизме». Ее оппоненты считали, что национальный вопрос для коммунистов — это часть вопроса о власти: какая позиция выгодна в данный момент для завоевания власти, той и надо придерживаться. Это называлось, как мы знаем, «принцип большевистской целесообразности». Кошутская его старались не придерживаться.

В конце 1918 г. Мария Кошутская была членом Комиссии по выработке политической платформы компартии Польши, активно способствовала объединению ППС-Левых с социал-демократами и созданию единой компартии, членом ЦК которой была избрана на Первом (Объединительном) съезде КПРП в декабре 1918-го.

Начинается период коммунистической партийной, редакционной, теоретической работы — до 1921 г. в Варшаве (в январе 1920 г. она была арестована уже правительством независимой Польши, в декабре 1920-го — освобождена), потом — главным образом за границей. После IV конгресса Коминтерна (1922) она стала на некоторое время представителем КПП при ИККИ.

Эти пять лет ее жизни, от первого до второго съездов КПП, — годы, когда она еще могла свободно, не вызывая поношений, излагать свои взгляды и следовать им в своей практической работе. Кульминацией этого периода, а может быть, и всей ее жизни, был второй съезд КПП, состоявшийся в Болшеве

* За присылку этих документов я благодарю директора Архангельского архива В.А.Митина.

под Москвой 19 сентября — 2 октября 1923 года. Им руководил тогдашний ЦК КПРП — Кошутская, Барский, Бранд (Генрих Лауэр)*, Прухняк. В официальных документах съезда Марии Кошутской и ее соратникам удалось изложить свои взгляды на основные задачи и деятельность компартии Польши (тактика единого фронта, способы решения национального и крестьянского вопросов). Этих решений им не простили до конца их жизни.

Уезжая из Польши в конце 1921 г., Кошутская не предполагала, конечно, что покидает ее навсегда. Став в 1922 г. сотрудником Коминтерна, она сменила имя на псевдоним, на два псевдонима — Wera и Kostrzewa (Вера и Костшева, по-русски иногда Костржева), которые потом слились в один: Вера Костшева.

Мария Кошутская

С самого приезда Кошутской в Москву и начала ее работы в Исполкоме Коминтерна проявляется линия ее противостояния официальной политике РКП(б) и Коминтерна. Уже в 1922 г. она пишет товарищам в Польшу о «терроре» в Коминтерне**. Письма, отражающие ее инакомыслие, я нашла в архивах Коминтерна. Дошли ли они до адресатов в Польше — не знаю. Недавно я прочла в еще не опубликованных воспоминаниях историка Коки Александровны Антоновной: «Сначала мама [ее мать, Софья Михайловна Антонова, — член РСДРП с 1904] была техсекретарем у Ленина на II Конгрессе Коминтерна, потом стала работать в секретариате Зиновьева... Ее поставили заведовать перлюстрацией писем коминтерновцев на родину: она давала читать письма известным членам партии, знавшим иностранные языки, на предмет обнаружения непозволительных сообщений. Поскольку в это время не жил ни один член партии, знавший китайские иероглифы, письма китайцев, по маминым словам, просто сжигались»***.

Но особенно открыто и остро позиция тогдашних лидеров КПП, это противостояние проявились в письме пленума ЦК КПП в Президиум ИККИ (Зиновьеву) и в Политбюро ЦК РКП(б) 23 декабря 1923 года. В этом письме содержится резкая критика политики и тактики ИККИ в отношении руководства компартии Германии и событий 1923 г. в Германии и политики РКП в отношении Троцкого. Последнее было особенно криминально: в СССР заканчивалась партийная дискуссия с Троцким, Сталин бешено боролся за власть, и авторов письма обвинили в поддержке Троцкого. Это обвинение влачилось за ними до конца их партийной жизни и, конечно, фигурировало на следствии 1937 года. А на самом деле в письме говорилось:

«Разногласия внутри РКП и формы, в которые эти разногласия за самое последнее время вылились, вызывают в нас большую тревогу... В центр настоящего внутрипартийного кризиса в РКП выдвигаются разногласия между большинством ЦК и тов. Троцким. Мы знаем, что эти разногласия связаны со сложными проблемами хозяйственного строительства СССР. У нас нет достаточных данных и нет возможности судить эти разногласия в области экономической политики [выделено мною. — *А.Г.*]. Но мы знаем твердо одно: имя т. Троцкого для нашей партии, для всего Интернационала, для всего революционного пролетариата мира неразрывно связано с победоносной октябрьской революцией, с Красной армией, с мировым коммунизмом и революцией. Мы не допускаем возможности того, чтобы т. Троцкий оказался вне рядов вождей РКП и К.И. (...) Мы считаем также необходимым, чтобы на ближайшем пленуме ИККИ был поставлен в порядок дня вопрос о кризисе в РКП»****.

* Фамилия Lauer в документах Коминтерна и ФСБ пишется по-русски по-разному: Лауэр, Ляуэр, Ляуер.

** Tych Feliks. The KPD-KPP political «Axis» against Zinov'ev-Stalin in the Communist International. 1919-1924 // Centre and Periphery. Amsterdam, 1996, p.86.

*** Антонова К.А. Воспоминания детства. Рукопись.

**** На экземпляре этого письма, который я получила в архиве, под его текстом от руки черными чернилами перечислены все члены ЦК КПП, которые присутствовали на этом пленуме, т.е. были ответственны за текст. А сверху письма тем же почерком и теми же чернилами написано: «Передать в польские материалы. 9/VIII-37». Меня поразила дата этой приписки — следующий день после ареста Марии Кошутской. И снова задумываешься: «польские материалы» — Коминтерна или НКВД? И различались ли они тогда?

Мы видим, таким образом, что пленум ЦК КПП, не вдаваясь в сущность разногласий между Троцким и Сталиным, не считая себя вправе вдаваться в нее, выступает лишь против сталинских методов полемики — «полемики» на уничтожение оппонента, с которой потом всю жизнь и до конца приходилось иметь дело Марии Кошутской, Барскому и другим польским и не польским коммунистам и не коммунистам. И против которых Кошутская неизменно и долго выступала. Это была одна из важных особенностей поведения коммунистки Марии Кошутской, делавшая ее непохожей (как и многое другое) на стандартный тип коммуниста, вначале, правда, особенно русского, а потом — и польского, и всякого. Этот пафос защиты свободы инакомыслия, защиты политических жертв большевизма, стремление удерживать противников на уровне идейной борьбы она сохранила почти (к сожалению, «почти», о чем ниже) до конца своей деятельности. Это можно было бы подтвердить множеством цитат из ее статей и речей. Ограничусь только двумя. Первая из ее достаточно известной речи на Польской комиссии V конгресса Коминтерна 3 июля 1924 года. «По поводу нашего выступления и критической оценки некоторых решений ИКИ тов. Зиновьев сказал нам уже давно: «Мы вам кости переломаем, если попробуете выступать против нас». Вы можете это сделать с легкостью. Хорошо знаете, что борьба с вами в этих обстоятельствах невозможна... Товарищи, сломанные кости в нашем Коминтерне сращиваются. Но я боюсь другого. Именно благодаря этой вашей особой привилегии [правящей партии и лидера мирового революционного движения. — *А.Г.*] опасны для вас не те люди, которым можно сломать кости по таким причинам, как нам, а те, у которых вовсе костей нет».

И через два года — снова и еще резче в речи на заседании Польской комиссии ИККИ 7 июля 1926 г. характеризуя метод полемики, «который товарищи хотели применять, который легче всего кажется, доступнее всего, чтобы массы таким образом убеждать, что партия стоит на правильной точке зрения, что всегда мы являемся, держа в одной руке окровавленную жертву правую, а в другой руке окровавленную жертву ультра-левую. Если бы большевизм правильно боролся с правым и ультра-левым уклоном, не таким образом, чтобы приносить жертвы, а таким образом, чтобы установить правильную оценку линии. На отрицательных лозунгах никогда не заострить сознание, а только притупить сознание можно. Мы уходим от вопроса заботиться о правильной линии, о правильных лозунгах».

Как мы знаем, это осталось гласом вопиющего в пустыне. Смерть Ленина и укрепление власти Сталина демонстрировали это не только в РКП, но и в компартии Польши, и во всем Коминтерне. До этого времени полемика, шедшая в КПП, приобретавшая иногда острые и резкие формы, все же оставалась взаимной критикой взглядов, полемикой в органах партийной печати и устных выступлениях. После письма декабрьского пленума ЦК КПП 1923 г. и ответа на него от имени ЦК РКП(б) Сталина она частично стала приобретать форму доносов в Исполком Коминтерна против «вождей», «верхушки», т.е. ЦК КПРП, избранного на II съезде партии. «Верхушка» — это прежде всего Варский, Костшева, Валецкий, Прухняк или «заграничное ЦК», как его называли на V конгрессе Коминтерна и после него — самые известные люди в компартии Польши, давние социалисты; которые в это время уже не могли жить в стране, где компартия была запрещена, а они были широко известны и жили, большей частью, в Москве.

И после ответа Сталина они не отказались от своей точки зрения. Это явствовало и из «Заявления польской делегации» 21 января 1924 г., и из статьи Костшевой «Хозяйственные и организационные вопросы в Российской партии», опубликованной в «Новом пшеглёнде» за январь 1924 года. Очень резко о борьбе Зиновьева с инакомыслящими в Коминтерне пишет она в письме в Польшу 4 января 1924 года.

Уже в феврале 1924 г. публично выступили их оппоненты в КПП. Были опубликованы тезисы «О кризисе в КПРП и о ближайших задачах партии», в которых ожесточенно критиковались и решения 2-го съезда, и, конечно, декабрьское письмо ЦК, и вообще вся деятельность руководителей ЦК КПП. Эти тезисы подписали четыре человека: Юлиан Лещинский (Ленский), Л.Домский (Генрих Стейн), Софья (Зоська) Осинская и Дамовский — двое первых оставались ожесточенными оппонентами Костшевой, Варского и их соратников долгие годы.

В марте 1924 г. состоялся следующий пленум ЦК КПРП, где расхождения позиций в руководстве польских коммунистов оформились и организационно. Лидеры партии — Варский, Костшева, Валецкий — при принятии резолюции получили большинство голосов, их противники — меньше. Так в КПРП оформились две фракции: «большинства» и «меньшинства». Исторический парадокс: польское «меньшинство» было гораздо ближе к русским большевикам, чем «большинство». Тогда как лидеры большинства по своим политическим и тактическим взглядам были гораздо ближе к меньшевикам и их так и не удалось «большевизировать». Конечно, они оставались марксистами, но при этом не догматиками и не экстремистами. С Лениным Варский был не согласен еще во время Первой Мировой войны, поддержав Мартова. Кошутская полемизировала с ленинскими работами уже в 1921-м. Они всегда признавали преимущества парламентаризма, демократии (в том числе во внутрипартийной жизни), в своей борьбе против капитализма стремились к союзу с «попутчиками».

Об ожесточенной борьбе «меньшинства» против руководства КПРП, длившейся пять лет и увенчавшейся полной победой его сторонников, в соответствии с логикой развития всего коммунистического движения, писалось много. Повторяться не буду: желающие могут найти это в коммунистических публикациях 20-х годов и 60-х — 70-х — 80-х, когда многое было переиздано, поскольку до 1988 г. публиковать в Польше про «жертвы Сталина» можно было почти только о коммунистах.

Но вот что сказать всё-таки придется: многое из того, что говорило и писало «меньшинство», воскресло в несколько преображенном виде в следственном деле Марии Кошутской. Кроме «либеральных», меньшевистских, «реформистских» взглядов (в 20-е и тем более в 30-е годы — это уже страшное обвинение) на тактику единого фронта («стремление подчиниться ППС»), на парламентскую деятельность, на возможность компромиссов, на союзников пролетариата и на методы внутрипартийной полемики, за Марией Кошутской с этого времени влачились до конца ее жизни три «преступления»: ее происхождение (не дворянское — упоминаний об этом я не встречала, а пэпээсовское), письмо ЦК КПРП декабря 1923 г. и «майская ошибка» 1926 г., т.е. признание лидерами КПП в момент переворота в мае 1926-го, что правительство Пилсудского лучше для борьбы за свободу и улучшение положения трудящихся в Польше, чем эндековское правительство Хиено-Пятса, и поэтому — призывы поддержать Пилсудского. И хотя уже в июне ЦК КПП стало выступать против Пилсудского, им этой попытки компромисса не простили никогда. Крайне резкое осуждение и грубая, агрессивная критика взглядов и тактики «большинства» прозвучали на состоявшемся 17 июня — 8 июля 1924 г. V конгрессе Коминтерна. Основным пафосом этого конгресса была «большевизация компартий». Суть этого действия, по мысли его вдохновителей, заключалась в осуждении и отстранении от деятельности всех инакомыслящих, в требовании полной, безусловной и безоговорочной поддержки зарубежными коммунистами «генеральной» (т.е. сталинской) линии РКП(б).

Всё это содержалось уже в открывшем конгресс докладе Зиновьева. В нем, в частности, говорилось:

«Что большевизм родился в борьбе против оппортунизма, против правых, против социал-демократов, против центристов, это известно всем и не нуждается в доказательствах. Ведь коммунисты в очень большой мере вышли из недр 2-го Интернационала. Сейчас можно уже прямо рукой нащупать наличность в Коминтерне двух составных частей. Одна часть Коминтерна, родившаяся из 2-го Интернационала, — бывшие социал-демократы, вторая — новое поколение рабочих, выросших во время и после войны. Всем известно, что тактика Коминтерна, тактика большевизма и ленинизма, развилась, главным образом, в борьбе против социал-демократов как правых, так и центристов, и поэтому должно стать ясным, что ленинизм внутри Интернационала должен был бороться и борется сейчас в первую голову против пережитков, доставшихся в наследие от социал-демократии... Но менее известно, что большевизм должен был вести серьезную борьбу против другого рода уклонов, часто называемых «ультра-левыми». Разумеется, на деле они далеко не левые, ибо нет ничего левее коммунизма...

Таким образом, мы видим товарищи, что Коминтерн уже с самого начала боролся и не мог не бороться, оставаясь на ленинской почве, с центризмом и оппортунизмом и в то же время с «ультралевыми» уклонами...

Надо понять, что именно это и есть марксизм».

Такого понимания марксизма Кошутская не приняла. Уже на самом конгрессе в докладе Зиновьева руководство КПП было раскритиковано за свои ошибки. Было сказано, что «верхушка польской партии проявила в важнейших вопросах, определяющих всю тактику Коминтерна, в германском и российском, слишком много дипломатии» и что «необходимо внести некоторые поправки в ошибки верхушки польского ЦК».

Сигнал был дан. И в польской компартии, как и во всех других, нашлись, конечно, люди, которые приняли его как руководство к действию.

На конгрессе эту критику особенно активно поддержал и усилил Юлиан Лещинский. Руководящие деятели ЦК КПП на конгрессе не выступили. Они ограничились заявлением, в котором переносили полемику на Польскую комиссию V конгресса, где и состоялось главное разбирательство деятельности и ошибок ЦК КПП. Председателем этой комиссии был Сталин, а его заместителем — Молотов. На V конгрессе было несколько комиссий, обсуждавших (и осуждавших) деятельность разных компартий, но, очевидно, Сталину уже тогда важнее всего было «прижать к ногтю» именно КПП.

На первом заседании Польской комиссии 1 июля 1924 г. Сталин объявил порядок дня: польский вопрос и разногласия внутри польской партии, — и предложил «дать возможность представителям двух сторон высказаться».

Снова агрессивную речь произнес Ленский, обвинивший ЦК во множестве ошибок, в т.ч., конечно, в поддержке Троцкого. Это была программная речь «меньшинства». На этом же первом заседании выступил с критикой ЦК один из членов ЦК, работающий в Польше, Стефан Скульский (Станислав Мертенс). Так мы снова (после Лещинского) выходим на одного из тех, кто давал показания против Костшевой на допросах 1937 года.

На втором заседании Польской комиссии 2 июля 1924 г. выступала и Вера Костшева. Понимая, что главное, в чем обвиняют ЦК КПП (хотя перечислялось и множество других «ошибок»), — это позиция по русскому вопросу или «поддержка Троцкого», как это стало уже называться, она постаралась объяснить позицию ЦК по этому вопросу и сказала: «Они [наши оппоненты. — *А.Г.*] стояли... на точке зрения непримиримой борьбы, между тем, как наша группа — т.т. Прухняк, Барский и я (Валецкого не было) считали, что борьба должна идти только по принципиальным и идейным вопросам, но в общем курс должен быть взят на примирение. Вот различия, которые существовали между нами».

Решающим стало третье заседание Польской комиссии 3 июля 1924 г., на котором после новой погромной речи Ленского, речи Домского и других поляков, речей Молотова и Сталина перешли к оргвыводам.

Напомню, что именно на этом — заключительном, решающем — заседании Польской комиссии с блестящей речью, в том числе о «сломанных костях», которую я уже цитировала, выступила Кошутская. Сталин в своей речи констатировал кризис польской компартии. Важнейшее в нем — ошибки по русскому вопросу, ибо расшатывание правящей партии в России есть расшатывание советской власти, а она — основа, опора мирового революционного движения. О письме декабрьского пленума ЦК КПРП он сказал: «В период, когда вы эту резолюцию писали и посылали в наш ЦК, вы представляли польское отделение известной оппортунистической оппозиции при РКП. Если считать, что оппозиция при РКП была некоторой фирмой, долженствующей иметь отделения в разных странах, то вы были одним из этих отделений». Ясно, какие оргвыводы были сделаны после этого. Польская комиссия V конгресса Коминтерна приняла резолюцию, полностью дезавуировавшую политическое руководство ЦК КПП («группа Варского, Костшевой и Валецкого»). Характеризуя положение в КПП как катастрофическое, комиссия предлагала созвать экстренную конференцию КПП не позже, чем через три месяца, а пока ликвидировать Политбюро и Оргбюро партии и выделить из состава ЦК пять человек для созыва конференции и руководства партией до нее. И отменить решение ЦК КПП, осуждавшее четырех лидеров меньшинства, подписавших «Тезисы».

После V конгресса полемика в КПП (как и в других компартиях, и прежде всего в российской — Сталин всюду уже действовал по принципу «разделяй и властвуй») шла с большим ожесточением. Это выявлялось, в частности, на заседаниях Польской комиссии Исполкома Коминтерна,

председателем которой вначале был Бухарин. Вообще Исполком Коминтерна и ЦК ВКП(б) тщательно курировали польскую компартию. Кроме Польской комиссии ИККИ, заседавшей начиная с 1926 г. много лет, было еще множество Польских комиссий: при ЦК ВКП(б), Агитпропе, Истпарте. На всех проявлялась эта полемика. Когда читаешь ее документы, констатируешь каждый раз разницу тона, стиля, убедительности аргументации, методов полемики в документах, исходящих от «большинства» и «меньшинства». «Большинство» старается убедить, приводит веские аргументы, исторические параллели, не выходит за рамки идейной борьбы, «меньшинство» ругается, обвиняя своих противников в соглашательстве с врагами, в «поддержании демократических иллюзий», в «парламентском кретинизме» и т.п.

Решения V конгресса Коминтерна были выполнены. На следующем, III съезде КПП (Вена, декабрь 1924 — январь 1925) было избрано новое ЦК, куда Кошутская, Барский, Валецкий и Прухняк не вошли. На этом съезде прежнее название партии КПРП (Коммунистическая партия рабочих Польши) было официально изменено на КПП (Коммунистическая партия Польши).

Но вскоре после этого возникли неожиданности: часть членов нового ЦК была в Польше арестована (Лещинский — еще до III съезда), а наиболее воинственный член четверки «меньшинства» Л.Домский (а вместе с ним и Зоська (София) Осинская) были обвинены Исполкомом Коминтерна в «ультра-левом уклоне», в том, что он «работал... над сколачиванием ультра-левой фракции в Коминтерне», по каковой причине ему после вызова в ИККИ в июле 1925 г. запретили вернуться в Польшу, а приказали оставаться в Москве. Длинный (11 страниц) документ по этому поводу (без заглавия, подписи и даты, но явно написанный в 1926 г.) кончается словами: «Приехав в Советский Союз, Домский вместе с Осинской примкнули открыто к зиновьевской оппозиции».

И руководство партией снова на некоторое время перешло к старым вождям. Фракционная борьба продолжалась и дальше. Главное, в чем в этот период их обвиняли противники, — это позиция КПП в мае 1926 г. во время и непосредственно после переворота Пилсудского. В словах о том, что ему нужно оказывать поддержку, Кошутскую обвиняли до конца ее жизни.

Несмотря на яростную активность «меньшинства», на все его нападки, два пленума ЦК КПП, состоявшиеся в сентябре и ноябре 1926 г., прошли под руководством «большинства», которое снова остается в большинстве.

22 мая 1927 г. под Москвой открылся IV съезд КПП, который продолжался три с половиной месяца, имел 44 заседания и закрылся 9 сентября. Интересно, сколько стоил он советским налогоплательщикам!

Основное содержание съезда всё то же: яростная борьба оппозиции против старых вождей компартии Польши и их попытки все снова и снова объяснять свои взгляды на положение в Польше, революционное движение в ней и ситуацию внутри компартии. Кошутская выступила на IV съезде четыре раза. И хотя съезд кончился довольно обтекаемыми резолюциями, логика развития коммунистического движения, особенно в ВКП(б), предрешала победу «новых кадров». Так было в Коминтерне вообще, в КПП — в частности. Весь 1927 год борьба Кошутской еще продолжалась. Но следующий — 1928-й — стал уже роковым. В речи на состоявшемся в 1928 г. VI конгрессе Коминтерна Вера Костшева еще продолжает выступать против деятелей польского «меньшинства», но в ней нет уже критики официальной линии Коминтерна и противостояния ей. В ней Вера критикует политику Пилсудского (ошиблись в нем!) и поддерживающую его польскую социал-демократию и восхваляет решения XV съезда ВКП(б) об индустриализации и коллективизации. Еще больше сдача своих позиций видна в двух последних статьях Кошутской, опубликованных в начале 1929 г. в «Новом пшеглёнде». Одна из них — «По вопросу о борьбе против правой опасности в КПП», вторая — «Третий призыв дезертиров». Ими она включается в борьбу против правых в ВКП(б), прежде всего против Бухарина — Бухарина, который и на Польской комиссии V конгресса Коминтерна, и на последовавшей за ней Польской омиссии ИККИ не раз обвинял группу «трех В» (Варский, Вера, Валецкий) во множестве ошибок.

А теперь воплощением «правого уклона» стал сам Бухарин. Наступил «год великого перелома», начало коллективизации, ожесточенной борьбы Сталина с «правыми». В связи с этим в 1929 г. было решение Политсекретариата ИККИ против «правых». Горестная капитуляция Веры помочь уже не

могла. Для польских коммунистов, для Ленского и его сторонников, для всего Коминтерна, для Сталина, наконец, именно Вера, Варский, Валецкий всегда значились «правыми». И антибухаринская кампания Сталина стала и их партийным концом.

Официально оформлен этот политический конец Кошутской, Варского, Валецкого был на состоявшемся в июне 1929 г. в Берлине 6-м пленуме ЦК КПП. Главным докладчиком на нем был, конечно, Ленский. Перед пленумом еще происходили последние всплески борьбы «большинства» и «меньшинства». А на самом пленуме в комиссию по выработке резолюции по докладу Ленского (т.е. фактически по формулированию дальнейшей политики КПП) в подавляющем большинстве прошли представители «меньшинства», хотя для видимости туда избрали и Кошутскую. Но здесь она уже не боролась. Предложенные ею поправки к резолюции были не существенны, в своем выступлении она каялась и в ошибках «большинства», и главным образом в своих собственных. В итоге Кошутская, Варский, Валецкий не были избраны в Политбюро ЦК КПП. Ленский стал «генеральным секретарем». В статье, опубликованной в «Новом пшеглёнде», Ленский объяснил исключение их из руководства партии тем, что они были «польской разновидностью правого уклона», а Кошутская — идеологом группы правых в КПП. Можно признать, что так это и было. Эта группа социалистов-интеллигентов была уже совершенно не органична для коммунистического движения второй половины 20-х годов. И это было четко сформулировано еще в одном, с моей точки зрения, очень важном постановлении 6-го пленума. Это «Решение по вопросу о критической оценке идеологического наследства с-д Польши и Литвы и ППС-Левых». Вот его текст:

«Решение по вопросу о критической оценке идеологического наследства С.Д. Польши и Литвы и ППС-левых.

Основательное выяснение источников ошибок и уклонов от ленинской линии требует критической оценки идеологического наследства С.-Д. Польши и Литвы и ППС-Левых. Констатируя, что в отношении С.Д. Польши и Литвы произведена уже в этой области значительная работа, пленум ЦК поручает редакции «Нового пшеглёнда» продолжать эту работу. Одновременно пленум считает необходимым констатировать, что до сих пор не была начата критическая оценка деятельности ППС-Левых. Ввиду этого пленум поручает редакции «Нового пшеглёнда» провести соответствующую работу». Итак, за полтора года до письма Сталина в журнале «Пролетарская революция» победившие правоверные коммунисты Польши отказываются от своих идейных предшественников, взгляды которых уж, во всяком случае, несовместимы с победившим в СССР и в Коминтерне тоталитаризмом.

После 6-го пленума серьезно заболевшая Кошутская еще пару месяцев оставалась в Германии. Но вернулась и 30 сентября подала в Исполком Коминтерна заявление с просьбой продлить ей отпуск и освободить ее от обязанностей члена ЦК КПП. В той обстановке, которая творилась в Москве, она уже не могла и не хотела работать в ИККИ. Еще некоторое время она немного работала в МОПРе, потом ушла и оттуда. Через год после возвращения из Берлина мышеловка захлопнулась окончательно: в октябре 1930 г. Кошутская была переведена в члены РКП(б).

На жизнь она зарабатывала переводами, обзорами и редакторской работой, главным образом в Институте мирового хозяйства и мировой политики у Варги, прибежище многих отставных коминтерновцев. Продолжала дружить с близкими ей польскими коммунистами, в среде которых аресты начались уже в 1931 году. Так и жили эти шесть лет: ждали, кто следующий, помогали остававшимся семьям арестованных, конечно, очень следили за тем, что происходит в Польше, принимали приезжавших оттуда друзей.

Еще несколько лет в польской партийной прессе и в партийных речах Кошутскую и ее единомышленников ожесточенно лягали. В архиве КПП сохранилось много таких документов. Не раз поминают ее лихом в выступлениях и решениях 7-го пленума ЦК КПП (январь 1930). Особенно рьяно Варского и ее «критикуют» на собрании польской секции ИККИ 10 января 1932 г., посвященном письму Сталина в «Пролетарскую революцию». Варский — сподвижник, единомышленник Розы Люксембург, во время Первой Мировой войны поддержавший Мартова против Ленина, — может ли быть лучшая мишень для нападок? Кошутская — из ППС, т.е. из меньшевиков, как теперь считают и говорят выступающие. Объединение СДПЛ с ППС-Левыми — грубая ошибка, Варский с самого

начала существования компартии Польши пошел под руководством Костшевы против большевизма. Меньшевизм ими так никогда и не был преодолен. Всё это в отсутствие Кошутской и Варского (им уже не обязательно присутствовать, они уже не члены польской секции) в очень грубой форме говорят против них разные люди. И снова мое внимание останавливается на фамилии Скульского, и снова я думаю, что, может быть, такой обвинительный пафос еще на воле облегчал ему потом дачу показаний против них же на следствии. Тем более, что то, что говорят их противники, по существу очень близко к правде: взгляды и политическое поведение Варского и Кошутской, их деятельность, пока они могли осуществлять свои взгляды, действительно гораздо ближе к меньшевизму, чем к большевизму. Еще один исторический парадокс: в течение нескольких лет люди, близкие к меньшевизму, — члены Политбюро и руководители компартии Польши.

По воспоминаниям тех, кто знал Кошутскую в те восемь лет, с 1929 по 1937 г., свойственное ей чувство собственного достоинства и противостояние, теперь уже не идейное, не политическое, а человеческое противостояние обстоятельствам снова стало ей присуще. Эти качества изменили ей только на один — 1928-й — год. До того шесть лет (1922-1928) и после того восемь (1929-1937) они были ей присущи. И вполне проявились и потом — после ее ареста. Документов, это подтверждающих (до следственного дела), у меня нет. Но есть воспоминания, свидетельства друзей и знакомых, собранные Яниной Каспшаковой. Во всяком случае, она не имела отношения к кампании взаимных обвинений и доносов, развернувшейся среди польских коммунистов (как и по всей стране) в обстановке начавшегося террора. На прямо поставленные вопросы она обвиняет в ошибках только себя и никого другого.

Одного за другим арестовывали польских коммунистов, в том числе единомышленников и друзей Кошутской. В начале июля был арестован самый близкий ей человек Павел Левинсон-Лапинский, который умер вскоре после ареста. Ордер на арест жившей в это время в его квартире Кошутской помечен 8-м июля 1937-го. Арестована она была ровно через месяц, 8 августа. И доставлена на Лубянку.

Дальше — следственное дело Костшевой (Кострже́вой) Веры Карловны. Описывать его слишком подробно не буду. С одной стороны, мы уже знаем множество следственных дел, с другой — может быть, когда-то оно будет напечатано. Противостояние Кошутской продолжается — это в деле четко видно.

Дело Кошутской — одно из многочисленных следственных дел по так называемой «Польской Организации Войсковой» (ПОВ) — фальшивке, придуманной НКВД, по которой множество поляков, как постоянно живших в СССР, так и эмигрировавших в него (или обмененных, главным образом, польских коммунистов), были осуждены и расстреляны. На обложке дела Кошутской жирным красным карандашом цифра II — это значит не расстрел (который обозначался цифрой I на обложке дела и в самом деле), а десятилетний срок тюремного заключения.

В деле, как обычно, ордер на арест от 8 июля 1937 г., потом протокол обыска и ареста. Имущества в нем не обозначено, кроме пишущей машинки и фотоаппарата; реквизированы польский и немецкий паспорта и советский заграничный паспорт, такой самый, «серпастый, молоткастый», о котором писал Маяковский и который мне вернули из ФСБ. Пропуска в Кремль и в Коминтерн (я их не видела, думаю, давно устаревшие, как и все паспорта — тот, который я держу в руках, действителен до 11 ноября 1927 г.) Реквизированы «книги, подлежащие изъятию: Бухарина — 22, Зиновьева — 4, К.Радека — 11, Рыкова, Троцкого — 4», и множество документов (74 папки документов, 8 общих тетрадей, 10 записных книжек, две связки писем, 20 фотокарточек). Всё это более или менее обычно.

Но уже в середине протокола на обыск и арест — необычный текст, написанный рукой В.Костшевой. Вот он: «Примечание: среди материалов и документов, изъятых у меня находятся: 1) вещи архивного характера, имеющие историческое значение, 2) строго конспиративные, В.Костшева». Уже давно арестованы Сохацкий (1933), Жарский (1934), Врублевский, совсем недавно — Липский, а она всё еще беспокоится об их общем деле.

Дальше следует «Анкета арестованного» (в графе «специальность» она пишет «публицист»), затем «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», объявленное Костшевой 2/1X-1937 г. В нем: «гр. Костшева Вера Карловна достаточно изобличается в том, что являясь членом шпионско-диверсионной и террористической организации — «Польска организация войскова — (ПОВ)» по заданию этой организации внедрилась в 1918 г. в ряды Компартии Польши и вплоть

до 1929 г. проводила внутри КПП провокационную работу в интересах пилсудчины. С 1929 по 1937 являлась руководящим членом «ПОВ» действовавшей на территории СССР и вела активную шпионско-диверсионную и террористическую работу».

Этим же днем, 2 сентября 1937 г., помечен протокол единственного допроса Костшевой, содержащийся в деле. Сразу скажу: ни одного из предъявленных ей обвинений Кошутская не признала и ни против кого никаких показаний не дала. Чего ей это стоило, можно только догадываться. Косвенным свидетельством, может быть, является изменение вида ее подписи под протоколом этого допроса.

После этого идут многочисленные и многостраничные «доказательства» этого обвинения. Цитируются куски протоколов допросов многих свидетелей о подробностях деятельности ПОВ и о руководящей роли в ней Веры Костшевой. В этих показаниях много поистине детективных выдумок, удивительная смесь из «злокозненной» деятельности Копгутской в польской компартии и ее шпионско-диверсионной работы в ПОВ. Зная, как добивались всех этих показаний, невозможно их даже цитировать. Не хочется называть и лишние имена. Среди них и руководящие деятели КПП, и активисты помельче. Я уже упоминала, что в показаниях Лещинского и Скульского, многолетних идейных противников Костшевой, многократно используются реальные факты истории КПП, в которых они и раньше обвиняли Костшеву (письмо 1923 г. «в защиту Троцкого», позиция ее, Варского, Валецкого во время переворота Пилсудского в мае 1926 г., ее идейные «ошибки»), наряду с более или менее подробными рассказами о ее «пеовяцкой деятельности». Наиболее подробно о «злокозненной», «подрывной» партийной работе Веры говорит Вертинский. Это вообще очень характерная фигура. О нем довольно много известно: малообразованный, не получивший даже среднего образования, профессиональный функционер КПП (в другом качестве никогда нигде не работал), он стал членом ЦК этой партии в 1935 г., побывав до этого членом ЦК КПЗУ, инструктором Коминтерна при ЦК Венгрии, заместителем представителя ЦК КПП при Исполкоме Коминтерна. Одновременно со всей этой деятельностью в разных странах он с сентября 1926 г. был сотрудником ОГПУ СССР, начав с должности помощника начальника отделения в отделе контрразведки. Работал в спецотделе ОГПУ и занимался там поляками до самого ареста. Я читала его автобиографию, хранящуюся в его личном деле отдела кадров ИККИ, написанную им по-польски и по-русски 5 июня 1936 г., когда он был еще вполне благополучен... Это документ нового для меня, да, думаю, и для всех нормальных людей, жанра: автобиография-донос. В ней упоминаются десятки людей, с которыми он работал или встречался в течение своей жизни. Подавляющее большинство из них он обвиняет в ошибках и преступлениях, в том числе, конечно, всех уже арестованных деятелей польской компартии и еще не арестованных, но в 1929 г. отстраненных от работы в КПП руководителей прежнего Политбюро ЦК КПП (Кошутская, Барский, Валецкий). В этой автобиографии он отмечает ряд своих главных заслуг: борьба с антипартийной контрреволюционной группой в КПЗУ (Кленович, Ковальский, Юльский и др.) и другими вредными «группами и группками» в КПП. А также следующее: «Я, будучи членом комиссии по безопасности [ЦК КПП. — *А.Г.*], в октябре 1929 г. поставил перед руководством вопрос о подозрении в провокации Жарского. На основе моих предположений весной 1930 г. было решено Жарского от работы устранить и начать следствие. Мною также были возбуждены подозрения против Воевудского, Сохацкого, Феди-Бея, Млота и против ряда других теперь выявленных провокаторов. С 1929 г. до последнего момента я принимал непосредственное участие в проведении и разборе большинства дел связанных с борьбой против провокации, работая под руководством и в самом тесном контакте с т.т.: Ленским, Бронковским и Прухняком». Вообще в своей автобиографии он много раз клянется в верности установкам и линии генерального секретаря КПП Лещинского, которого посадят в следующем году. И еще одна заслуга: «По поручению ЦК я написал брошюру о провокации ПОВ», т.е. о том самом деле, по которому посадят его самого год спустя.

Самый трагический участник процесса Костшевой — Генрих Лауэр (Бранд), ее единомышленник и друг многих лет, друг до самого ареста. И именно он — единственный, кто давал свои ужасающие показания перед лицом Веры. Все остальные показания — цитаты из протоколов допросов. А с Лауэром, от которого тоже добились предшествующих показаний, у нее была 19 августа 1937 г. очная ставка, во время которой он подтверждал членство Костшевой в ПОВ, ее руководящую роль в ней и их совместную пеовяцкую деятельность.

В допросах Лауэра и очной ставке принимал участие небезызвестный следователь Михаил Кичигин, который перед смертью в лагере (куда он позже попал, как и большинство сотрудников ГБ тех лет) приписывал себе, как рассказывали, авторство в организации «дела ПОВ».

После показаний Лауэра в протоколе очной ставки: «Вопрос Костшеве: Подтверждаете ли вы правильность показаний Лауэра о вашей принадлежности к «ПОВ»? Ответ Костшевой: Не подтверждаю».

Лауэра спрашивают дальше, он снова дает показания, и снова: «Вопрос Костшеве: Вы полностью изобличаетесь в том, что являлись членом «польской организации войсковой (ПОВ)» и вели контрреволюционную работу против СССР в интересах польского фашизма. Предлагаем вам прекратить запирательство и дать исчерпывающие показания обо всей вашей контрреволюционной работе. Ответ: Контрреволюционной работы я никогда не вела и членом ПОВ не являюсь».

Каждый ответ в этом протоколе подписан Лауэром, ни одной подписи Костшевой нет. Объяснение этого в примечании следователя в конце протокола: «От подписи протокола очной ставки обвиняемая Костшева В.К. отказалась, заявив, что ее показания записаны правильно, но она вообще никаких документов подписывать не будет».

Сотр. III Отд. ГУГБ Ст. лейтенант гос. безопасности Фролов Особ. уполн. 3 отд. ГУГБ М.Кичигин».

После этого в деле — «Обвинительное заключение». Потом — «Протокол закрытого судебного заседания военной коллегии Верховного Суда Союза ССР», состоявшегося 2 октября 1937 г. в Москве и продолжавшегося 20 минут: заседание открыто в 13 ч. 40 м., закрыто — в 14 ч. 00 м.

И приговор.

Среди зашитых от меня страниц дела — записка (ее мне показал сотрудник архива ФСБ) о пересылке Веры Костшевой (Кошутской Марии Карловны) в Ярославскую тюрьму, где она умерла, по материалам дела, в 1939 г., по некоторым еще не подтвержденным сведениям — 9 июля 1939 г.

Дальше в следственном деле — реабилитационное дело, начатое 9 марта 1955 г. и завершающееся определением Военной коллегии Верховного Суда СССР 29 апреля 1955 г. о реабилитации. С точки зрения архивиста, это определение любопытно и тем, что оно не напечатано на машинке, а рукописное. В нем более пространно, чем я цитировала в самом начале работы, изложены причины, по которым против Костшевой давались показания, названные «вымышленными».

1.II.1997

Примерно год назад я получила возможность ознакомиться почти одновременно с двумя следственными делами: руководящего члена Политбюро КПП в течение семи лет (1922-1929) Марии Кошутской и майора 2-го отдела (т.е. разведки) польского Генерального штаба Казимежа Шпондровского. Дела людей, казалось бы, полярных друг другу и очень далеких от меня.

Чем больше я вчитывалась в эти дела, тем яснее я понимала, что есть нечто, их объединяющее, несмотря на полное различие их идеологии, их взглядов. Это общее: высокое чувство собственного достоинства и, соответственно, очень мужественное поведение в экстремальных, нечеловеческих обстоятельствах — то, что прежде называлось «благородство» или по-польски «cześć».

Подготовил к печати Петр Мицнер

Это последняя работа скончавшейся в 2000 г. Анны Михайловны Гришиной, основавшей польскую секцию «Мемориала». К сожалению, Анна Михайловна не смогла довести задуманную работу до конца. Поэтому в тексте не хватает некоторой части примечаний. Не удалось также найти копии архивных документов, которые должны были составлять интегральную часть публикации.

П.М.

Игорь Мельников

ВТОРАЯ МИРОВАЯ. ПАТРИОТИЗМ ПО-ПОЛЬСКИ

Вторая Мировая война оставила свой след в истории всех без исключения европейских государств. В Польше, первой стране, оказавшей сопротивление национал-социалистическому Третьему Рейху, стараются чтить и уважать память о тех трагических и героических днях. Впрочем, одно дело — говорить красивые слова на митингах, и другое — заниматься решением реальных задач, направленных на то, чтобы сохранить историческую истину и воспитать у молодого поколения уважение к героическому прошлому своей страны. Не секрет, что современные молодые европейцы редко углубляются в изучение военной истории. События 1939-1945 гг. для многих из них просто не представляют особого интереса. Гораздо больше внимания тамошние тинэйджеры и их старшие сверстники уделяют новым трендам в музыке, поп-культуре, моде. А между тем забывшие прошлое рискуют его повторить. Побывав недавно в Польше, я своими глазами увидел, как там небезразличные люди пытаются сохранить память о той страшной войне и воспитать у молодого поколения уважение к героизму своих предков.

■ Битва

1 сентября для Польши — крайне трагическая и в то же время героическая дата. На этот второй аспект сегодня и пытаются обратить внимание многие польские историки и любители военно-исторической реконструкций. Да, сентябрьская компания была для поляков скоротечной и неудачной, но в череде разгромов и отступлений имеется ряд битв и сражений, исходом которых поляки в полной мере могут гордиться, ибо технически уступавшее противнику Войско Польское умудрялось не только защищаться, но и наносить ощутимый урон гитлеровцам.

К таким сражениям вполне можно отнести и битву под Млавой, городом, оказавшемся в первые дни войны под ударом значительных сил Вермахта, наступавших из Восточной Пруссии. Кстати, для белорусов то сражение тоже может считаться своим: оборону млавского укрепрайона держала 20-я польская пехотная дивизия, которая неофициально считалась «белорусской», так как состояла из полков, набранных в основном из жителей Западной Белоруссии. Доты возле Млавы защищали: 79-й пехотный полк им. Л.Сапеги из Слонима, 78-й стрелковый полк из Барановичей, 80-й полк новогрудских стрелков из Слонима, 20-й полк легкой артиллерии из Пружан и другие «белорусские» части польской армии. По данным польских историков в результате всеобщей мобилизации в составе Войска Польского в августе 1939 г. оказалось более 70 тыс. этнических белорусов, которые с первых дней героически сражались против немцев.

20-й «белорусской» пехотной дивизии польской армии в первые дни войны пришлось противостоять многократно превосходившему ее 1-му армейскому корпусу вермахта в составе 11-й и 61-й пехотных дивизий, а также танкового корпуса «Kempf», наступавших из Восточной Пруссии в направлении Варшавы. В результате четырехдневных боев на млавских позициях немцы потеряли значительное количество техники и живой силы. Впоследствии многие немецкие офицеры в своих мемуарах назовут 20-ю пехотную дивизию Войска Польского «железной».

По инициативе бургомистра Млавы Славомира Ковалевского и при поддержке министерства национальной обороны Польши и фонда «Polonia Militaris» во главе с Павлом Рождественским 27 и 28 августа 2010 г. на историческом поле битвы под Млавой в Унишках-Завадских в третий раз была организована военно-историческая реконструкция событий семидесятилетней давности, в которой приняли участия реконструкторы из Польши и Белоруссии, а также большое количество военной техники тех времен, среди которых безусловно выделяются лучший танк Первой Мировой войны французский «Рено ФТ-17», а также немецкий Т-II, которым, кстати, активно интересуется Голливуд.

Организаторам реконструкции удалось воссоздать неповторимую атмосферу 30-х годов XX века, особый колорит той эпохи, когда из динамиком доносилась песня «Ta ostatnia niedziela» Ежи Петербурского, а Вторая Речь Посполитая доживала свои последние мирные дни. Кроме реконструкторов, воссоздающих военную форму противоборствовавших сторон, во Млаве создана и успешно функционирует группа реконструкторов гражданского костюма.

Скажу честно, оказавшись в Унишках-Завадских в субботу 28 августа 2010 г. и надев форму военнослужащего тогдашней польской армии, я словно перенесся на много десятков лет назад в ту, довоенную Польшу, которая для одних была оплотом демократии на Востоке, для других — злейшим врагом и которая для многих белорусов на двадцать лет стала отчизной.

Главный организатор мероприятия Павел Рождественский в беседе со мной отметил, что реконструкция во Млаве — это не просто красочное театрализованное действо, а масштабный урок истории, прежде всего для молодежи, которая сегодня живет иными ценностями. «Мы здесь, во Млаве, хотим показать, что 70 лет назад белорусы и поляки плечом к плечу, как когда то под Грюнвальдом, приняли на себя первый удар агрессора. Да, политика властей Второй Речи Посполитой по отношению к национальным меньшинствам не отличалась либерализмом, но многие ваши соотечественники несмотря ни на что храбро защищали Польшу. Кроме этого, мы хотим, чтобы молодые поляки, живущие сегодня в объединенной Европе, ни на секунду не забывали о героизме их дедов и прадедов, отдавших жизни за Польшу. Нынешний материализм, присущий молодежи, делает из ее представителей циников, неспособных понимать такие категории, как долг, присяга, героизм, мужество, родина. Наше мероприятие направлено на то, чтобы привить молодым полякам уважение к истории их страны и к героизму наших солдат, которые, не испугавшись гитлеровского «блицкрига» в сентябре 1939-го, мужественно защищали свою страну», — подчеркнул Павел.

Действительно, среди зрителей наблюдавших реконструкцию боев, было очень много молодежи, и для них этот урок истории не пройдет бесследно. А от себя добавлю, что те, кто хоть раз побывал в окопах даже такой «ненастоящей» войны, глубоко прочувствуют и навсегда запомнят то, через какие трудности приходилось проходить их предкам, победившим во Второй Мировой войне.

■ Музей

Безусловно, воспитание уважения к исторической памяти, к подвигу своего народа должно вестись комплексно. Важное место здесь занимает, к примеру, музейное дело. Но как привлечь в музей молодежь? Ответ на этот вопрос знает Якуб Воевода, сотрудник краеведческого музея в Сохачеве. «Экспозиция нашего музея наполнена в основном подлинными предметами. Мой отец, будучи директором музея, с 70-х годов прошлого века занимался поиском раритетов, связанных с историей нашего края. Особый акцент, конечно же, сделан на историю Второй Мировой войны, ведь в сентябре 39-го в наших краях произошла знаменитая битва на Бзуре, в которой польские войска героически сдерживали немецкое наступление», — отметил Якуб.

В музее представлено вооружение, обмундирование, документы польской армии. Почти все предметы найдены на местах боев. Кстати, поиски экспонатов продолжаются. Недавняя экспедиция по местам боев принесла новые находки. В реках найдены польские карабины и винтовки, в земле — каски, войсковое снаряжение, части обмундирования. Жемчужины музейной экспозиции — полковое знамя 59-го пехотного полка Войска Польского, переданное музею местными жителями, ротный миномет образца 1936 г., польское противотанковое ружье «UR» образца 1935 г., пулемет «Максим» образца 1908 г. и многие другие предметы той героической эпохи.

«Кстати, — рассказывает Якуб, — недавно у нас открылась выставка, посвященная уже боям Первой Мировой войны, проходившим в этих местах в 1914-1915 годах. В экспозиции представлено большое количество найденных на местах боев предметов амуниции и вооружения русской и немецкой армий. Кроме того энтузиасты под моим руководством привели в порядок целый ряд немецких и русских военных кладбищ, находящихся в нашем воеводстве».

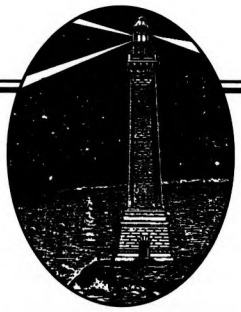
Ознакомившись с экспозицией музея, мы едем на эти восстановленные кладбища. Когда то здесь была непролазная чаща, надгробия и кресты были не ухожены. Теперь три военных кладбища приведены в полный порядок.

На мой вопрос, зачем Якуб и его друзья занимаются этим благородным, но трудным делом, он отвечает просто: любой погибший солдат заслуживает уважения к своей могиле. «Эти люди, русские (а почему именно русские, ведь в составе Русской императорской армии служили представители всех народов многонациональной империи) и немцы, воевали друг против друга, но смерть их объединила. Польша всегда славилась своим уважением к христианским ценностям. Но одно дело говорить, а другое — на деле ухаживать за военными могилами. То, что какие то «отморозки» осквернили военное кладбище в Оссове, на котором покоится прах солдат Красной армии, погибших во время советско-польской войны 1920 г., свидетельствует о том, что нужно активнее проводить работу по воспитанию уважения к военным могилам, и наше государство должно об этом задуматься. Мы хотим, чтобы души погибших воинов покоились с миром. Важно, чтобы это понимала, прежде всего, молодежь, которой не нужно повторять ошибки прошлого», — подчеркнул Якуб.

Думаю, что польский опыт того, как нужно сохранять память о войне, о человеческом героизме, как нужно воспитывать у молодых людей уважение к своей истории, будет полезен и для Белоруссии: у нас столько общего, и на это общее и нужно делать ставку, строя добрососедские отношения.

Варшава — Млава — Сохачев — Минск

Реконструкция битвы под Млавой



Славой Кухарский

СОВПАДЕНИЕ-СИМВОЛ

Юбилеи 50-летия проф. Е.М.Тищенко и 15-летия связей медицинских университетов Познани и Гродно

Для автора статьи эти два юбилея сливаются символически в единое целое. Они неразделимы — таково его мнение. Их общая история началась во Вроцлаве в 1994 г. на съезде Польского общества историков медицины и фармакологии, там наступила стыковка жизненных путей юбиляра, тогдашнего кандидата медицинских наук Евгения Михайловича Тищенко из ГрГМИ и автора этих слов из Познанской медицинской академии. Оба они были участниками съезда, и по их инициативе это стало началом будущего сотрудничества их вузов. Вот почему, отмечая 50-летие со дня рождения белорусского друга, я невольно, но из-за логичных предпосылок вспоминаю о другом юбилее — о 15-летии связей ГрГМИ и ПМА, ныне медицинских университетов. Во Вроцлаве мы задумали начать эти связи с молодежи, с будущих специалистов здравоохранения. Именно они могут стать прочным залогом дружбы на деле и реального сотрудничества. Как продумали во Вроцлаве, так и сделали, возвратившись домой. В 1995 г. был подписан договор между медвузами Познани и Гродно об обмене студенческими группами по клинической практике во время летних каникул.

С тех пор ежегодно в Познань прибывает группа, состоящая из десяти студентов и руководителя-преподавателя, а Гродно навещает такая же группа из Познани. Этот обмен насчитывает уже 15 лет. Легко подсчитать, что около 300 молодых людей побывали в Польше и Белоруссии. Несколько лет тому назад обмен расширился на Витебский медуниверситет ввиду того, что он имеет фармацевтический факультет и такой же факультет имеется в Познани. Итак, партнеров обмена стало уже три: Познань, Гродно и Витебск.

Практика длится один месяц и охватывает не только клинические аптечные занятия, но и ознакомление с историей и культурой, с достопримечательностями городов-хозяев и их окрестностей, а также более отдаленных местностей. Например, гродненские и витебские студенты посещают Гнезно — первую столицу Польши; Курник — замок с музеем и научной библиотекой, а также окружающим парком, известным своими редкими породами деревьев и других растений; Бискупин — с археологическими раскопками, с восстановленным древним поселением; Рогалин — замок с картинной галереей и тысячелетними дубами вблизи замка; Ледницкий остров — неразрывно связанный с первым историческим правителем Польши князем Мечиславом и его сыном наследником Болеславом Храбрым — первым коронованным королем Польши. Можно долго перечислять все познавательные достоинства этих замечательных визитных карточек Польши, с которыми знакомятся белорусские студенты.

В свою очередь студенты из Познани, пребывая в Гродно или Витебске, знакомятся с городом, в котором значительную часть своей жизни провела польская писательница Элиза Ожешко. В этом городе она умерла в 1910 г., и здесь погребены ее останки. В Витебске они посещают места, где жил и творил всемирно известный живописец Марк Шагал — гордость этого города. Студенты совершают поездки на Августовский канал — водный путь, связывающий Польшу и Белоруссию; на озеро Свитезь, прославленное Адамом Мицкевичем; в Заосье, где он родился, в Новогрудок — место его детства и отрочества с костелом, где его крестили, с музеем, ему посвященным. Студенты, пребывающие в Витебске, ездят в древний Полоцк с его храмами и музеями. А сколько достопримечательностей их ожидает в самом Гродно: Старый замок, Новый замок — свидетели великих событий в польской истории, церковь на Коложе — жемчужина православного зодчества, иезуитский костел и много других памятников прошлого.

Подытоживая этот обмен в его 15-летие, можно сказать с уверенностью, что он вполне оправдал себя и никого не подвел: ни инициаторов, ни организаторов, ни непосредственных участников. Принес много полезного студентам Гродно, Познани и Витебска. Вот один, так сказать, «общественный» аспект «двойного» юбилея.

А второй аспект носит сугубо личный характер. Он касается юбиляра, которому исполняется 50 лет. «Личный характер» надо употреблять с оговоркой, ибо проф. Е.М.Тищенко настолько активен в научной, учебной, организационной и общественной деятельности, что невозможно разъединить понятия «личного» и «общественного». Сделав эту оговорку, останавливаюсь на юбиляре более подробно.

Родился он в Гродно 7 декабря 1960 г. в семье военнослужащего Михаила Ивановича Тищенко и его супруги Лилии Михайловны. Окончил с отличием ГрГМИ по специальности «лечебное дело» (1983). Принят на работу на кафедру социальной гигиены и организации здравоохранения в качестве ассистента (1983-1991). Затем стал старшим преподавателем этой кафедры (1991-1995) и доцентом (1995-2002). В 2000 г. был проректором по воспитательной работе. В этом же году ГрГМИ получил статус медицинского университета. Заведовал кафедрой общественного здоровья и здравоохранения (2002-2005). Затем назначен деканом факультета медицинских сестер с высшим образованием.

Научно Е.М.Тищенко постоянно развивался: защитил кандидатскую (1992) и докторскую диссертации (2002). В 2005 г. стал профессором. В 45 лет достиг всех возможных ученых степеней и званий. Можно с полным убеждением сказать, что все успехи юбиляра — результат его трудолюбия и целеустремленности. Вот в чем залог всех его успехов и достижений Нужно добавить, что проф. Е.М.Тищенко — автор герба и флага Гродненского медицинского университета. Он опубликовал около 400 научных работ, в том числе четыре монографии. Он член нескольких зарубежных научных обществ, член редколлегии научных журналов в Белоруссии, Литве, Болгарии. Активно участвует в общественной работе в профсоюзе работников здравоохранения, в обществе Красного креста и других обществах, в том числе научных, среди которых Польское общество историков медицины и фармакологии (с 1997 г.). Можно бы еще долго перечислять примеры многогранной деятельности юбиляра. Дело, однако, не в количестве, а в качестве и уровне выполняемых обязанностей. Они, без исключения, всегда результативны, успешны и пригодны той среде, которой должны служить.

Е.М.Тищенко сделал много полезного для налаживания вышеописанного сотрудничества Познани с Гродно, а потом и Витебском. Это помогает укрепить истинное взаимопонимание и дружбу двух соседних славянских государств на деле, а не на словах.

Нужно заметить, что сотрудничество вузов не сводится лишь к студентам, но охватывает и обмен научными кадрами. Научные сотрудники посещают клиники и кафедры обоих научно-учебных заведений, участвуют в научных мероприятиях, таких как съезды, конференции, симпозиумы, юбилеи трех медицинских университетов: Познанского, Гродненского и Витебского.

Итак, Евгений Михайлович: «Sto lat!». Многая лета Вам, достопочтенный Юбиляр!

Из книги: Проблемы общественного здравохранения, сестринского дела и истории медицины. Материалы научной конференции. Гродно, ГрГМУ 2010.

ПРЕЖДЕ НИКТО ОТКРЫТО НЕ ПРИЗНАВАЛСЯ В ПОЛЬСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ...

Беседа с Лилией Шишко, председателем петербургского Союза поляков им. епископа Антония Малецкого

— Ваш союз существует уже почти двадцать лет...

— Он возник на самом деле в 1991 г., но зарегистрировали нас в 1992-м. Я стала его членом практически с самого начала его существования, а председательствую в нем около четырех лет. Моя мать Регина Шишко была одним из основателей нашей организации.

Союз поляков в Санкт-Петербурге был создан в годы перестройки — как и многие другие организации национальностей, представители которых живут в нашем городе. В прежние времена это было совершенно невозможно.

— Какова была главная цель вашей организации?

— Мы создавали союз, чтобы объединить петербургских поляков. В нашу организацию наряду с поляками мы принимаем и лиц польского происхождения, которым совершенно не обязательно это доказывать. Им достаточно рассказать историю своей жизни на заседании комиссии, принимающей новых членов.

С самого начала существования нашего союза нас поддерживала Польша. Мы получали от нее духовную и материальную поддержку. Наших детей приглашали в Польшу на летние каникулы, а молодежь — учиться в польских вузах. Эта помощь в то время значила для нас очень много.

Нас тогда объединяла сама возможность встретиться, эти совместные встречи мы, пользуясь гостеприимством польского консульства, устраивали в их помещениях. Особенно добрую память оставил своей сердечностью и доброжелательностью по отношению к нам теперь уже покойный консул Здислав Новицкий.

— Откуда родом члены вашего союза?

— Сегодня в союз входят поляки и потомки поляков, приехавших в Петербург из разных мест и поселившихся тут в разные периоды истории. Среди нас есть соотечественники, чьи предки переселились на берега Невы еще в XIX веке, при этом на протяжении многих лет они сохраняли сознание своей принадлежности к польской нации, польский язык и обычаи. Большую роль в сохранении польского духа сыграла и по-прежнему продолжает играть католическая Церковь.

Очередную волну поляков, оказавшихся в Петербурге, формировали те, кто приехал сюда после окончания II Мировой войны из Белоруссии, Украины, Сибири, приезжали и студенты из Польши, которые затем, получив профессию, навсегда осели в России. Есть среди нас и несколько смешанных польско-русских семей. Так сегодня выглядит Союз поляков.

— Каковы же новые главные цели, которые вы сегодня ставите перед собой?

— Сегодня наша важнейшая задачей — обучение польскому языку. Мы совершенствуем методы работы с людьми, чтобы помочь им возродить забытые в их среде давние польские обычаи и традиции. Мы также стараемся, в меру наших скромных возможностей, знакомить их с польским фольклором.

На протяжении первых лет нашего существования нам не хватало самого разного рода учебников. Теперь учебников у нас значительно больше, но по-прежнему их не столько, сколько нам было бы нужно.

Сегодня у нас уже есть несколько учителей из собственной среды. Большинство из них обладает знанием польского языка, полученным в семье, вдобавок они прошли соответствующую подготовку на курсах, организованных в Польше специально для учителей, преподающих в польской диаспоре.

Один из учителей окончил отделение польской филологии. Мы проводим встречи и осуществляем нашу деятельность в союзе уже после своей основной работы.

— Вот уже несколько лет, как петербургский Союз поляков получил своего небесного покровителя...

— Именем епископа Антония Малецкого мы назвали наш союз десять с лишним лет назад, в тот период, когда стремились обрести свое национальное самосознание. Большую роль в этом деле сыграл ныне покойный Леон Пискорский, который, представив эту благородную личность, помог нам сделать свой выбор.

Антоний Малецкий родился в Петербурге в 1861 году. Во время ученья в институте, где он учился на военного инженера, он понял свое призвание и в 1879 г. поступил в духовную семинарию. Его первым приходом стал Витебск, потом был кафедральный собор в Минске, где за то, что он защищал права католической Церкви, его приговорили к ссылке в Сибирь на 10 лет.

Спустя три года после освобождения из ссылки он был направлен на работу в приход св. Станислава в Петербурге. Здесь в 1896 г. при финансовой поддержке инженера Кербедзя он открыл первый приют для мальчиков, который вскоре преобразовал в ремесленную школу для своих воспитанников. В 1918 г. под опекой свящ. А.Малецкого находилось почти 400 детей из бедных семей. К сожалению, сразу же после октябрьского переворота приют и школу большевицкие власти закрыли.

В Советской России о. Антоний в 1921 г. стал ректором подпольной духовной семинарии, а через два года, в марте 1923-го, его вместе с группой католических священнослужителей арестовали и приговорили к трем годам тюрьмы.

После отбытия тюремного заключения он был назначен генеральным викарием Могилевской архиепархии, а в 1926 г. тайно возведен в сан епископа и назначен апостольским администратором в тогдашнем Ленинграде. В тот период его постоянно третировали власти, проводя частые обыски и устраивая провокации, его неоднократно вызывали в советские органы и всячески унижали.

В очередной раз епископа Малецкого арестовали в возрасте 70 лет, в ноябре 1930 г., и после мучительного следствия приговорили к 10 годам ссылки в Сибирь. На сей раз наказание он отбывал в Бурятии, в очень тяжелых условиях. Благодаря усилиям польского правительства и Епископата Польши епископ Малецкий, потерявший здоровье, после четырех лет ссылки вернулся в 1934 г. в Польшу, где менее чем через год умер от истощения.

— Насколько его образ служит вам поддержкой в повседневной работе?

— К сожалению, сегодня люди уже не столь открыты, как прежде. Всё труднее найти человека, готового самоотверженно трудиться ради других, как это делал епископ Антоний Малецкий. Сегодня люди более замкнуты. В больших городах мы словно отделены друг от друга стеклянной стеной. Люди вроде бы видят друг друга, но слышат уже не всегда. Нет уже и речи о той близости между людьми, как это было прежде. Так что мы стараемся снять эти барьеры. Членам нашего союза мы даем возможность выплакаться иногда и высказаться по поводу всех проблем, которыми они озабочены в своей повседневной жизни.

Учредителями нашего союза были люди старшего возраста, потерявшие родину. Ибо большинство из них родилось в Польше до 1939 года. Каждый из них хотел бы рассказать о своей семье и ее судьбе: где кто родился, где рос и где кого потерял, — так, чтобы его выслушали. На такие темы человеку не с кем и негде поговорить, кроме как у нас в союзе. Никого в этом городе это особенно не интересует.

При этом надо помнить, что очень долгие годы разговоры на подобные темы строго запрещались. Даже в своей семье люди боялись говорить об этом вслух. Так что исходя из соображений безопасности никто не хотел открыто признаваться в своем польском происхождении. Наши соотечественники не отрекались от своего происхождения, но в паспорта им вписывали национальность: белорус, украинец или русский. Прежде обо всём этом можно было говорить только при закрытых дверях.

Сейчас в Союзе поляков около 300 человек — только совершеннолетние.

— Чем еще сегодня занимается ваш союз?

— Мы всем помогаем, чем только можем. Иногда бываем посредниками между нашими соотечественниками и польским консульством, куда по-прежнему некоторые люди боятся приходить лично. Так что мы всем, кто хочет, помогаем, переводим документы и посредничаем.

Также мы организуем встречи для членов союза. Наконец, организуем поездки в Польшу и сотрудничаем с ассоциацией «Вспульнота Польска» («Польская община»). Для нас очень важно, что люди хотят ездить в Польшу и проводить там свой отпуск.

Чрезвычайно важна для нас и тема, связанная с поляками в Петербурге. Мы стремимся знакомить людей с историей, популяризировать деятельность наших соотечественников, которые жили, работали и творили в нашем городе. Ведь поляки участвовали в создании этого прекрасного города. В Петербурге жили и творили поляки — архитекторы и художники. Многие поляки работали также на железной дороге. Однако мы должны это делать очень корректно, чтобы никого не обижать и не раздражать, но при этом так, чтобы о нашем вкладе в строительство этого замечательного города никто не забывал.

Недавно здесь состоялся показ фильма Анджея Вайды «Катынь». После показа мы провели спокойную дискуссию. Только такая форма беседы может помочь в достижении какой-либо цели. Размахивая саблей, вряд ли чего-то добьешься.

Мы также сотрудничаем со многими петербургскими музеями, в которых проходят выставки, посвященные Польше.

С недавнего времени мы встречаемся и с городскими властями, которые учредили Дом национальностей. Прежде здесь существовал и действовал на протяжении многих лет Дом национальных культур, который объединял под своей крышей многие национальные организации, давая им возможность официально зарегистрироваться. Мы также воспользовались этим, получив официальную регистрацию и возможность существовать и работать официально. Жаль, что эта организация в настоящее время пришла в упадок, а на смену ей возникла новая, в некотором смысле конкурирующая, которой стал сегодня Дом национальностей. Этот новый Дом национальностей, существующий официально при городской администрации, организует многочисленные конференции, выставки и встречи. У городской администрации на его деятельность есть соответствующие средства. Из этих средств могут также получать финансовую поддержку различные национальные группы, которые осуществляют свою деятельность в Петербурге. Однако надо знать, каким образом и когда к ним следует обращаться, чтобы получить финансовую поддержку на конкретную цель.

Дом национальностей предоставляет нам также зал для репетиций нашего хора и нашего фольклорного коллектива. Мы бесплатно пользуемся их помещениями для проведения праздников Рождества, Пасхи и Дня независимости. У нас, в Доме Польском, мы не располагаем достаточно большими помещениями.

— Кто еще вам помогает?

— Польская сторона помогает нам давно и во всем, она всегда помнит о нас. Здесь, в Петербурге, к нам с величайшей доброжелательностью относится и помогает консульство. Когда заболевает кто-то из членов нашего союза, мы обращаемся к ним за пособием для больного. Именно в польском консульстве располагался на первых порах наш союз. Здесь нам предоставлялись залы для проведения встреч наших членов. Здесь мы всегда чувствовали себя так, словно находимся в Польше.

Нам помогает также ассоциация «Вспульнота Польска», через нее мы вносим предложения относительно различных проектов, а ее воеводские отделения приглашают нас к участию в совместных региональных проектах. Это касается, в частности, отделений в Белостоке, Кракове и Познани.

Наконец мы сотрудничаем с харцерами в Польше и с властями городов — например, города Срода-Велькопольска.

— А какую помощь, кроме Дома национальностей, вы получаете от российской стороны?

— Раньше здесь еще работал Дом Дружбы. И этот Дом в советские времена выполнял очень важную функцию. Конечно, он был политическим учреждением, но так или иначе с его помощью мы могли устанавливать международные контакты. В то время устраивалось много конференций, концертов, наконец, организовывались так называемые поезда дружбы.

— В Петербурге существует и действует несколько полонийных организаций. Не лучше было бы создать единую сильную организацию, представляющую всех поляков?

— Кто знает, что было бы лучше? В настоящее время у нас тут есть Дом Польский — то место, где могут собираться все местные поляки: и те, что объединены в организации, и те, что ни в какие организации не входят. В Доме Польском наши организации располагают своим помещением для офиса.

— Означает ли это, что польские организации в Петербурге тесно сотрудничают друг с другом?

— Наш союз возник, когда распалась организация «Полония». Причиной этому послужили какие-то проблемы и конфликты. Наши организации по-разному понимали проблему принадлежности к польской нации, как и сотрудничества с организациями в Польше. Сейчас между нами тоже есть некоторые различия, но это касается только мелочей. В конце концов мы совместно участвуем в подготовке государственных, национальных и церковных праздников.

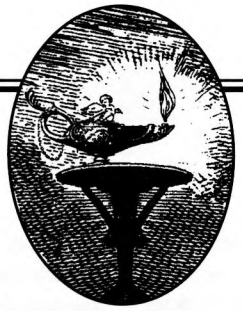
Полонийных организаций в Петербурге должно быть гораздо больше, чем две, — столько, сколько районов в городе. Чтобы людям, которые ходят на собрания, было ближе добираться. Сегодня многим доехать до Дома Польского в центре города довольно трудно. Часто им приходится тратить до полутора часов на путешествие только в одну сторону. Поэтому выезд на собрания, особенно у пожилых людей, превращается в настоящую экспедицию.

— Вы работаете в Союзе поляков уже много лет. Как вы пришли сюда и почему?

— По образованию я инженер технических систем. Моя профессиональная карьера складывалась не просто. Мне как польке, к сожалению, не предлагали хороших условий работы, и теперь я, честно скажу, очень этому рада. Моя карьера инженера закончилась довольно скоро. Потом появились дети, и я начала работать в школе. Я стала учителем физики. Была также замдиректора по воспитательной работе. И все это время я учила польский язык. Больше того, я занималась мемуарами, судьбами поляков в Петербурге и, наконец, теми темами, которые связаны с обращением к Богу и поисками пути человека к Богу. Сегодня об этом надо говорить громко, ибо Церковь сделала в этом смысле очень много для нас, поляков.

Моя мама была одним из основателей нашего союза. Так что я попала сюда в некотором смысле благодаря ей. Таких людей, как моя мама, в Союзе поляков работало и по-прежнему работает очень много. Стоило бы посвятить их памяти и их деятельности на благо сохранения нашими соотечественниками польского духа больше времени и места и, может быть, заняться изданием их воспоминаний.

Беседу вел Лешек Вонтрубский



Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» В прошлом году фестиваль «Варшавские театральные встречи» был отменен в последнюю минуту из-за траура в связи со смоленской катастрофой. Поэтому у мероприятия нынешнего года двойная нумерация — [30]/31. Показ серьезных, вдохновляющих и вызывающих споры представлений проходил с 1 по 15 апреля. В основной афише — 12 спектаклей, в том числе те, которые не удалось показать в прошлом году. Среди них «Трилогия» по Генрику Сенкевичу в постановке Яна Кляты (Старый театр, Краков) и «Каспар» Барбары Высоцкой, поставленный во вроцлавском Современном («Вспулчесном») театре.

Из новых спектаклей отметим австрийский «полоникум» «Бруно Шульц: Мессия» Михала Задары из венского «Шаушпильхауса». Гданьский театр «Выбжеже» привез «Сумерки богов» в постановке Гжегожа Вишневского, Музыкальный театр имени Бадушковой из Гдыни — джазовую версию «Куклы» Пруса, режиссер Войцех Костельняк, а быдгощский Польский театр — спектакль «Вавилон» по Эльфриде Елинек в постановке Майи Клечевской. «Волоколамское шоссе» Хайнера Мюллера — это еще одна режиссерская работа Барбары Высоцкой из вроцлавского Современного. Основную программу фестиваля дополнили спектакли «Ивонна, принцесса Бургундская» Мариана Пецки из опольского Театра куклы и актера имени Алоиза Смольки, «Сочинение о Матери и Родине» из щецинского Современного театра в постановке Мартина Либера, а также «Гротовский — попытка возвращения» Томаша Родовича в исполнении лодзинской труппы «Хореа». Варшавские театральные встречи организованы Театральным институтом имени Збигнева Рошевского, а финансировались городским правительством Варшавы и министерством культуры и национального наследия.

» О том, насколько значительное место на культурной карте страны занимает варшавский смотр, рассказывает только что изданная книга «30 раз ВТВ. Варшавские театральные встречи. 1965-2010». Во вступлении к ней говорится: «Когда в 1965 г. были организованы Варшавские театральные встречи, никто из инициаторов не представлял себе, что на свет появился один из самых прочных и важных институтов театральной жизни Польши. Варшавские встречи очень быстро из еще одного фестиваля стали именно институцией: формировали иерархии, строили карьеры, прославляли или развенчивали, создавали моды. Они не только показывали состояние театра, но создавали, вдохновляли его. У них была и есть своя публика. Они воспитали несколько поколений варшавской интеллигенции. Создали особую, и немалочисленную, театральную среду. В течение многих лет это был лучше всех организованный польский театральный фестиваль.

Встречи пережили много перемен — концептуальных, идейно-художественных, организационных, — но одно неизменно: они были и до сих пор стремятся быть главным польским фестивалем. Когда они не проводились — размывались критерии оценок, исчезала шкала сравнений, не хватало точки отсчета, поля столкновения эстетик, позиций, сопоставления достижений и потерь. Уже нет в живых двух людей, в течение многих лет ключевых для ВТВ, — Мечислава Маршицкого и Ежи Кёнига. Однако многое после них осталось, и еще о многом можно сегодня написать. Показать перемены. Показать новое».

» 9 апреля в люблинском Театре имени Юлиуша Остервы Кшиштоф Бабицкий показал спектакль по новой пьесе Павла Хюлле под названием «Закрылись глаза Земли», основанной на нашумевшем несколько лет назад деле монахинь ордена сестер семейства Вифании в Казимеже-Дольном, старинном городке неподалеку от Люблина. В 2005 г. стало известно, что в обители проживал священник, дело дошло до сексуальных домогательств к монахиням. Ватикан отозвал настоятельницу, которая заявляла, что ей является сам Святой Дух.

Монахини подняли бунт против этого решения и забаррикадировались в помещении. Дело закончилось исключением монахинь из ордена и их выдворением из здания.

В драме Хюлле переплетаются два сюжета: современный и межвоенный. Вилла Лопушанка (после войны в ней разместились монахини ордена) до войны принадлежала Хелене Лопусской, эксцентричной даме, которая проводила спиритические сеансы. Говорят, ее салон навестил как-то сам маршал Пилсудский. В свою драму Хюлле включил фигуру ясновидящей, прототипом которой стала Лопусская. Она принимает у себя польских офицеров, направляющихся на маневры как раз перед началом второй мировой войны. Как пишет в «Газете выборчей» Иоанна Деркачев, «мужчины с карикатурным пафосом рассказывают о своих давних победах «с маршалом» и, чем больше пьют, тем смелее поносят немцев и большевиков. И с тем большим пренебрежением поминают «капеллу жидков». А в итоге? — В пьесе «Закрылись глаза Земли» польская Кассандра видит, что пьяные офицеры умрут в Катыни, а автор, Павел Хюлле, — что их худшие пороки, включая антисемитизм и презрение к женщине, унаследуют духовные сыновья «польских рыцарей». А казалось, что будет о взбунтовавшихся монахинях из Казимежа...»

» В середине апреля в постиндустриальном пространстве зала варшавской Высшей школы социальной психологии труппа театра «Provisorium» из Люблина показала «Братьев Карамазовых» в постановке Януша Опрынского (текст в переводе профессора Цезария Водзинского). Спектакль вновь обращается к духовным проблемам русских людей XIX века — проблемам, волнующим очередные поколения интеллигенции.

«Мы возвращаемся к тексту сегодня, в XXI веке, осознавая трудности, которые нас ждут, — чтобы этот тип вопросов, самые знаменитые метафизические диалоги, разместить в современности, столкнуть эту действительность Достоевского с жесткой действительностью нынешнего дня, — заявляют создатели спектакля. — Мы хотим как-то пробудить «Братьев Карамазовых», то есть юродивых, святых безумцев, святых идиотов, чтобы они заставили нас раскрыть нашу духовность».

Премьера в Люблине назначена на 3 июня 2011 года.

» Театр «Полония» обратился к Чехову. 15 апреля там состоялась премьера представления под названием «32 обморока» в постановке Анджея Домалика. Спектакль составили три сценических шутки Чехова: «Медведь», «Предложение» и «Закулисная история». Играют три выдающихся актера: Кристина Янда, Игнаций Гоголевский, Ежи Штур и... три стула. Получилась повесть о театре, актерах и сценической традиции.

— Это своеобразный бенефис Ежи Штура, потому что он ведет интригу и задает колорит этим трем сценическим действам, — говорит директор театра «Полония» Кристина Янда. — Кроме того, в нынешнем году 40 лет работы Ежи в театре. Он дебютировал сорок лет назад, на радость всем нам.

— Чехов ставит кривое зеркало перед своими героями, часто пользуется карикатурным штрихом, приклеивает им гоголевские «носы», — говорит режиссер Анджей Домалик. — Но прежде всего шутит и велит нам громко смеяться. Это типичное предложение, от которого нельзя отказаться. Актерский состав вызывает трепет.

— То, что мы делаем, это игра в театр, — добавляет юбиляр Ежи Штур. — И эту игру мы хотим показать людям.

» В гданьском театре «Выбжеже» прошла премьера «Пана Тадеуша» по поэме Адама Мицкевича. Режиссер театра, Ярослав Тумидайский (1980 г. р.), предлагает критическую дискуссию о народе. Вслед за Мицкевичем он представляет нашу страну как место перманентного конфликта и неустанных распрей.

«Польская шляхетская усадьба — это место прекрасное и волнующее только снаружи. Внутри же темно от зависти, эгоизма, провинциализма. Там нет места для еврея Янкеля или русского Рыкова. Это место, где мы, поляки, чувствуя враждебность внешнего окружения, воюем за закрытыми дверями сами с собой», — пишет Якуб Рошковский в «Выбжеже».

— Это не спокойное повествование об идеализированном мире детства, а настоящая повесть о конфликте, — говорит режиссер представления. — Мотор, который движет этот мир, — распря. Обо всем: о замке, о борзых, о Зосе. Я в этом вижу явные параллели с польской современностью. Наше общественное пространство — это пространство конфликта.

«Главный герой спектакля Тумидайского — это не Яцек Соплица, не романтический юноша Тадеуш, — пишет Малгожата Кляманн на портале «Trojmiasto.pl», — а общность мужчин, поляков, отягощенных дурным историческим наследием, которые, возможно, только тем разнятся между собой, что один хуже другого. На сцене мы два часа наблюдаем, как бередятся раны национального конфликта».

В спектакле о польско-польской войне 11 мужских ролей и только одна женская — Зоси, хотя это не совсем роль: Зося — «скорее фигура, выполняющая функции хора, комментатора». Телимена вообще исключена.

» А вот Телимена из кинофильма «Пан Тадеуш» Анджея Вайды, Гражина Шаполовская, потеряла работу в Национальном («Народовом») театре в Варшаве. Директор Ян Энглерт дисциплинарно уволил ее, после того как в апрельский субботний вечер актриса не появилась в театре, и пришлось отменять «Танго» Славомира Мрожека. Шаполовская в это время участвовала в качестве члена жюри в прямой телевизионной трансляции музыкального шоу «Битва голосов».

— Это беспрецедентное дело в послевоенной истории польского театра. На моей памяти никто не ставил коллег и публику в такое положение. Это не соответствует принципам актерской этики, — заявил Ян Энглерт.

— Если штатная актриса выбирает телевидение, а не спектакль в театре, значит, она сама сделала выбор, и директору не остается ничего другого, как расторгнуть контракт, —комментировал инцидент Миколай Грабовский, директор краковского Старого театра.

Гражина Шаполовская чувствует себя, однако, обиженной и заявляет, что обратится в суд.

» На экраны польских кинотеатров в апреле вышел фильм «Аттестат зрелости-1947», поставленный Янушем Маевским и основанный на его же одноименном автобиографическом романе. В фильме показаны довоенные и послевоенные судьбы семьи львовских интеллигентов глазами подрастающего мальчика. Конрад Ежи Зарембский на портале «Culture.pl» пишет: ««Аттестат зрелости-1947» Маевского — это традиционный, чтобы не сказать классический, фильм-инициация. Семнадцатилетний Людвик Ташке вместе с родителями и младшей сестрой прибывает репатриационным эшелоном из Львова в Краков весной 1945 года. Парнишка восхищен городом, который до этого знал только по почтовым маркам (...) А когда двумя годами позже он сдает выпускные гимназические экзамены на аттестат зрелости, это уже другой человек — возможно, еще не до конца зрелый, но осознающий репрессивность системы, в которой ему пришлось жить».

В этом подчеркнуто старомодном фильме очаровывает элегантность, здесь есть и крупица назидательности, и большая доза ностальгии — как по годам молодости, так и по типу кино, которое ранее создавал Маевский. Актерский состав — прекрасный, даже в эпизодах. Старому мастеру не отказал даже Марек Кондрат, который официально оставил актерскую карьеру.

На Фестивале польских художественных фильмов в Гдыне в 2010 г. Януш Маевский получил за «Аттестат зрелости 1947» специальную премию жюри, фильм также удостоен наград на фестивалях «Regiofun» в Катовице и на «Провинциалиях» во Вжесне.

» До сих пор не ясна дальнейшая судьба «Польской Сибириады», поставленной Янушем Заорским, режиссером «Боденского озера» и «Матери королей». Это основанная на романе Збигнева Домино киноповесть о судьбах жителей маленькой деревни на восточной окраине довоенной Польши, которые в 1940 г. были вывезены НКВД в советские лагеря. Заорский многократно подчеркивал, что «Сибириада» — главный вызов его творческой жизни. Натурные съемки в Сибири, десятки актеров и статистов, эпический размах. Режиссер хотел снять этот фильм и по личным причинам: его собственную семью тоже затронули депортации в Сибирь. Заорскому предложил сотрудничество кинопродюсер Мирослав Словинский. Съемки фильма начались год назад, была получена солидная дотация от Государственного института киноискусства, но продюсер не рассчитался с кредитом. Актерам не платит, на звонки не отвечает. Запахло скандалом. Премьера «Польской Сибириады», запланированная на второе полугодие, перенесена уже на февраль 2012 года. Если фильм вообще будет завершен.

» 15-й Пасхальный фестиваль Людвига ван Бетховена открылся в Варшаве исполнением второй симфонии «Воскресение» Густава Малера. Оркестром Национальной филармонии дирижировал Антоний Вит, солистками были Микаэла Кауне (сопрано) и Екатерина Семенчук (меццо-сопрано). Событием нынешнего фестиваля стали «Мария Падилла», малоизвестная опера Доницетти, в концертном исполнении, а также исполнение обеих «Страстей» Иоганна Себастьяна Баха и «Страстей» Кшиштофа Пендерецкого. 15-й Бетховенский фестиваль проходил под девизом «Бетховен и вечная женственность». В программе симфонических концертов прозвучали, разумеется, произведения Бетховена, но были также учтены две даты, которые в этом году отмечает музыкальный мир: 200-летие Ференца Листа и 100-летие со дня смерти Густава Малера.

» Труппа варшавского Большого театра — Национальной оперы показала 17 апреля очередную премьеру — «Турандот» Джакомо Пуччини в постановке Мариуша Трелинского со сценографией Бориса Кудлички. Спектакль, идущий на итальянском языке с польскими титрами, — это совместная продукция с «Театро Комунале ди Болонья». В двух составах исполнителей в заглавных партиях заняты Франческа Патане и Лилла Ли. В апреле оркестром, хором и солистами управляет итальянский дирижер Карло Монтанаро, в мае — Тадеуш Козловский.

» Уже известна финальная пятерка книг, выдвинутых на премию имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж 2010 года. Среди них одна польская, «Тост за предков» Войцеха Гурецкого — очерки об Азербайджане, Грузии и Армении, трех странах, лежащих на стыке культур, входивших в состав Советского Союза, а теперь мучительно отстраивающих свою самобытность.

В «пятерку» вошла и Светлана Алексиевич, пишущая по-русски белорусская писательница, которая в книге «У войны не женское лицо» рассказала о советских женщинах — солдатах Второй Мировой войны. В числе финалистов также «Уроки китайского. Дети культурной революции и сегодняшний Китай» Джона Помфрета, «Улыбка Пол Пота» Петера Фрёберга Идлинга и «Высокий. Смерти Камерона Думаджи» Хлои Хоппер.

Лауреата премии жюри объявит 13 мая. Победитель получит 50 тыс. злотых, а если им станет зарубежный автор, премию в 15 тысяч злотых получит также переводчик книги.

Прощания

» 3 апреля в Брюсселе умер Мариан Панковский, писатель, считающийся последовательным разрушителем польских национальных мифов. Прожил он 92 года. Родился в Саноке. Принимал участие в сентябрьской кампании 1939 года, три года был узником концлагерей — Освенцима, Гросс-Розена и Берген-Бельзена. После войны поселился в Бельгии, где окончил отделение славистики и работал преподавателем современной польской литературы в Брюссельском университете. В 1953-1959 постоянно печатал рецензии в парижской «Культуре». В 1946 г. выпустил свой первый сборник стихов «Помпейские песни». Со временем занялся прозой и драматургией. В 1959 г. издал роман «Матуга идет. Приключения», который считается его творческим кредо. Писатель открещивается в нем от традиций эмигрантской прозы и обращается к народной культуре, польским хроникам эпохи барокко и литературе о шутах. Серьезные споры вызвали его произведения, касающиеся периода войны и оккупации, — демонстративно антимартирологческие «Театр при святом борще», «Моя роттенфюрер СС Иоганна», «Рудольф».

В последние годы Панковский издал книги «Бал вдов и вдовцов», «Была еврейка, нет еврейки», «Неволя и доля Адама Порембы», «Плот нас ждет». Дважды выдвигался на литературную премию «Нике». В 2008 г. за «Последний слет ангелов» ему была присуждена литературная премия Гдыни.

» 10 апреля во Вроцлаве умер Эугениуш Гет Станкевич, один из самых оригинальных современных польских графиков. Ему было 69 лет. Автор многих хэппенингов и разнообразнейших художественных акций, человек свободной мысли, он жил и творил в Доме гравера на вроцлавской Рыночной площади. Он был одним из творцов успеха вроцлавской школы плаката, автором театральных и других плакатов, часто с элементами автопортрета. Занимался также живописью и рисункам. Родом он был из Ошмян в Белоруссии.

Эугениуш Соболь

РОССИЯ И УКРАИНА НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛОВ

Проблематика, связанная с Восточной Европой, всё чаще появляется в польских периодических изданиях, посвященных культуре. Я хотел бы обратить внимание на «русский» номер вроцлавского журнала «Рита Баум» (2010, №17), а также на «православный» (2010, №7-9) и «украинский» (2010, №10-12) номера лодзинского журнала «Тигель культуры». Признаюсь, знакомство с текстами, посвященными России и опубликованными на страницах журнала «Рита Баум», произвело на меня большое впечатление. Во-первых, всё новое в культуре нашего восточного соседа представлено здесь весьма любопытно, в междисциплинарном контексте. Во-вторых, редакторы журнала поставили перед собой смелую задачу — разрушить стереотипы, обременяющие польско-русские отношения, и, надо признать, эта их попытка увенчалась успехом. Блок «русских» текстов вроцлавского журнала открывается очерком Агнешки Клос «Вновь на перепутье», посвященным социальному анализу жизни русских евреев в Израиле. Автор обнаруживает, что они так глубоко укоренились в русской культуре, что большинство из них не желает ассимилироваться в новой стране. Они основали собственную политическую партию, создали свое телевидение и театры, выпускают газеты на русском языке. Весьма любопытен текст Анны Юшкевич «Wild, wild East» — о творчестве русских писательниц, работающих в детективном жанре. Автор занялась прежде всего творчеством Александры Марининой, Дарьи Донцовой и Татьяны Поляковой. Сравнивая их с весьма популярными сегодня у читателей скандинавскими детективами, она приходит к выводу, что важнейшая черта российского детектива заключается в том, что здесь показаны весьма тесные связи власти с преступным миром и гегемония денег. В сильных женщинах с детективными наклонностями — героинях этих романов, русские читательницы очень часто распознают свой мир и свои проблемы. Поэтому эти книги пользуются столь большой популярностью, в том числе и в Польше.

Но, по моему мнению, самыми интересными во всём номере следует признать два эссе Кшиштофа Копки: «Польша, Россия и литературное сотворчество» и «Сибирские беседы при ясной луне», — посвященные борьбе со стереотипами. В первом из них автор замечает, что вопросы, связанные с литературой, всегда играли важную роль в польско-русских отношениях. Так, в 1650 г., когда ко двору Яна Казимира прибыли русские дипломаты, они потребовали смертной казни для польских поэтов того времени, которые в своих произведениях «оскорбляли» честь русских. Автор прослеживает также антипольские сюжеты в творчестве Пушкина и Гоголя и обращает внимание на тот факт, что повесть Гоголя «Тарас Бульба», написанная в 1835 г., была опубликована в Польше только в 2001 году (!)*. Хотя в этом перечне имен почему-то отсутствует Достоевский, в произведениях которого постоянно встречаются полонофобские мотивы. Автор завершает свой текст оптимистическим утверждением, что польско-русский литературный обмен сегодня может развиваться свободно, ибо теперь на нас больше не давит идейно-политический подтекст. Второй очерк Копки посвящен восприятию его пьесы «Я жгу Россию! Повесть сибирская». Пьеса, разоблачающая национальные мифы и написанная в стиле Гомбровича, вызвала широкую дискуссию в России, где она уже была показана. Она вызвала интерес у российских зрителей и возмущение местной Полонии.

* Небольшое уточнение: «Уже более полутораста лет польские читатели и зрители знают Николая Васильевича Гоголя прежде всего как автора «Ревизора» и «Мертвых душ», несколько меньше, но знают его пьесы «Женитьба» или «Игроки» и прекрасные повести, в первую голову «Шинель». Но лишь те, кто владел русским языком, имели возможность познакомиться с его исторической повестью «Тарас Бульба». Правда, ее **польский перевод вышел еще в 1850 г., но с тех пор ни разу не переиздавался.** Он принадлежал перу некоего Петра Гловацкого, народного учителя из Галиции, умершего в 1853 году. «Тарас Бульба, запорожский роман» (так переводчик озаглавил свой труд) вышел в свет во Львове. **Ни в одной польской библиотеке это издание отыскать не удалось**». Януш Тазбир. «Тарас Бульба» — наконец по-польски // Новая Польша. 2002. №5. — *Ред.*

Этот блок текстов вроцлавского журнала завершает статья Александры Лаговской «Свобода Равенство Упячка. Упячка следит за тобой», которую она посвятила функционированию российской молодежной субкультуры в интернете, сосредоточенной вокруг сайтов upyachka.ru и lurkmore.ru. Свой бунт против действительности интернавты выражают путем сознательного искажения языка и активного использования сленга. Они сражаются с ней при помощи так называемых «фотожаб», то есть, используя программу «фотошоп», приклеивают лица политиков к сомнительного толка картинкам. Они предпринимают также хакерские атаки на те сайты, которые сочтут враждебными.

«Прикосновение православия» — такое название получил №7-9 выходящего в Лодзи ежемесячного журнала «Тигель культуры» за 2010 год. Пожалуй, наибольший интерес в нем представляют тексты, посвященные православию в Польше. Витольд Столецкий в статье «Религиозная война среди буков» знакомит читателей с трагической историей лемков — этнической группы, которая некогда населяла Бещады и Бескиды на юге Польши. Вопрос о национальной принадлежности лемков так до конца и не решен. Их считают либо частью украинского народа, либо отдельным народом, либо же относят к карпатороссам (прикарпатским русинам). Автор описывает такое явление, как обращение униатских лемков в православную веру, которое с особой интенсивностью происходило в 1926-1934 гг. Правда, призывы к возвращению в православие звучали в местах проживания лемков еще в 1912 г., и автором их был св. Максим Сандович, канонизированный в 1994 г. Польской Автокефальной Православной Церковью. Он был признан австрийскими властями распространителем идей панславизма и расстрелян. Во время Первой Мировой войны австрийские власти отождествляли православие с Россией, с которой Австрия находилась в состоянии войны. В связи с этим преследования обрушились на многих лемков, их интернировали в Талергофе, который некоторые историки называют первым концлагерем в Европе ввиду созданных там невыносимых условий и высокой смертности узников. Латинизация греко-католической Церкви, введение в литургию слова «правовирный» вместо «православный» привело к тому, что лемки стали массово обращаться в православие. По некоторым оценкам, до 1934 г. православие приняло около 30% населения. «Религиозная война» шла главным образом за храмы, которые оказались в собственности униатской Церкви. После окончания Второй Мировой войны лемки были депортированы в западные и северные воеводства Польши в рамках операции «Висла». Официальной целью этой операции был разгром УПА, но автор публикации обращает внимание на то, что на территории западной Лемковщины у партизан не было никакой поддержки среди населения, настроенного пропольски. На самом деле коммунистические власти в Варшаве хотели ликвидировать значительное скопление украинско-русского населения с целью осуществления идеи единого с национальной точки зрения государства.

О наиболее известной в Польше православной святыне — монастыре свв. Марии и Марфы, находящемся на горе Грабарка в Подлясье, — пишет Ольга Эдельсон. В XVII веке во время эпидемии холеры один из жителей близлежащей деревни Семятичи увидел сон о том, что болезнь можно исцелить, умывшись в источнике, который существует на этой горе. Сон оказался пророческим. В 1947 г. сестра Мария, которая приняла монашеский постриг в Псково-Печерской лавре, основала здесь монастырь. В связи с тем, что сюда совершаются многочисленные паломничества с крестным ходом, гору Грабарку называют «православной Ченстоховой». Автор приводит также статистические данные, касающиеся всей Польской Автокефальной Православной Церкви: сегодня она насчитывает 550 тыс. верующих, 223 прихода и 300 храмов.

Лодзь, где выходит «Тигель культуры», известна своим фестивалем «Диалог четырёх культур» — мультидисциплинарным фестивалем, который ежегодно, начиная с 2002 года, проходит в августе-сентябре и продолжается около десяти дней. Название фестиваля говорит само за себя — четыре культуры оказали влияние на историю Лодзи: польская, русская, немецкая и еврейская. Поэтому журнал не мог не обратиться к многокультурной традиции этого города. Ян Моравский и Юзеф Вишневский пишут о «русской» и «православной» Лодзи. Ныне религиозная жизнь верующих восточного обряда сосредоточена вокруг церкви св. Александра Невского. Основная масса прихожан — это русские женщины, оказавшиеся в Лодзи после 1945 года. Возвращаясь из Германии с принудительных работ, они остались в Польше и вышли замуж за поляков. Православная церковь для них — это кусочек России, по которой они тоскуют.

На желтой обложке лодзинского журнала большими голубыми буквами напечатан заголовок номера: «Украина: Перемены». В предисловии выступивший с этой инициативой Андрей Любка признаёт, что номер готовился на протяжении нескольких лет, чтобы показать необратимость изменений в сознании украинцев, вызванных «оранжевой революцией». Но, пока шла редакторская работа, политическое положение в этой стране совершенно изменилось, к власти пришел Янукович, так что сегодня такой заголовок звучит весьма иронически. Ну что ж, история иногда любит пошутить. Но перемены можно также понимать и как поколенческие. Номер в большей своей части представляет творчество молодого поколения украинцев, которым без всякой поддержки со стороны государства удается создавать что-то новое и оригинальное в области культуры.

Для написания текстов в раздел публицистики, которым открывается номер, редакция пригласила лучших украинских авторов — Николая Рябчука и Ярослава Грицака. Оба имени хорошо известны в Польше. Рябчук недавно выпустил в серии «Библиотека Новой Восточной Европы» сборник эссе «Сад Меттерниха», а в прошлом году в серии «Путеводители по темам и проблемам» ежеквартального журнала «Политическая критика» вышла книга-интервью с Грицаком на тему украинской истории и современности. Первый текст Рябчука, озаглавленный «Живем разделенно. Украина на цивилизационном и геополитическом перепутье», написан в популярном сегодня жанре борьбы со стереотипами. По мнению автора, таковыми можно назвать мифы о разделении Украины на националистический Запад и пророссийский Восток, а также миф о циничной Западной Европе и враждебной России. Но проблема как раз в самих украинцах, в их собственных трудностях с национальной самоидентификацией, подчеркивает автор. Весьма любопытным представляется сравнение Украины с Турцией, которое проводит Рябчук. В обоих случаях мы имеем дело с ситуацией, когда западники находятся в меньшинстве. Очерк Грицака «...плюс делюмпенизация всей (У)краины» — это попытка разрушить миф о единстве пророссийской Восточной Украины. Побывав в Днепропетровске, автор отмечает, что жители этого города вовсе не такие уж большие сторонники донецкого клана. Но им не близка и «Украина львовского выпуска». Формирование местной самоидентификации становится наиболее трудноразрешимой проблемой этого региона.

Литературный раздел «украинского» номера «Тигля культуры» весьма обширен. Читатель может познакомиться с творчеством десяти лучших украинских поэтов молодого поколения. Публикация их стихов в переводах Богдана Задуры и Аннеты Каминской предшествует изданию книги «Дольки апельсина. Антология новой украинской поэзии», которая в настоящий момент готовится к печати. В разделе прозы можно познакомиться с новым рассказом Наталии Сняданко «Библия отца», писательницы, чьи книги в Польше пользуются признанием читателей. В рубрике, посвященной искусству, Тамара Злобина представляет деятельность «Пинчук-Арт-Центра». При отсутствии интереса со стороны государства к вопросам, связанным с современным искусством, это единственная институция в общеукраинском масштабе, которая продвигает молодых художников, а существует она благодаря частному фонду олигарха Виктора Пинчука. В этом же номере можно найти музыкальный обзор — перечень самых интересных альбомов украинских групп за последние несколько лет, его подготовила Роксолана Свято. Номер журнала «Тигель культуры», посвященный Украине, безусловно, стоит рекомендовать. Импонирует прежде всего разнообразие собранного в нём материала — политическая публицистика, поэзия и проза, события в разных областях культуры.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Одним из самых интересных явлений в польской культурной, в том числе литературной, жизни после 1989 года стала ее регионализация. Профессор Януш Славинский комментировал это в нашумевшем в свое время очерке «Падение центра». И действительно, мы имеем дело с необычайно динамичным развитием региональной культурной прессы, преимущественно ежеквартальных или выходящих раз в два месяца журналов, обычно небольшого тиража, однако умеющих гармонично сопрягать свою региональность с общенациональной перспективой. Для меня это не слишком удобно, так как вместо нескольких «центральных» журналов мне приходится просматривать несколько десятков названий, иногда в самом деле локальных, как, например, нерегулярно выходящий уже 15 лет журнальчик «Лабус», издаваемый в поморском городке Лобез, интересный тем, что сосредоточивается на реконструкции местной традиции, на основании чего углубляется в историю (не только польскую), а затем пытается выстроить своего рода историческую преемственность. Такая тенденция особенно сильна на «постнемецких» землях, которые Польше достались в результате политических перемен после Второй Мировой войны. В коммунистический период об этом прошлом говорить не особенно разрешали. В этом контексте ситуация Ольштына, Вроцлава или Щецина, а в известной мере и Гданьска напоминает ту, с которой имеют дело жители Калининграда, российская принадлежность которого, как бы то ни было, — опыт сравнительно недолгий.

Не подлежит сомнению, что традиция этих земель и регионов составляет своеобразный палимпсест, что история пишется здесь в последовательных, накладывающихся друг на друга, часто многоязычных слоях текстов. И не подлежит также сомнению, что эта история может быть как источником небезопасных претензий, так и шансом на полифоничность, гармоничное сосуществование многих потоков традиций. Рецепт, который полякам — и не только им — рекомендовал после войны Ежи Гедройц, состоит в том, чтобы, независимо от запутанного подчас прошлого, признать существующее положение вещей и одновременно найти язык, позволяющий сохранить всё, что было ценным в минувшие времена. Говоря иначе: чтобы прошлое стало в большей мере путем к диалогу, пусть иногда трудному, нежели пространством никогда не кончающихся междоусобиц. Тем более что прошлое — это только пролог будущего, ибо существующее положение вещей никогда не дается нам раз и навсегда.

Региональная самобытность не должна противоречить государственной. До Второй Мировой войны Силезия обладала в Польше широкой автономией, о чем сегодня обычно не очень хотят помнить. Это всегда был регион, оберегающий свою специфику. После 1989 г. в Силезии возникло движение, направленное на возрождение былой автономии. Даже более того. При переписи многие жители региона, в котором имеется сравнительно многочисленное немецкое меньшинство, свою национальность декларировали как «силезскую», отличную от польской и немецкой. Официально такой национальности не существует, и это стало для Ярослава Качинского, председателя ПиС и брата погибшего в смоленской катастрофе президента Польши, поводом написать, что «силезская национальность» представляет собой «закамуфлированный вариант немецкой». Это утверждение вызвало многочисленные, довольно эмоциональные комментарии. Один из них — интервью с профессором Марией Шмеей «Возникает силезский народ», опубликованное на страницах еженедельника «Ньюсуик-Польша» (2011, №15/). На вопрос журналиста, существует ли силезский народ, Мария Шмея ответила:

«Он формируется. До недавнего времени он не существовал сколько-нибудь выраженным образом, но ощущение культурной обособленности, иная история, выталкивание на обочину общественной жизни в Польше привели к тому, что силезцы начали думать о себе как об отдельной национальной группе. Идея назваться «силезским народом» сравнительно нова, но силезская самобытность всегда

была для большой группы жителей региона самой важной, основополагающей. Раньше ее определяли как региональную, а сейчас сами силезцы всё чаще говорят о себе как о народе. Следует помнить, что процессы этногенеза динамичны. Еще 150 лет назад не говорили об украинском народе, ибо он только формировал свою особость. Сегодня никто не ставит под сомнение его существование».

И далее, комментируя многовековую разорванность Силезии между Польшей и Германией:

«Силезская самобытность формируется в оппозиции по отношению как к польской, так и к немецкой. В XX веке силезцы в каждом поколении меняли записи о своей национальности: с немцев на поляков и наоборот, — но всегда ощущали свое маргинальное положение в рамках этих наций. Силезскость позволяет им достичь полной субъектности. Они становятся самими собой, а не родными или сводными братьями. (...) Даже если бы идея определить себя как народ была подсказана политиками, следует признать, что она отвечала потребностям группы. Лидеры Движения за силезскую автономию прекрасно понимают силезцев, знают, что́ их тревожит, какие у них проблемы, и действенно отвечают на чаяния силезской группы. Силезцы в течение всего периода существования ПНР были группой тихой, социально прозрачной, о них не говорили как о чем-то обособленном — потому, наверное, что важна была добыча угля, — их тогда приголубливали, хотя не все они были шахтерами».

И действительно, если говорить о том, что профессор Шмея определяет как «тихую группу», то в эпоху ПНР Силезия со всей очевидностью представляла собой своеобразную культурную пустыню. Существующий сегодня в Катовице Силезский университет был создан только в середине 80-х, сегодня это необычайно динамичное учебное учреждение. В Силезии после войны культурной периодики в принципе не было — сегодня внимание привлекают ежемесячник «Шлёнск», а также выходящий раз в два месяца журнал «Опции» и ежеквартальники «Fa-art» и «Аркадия». И сегодня Силезия стала своего рода кладезем литературы. Но это всё процессы, развитие которых приходится на период после 1989-го, т.е. на время развития регионализма в Польше.

Это не значит, что обращение к теме региона и его культуры подразумевает выбор «силезского варианта». Тем не менее, безусловно, это всегда выбор, указывающий на специфику опыта региона, как, например, в нашумевшей недавно книге-репортаже Магдалены Шейнерт «Черный сад» или в прекрасно принятом критикой романе знаменитого режиссера и депутата Сейма Казимежа Куца «Пятая сторона света». Почему же тогда высказывание председателя ПиС вызвало столь сильную волну (я привел здесь лишь несколько голосов) обсуждений и рассуждений? Именно этим вопросом задается в статье «Силезский дух» Войцех Цесля на страницах еженедельника «Впрост» (№ 15/2011):

«Никто еще не сделал лучшего подарка Движению за силезскую автономию. Довольно было, чтобы Ярослав Качинский написал о силезском духе как о закамуфлированном немецком, и сегодня кто угодно по всей Силезии рад заявить, что посылает в задницу Качинского и его партию. Ежи Полячек, известный в Силезии депутат от ПиС, расценивает движение за автономию как скоротечную моду: «В прессе проблему профанируют. На телепередачи «к завтраку» приглашают знаменитостей, которых расспрашивают о Силезии. Почти никто не разговаривает с подлинными силезцами, у которых есть что сказать на эту тему»».

Дело, однако, не так просто. Цесля пишет: «Силезской национальности не существует. Ее не признают польские власти и международные инстанции. Несмотря на это при последней переписи в 2002 г. к ней отнесли себя свыше 170 тыс. жителей». И в конце статьи: «Но в Силезии (...) чувствуется энергия. И желание дискуссии: что такое сегодня силезская самобытность? (...) Активизировались силезские неправительственные организации. «Pro Loquela Silesiana» — Объединение развития и пропаганды силезской речи издало букварь [силезского языка] (...). Богдан Кулаковский, известный фотограф, давно ощущает эту энергию. Себя он считает поляком, а силезцев — народом: «Их отличают определенные черты. Солидность, независимо от того, образованные люди или простые. Здесь уже десять поколений знает, что винт закручивается вправо. Поэтому они основательны. Силезцев не проймешь аргументами, основанными на эмоциях. Как правило, они руководствуются разумом и очень рациональны. Отсюда и большая популярность требования автономии»». И далее: «Кулаковский при переписи заявит себя силезцем: «Никто не перенесет Силезию в Германию. Это страхи людей, не знающих истории. Кроме того, по пути надо будет занять Чехию»».

Но также в конце мы узнаем, каковы причины всей этой катавасии. А именно: местные деятели из «Гражданской платформы» создали в органах местного самоуправления коалицию с деятелями Движения за автономию Силезии:

«Когда в 2009 г. Рышард Садлон из хожувского самоуправления направил запрос по поводу цвета сидений на Силезском стадионе, все крутили пальцем у виска. Садлону не понравились предложенные архитектором национальные цвета — бело-красные. Поднялась шумиха. Отказаться от бело-красных сидений в пользу желто-голубых (цвета Силезии) потребовало Движение за автономию. Ситуацию комментирует один из деятелей ПиС: «Это показывает, кто в самом деле сегодня владеет душами в Силезии (...). «Платформа» ничего не понимает. Ей кажется, что это союзник, как любой другой»».

Так это выглядит в перспективе сиюминутной политической игры. Несколько иначе видят исследователи, например профессор Вавжинец Конарский, который в интервью, озаглавленном «Чтобы Польша была Польшей, в ней должны быть силезцы», в «Газете выборчей» (2011, №83) заявляет:

«Верхняя Силезия интересует меня в связи с моими научными занятиями — более 20 лет я изучаю проблемы этнорегионализма в Европе. То, что происходит в Силезии, для исследователя невероятно интересно (...). Если мы сочтем, что правы те, для кого народ — это сущность, возникшая сотни лет назад, меняющаяся, но всегда сохраняющаяся, то силезского народа не существует. Если встанем на точку зрения тех, кто доказывает, что народом может быть любая группа людей, которая считает, что хочет им быть, то тогда силезцы становятся народом. Проблема не только в том, что это концепции взаимоисключающие, но и в том, что в польском дискурсе откровенно доминирует первая, вдобавок подкрепленная национал-демократической идеей Романа Дмовского (...) в Польше, где всегда в выигрыше традиция унифицированной нации, силезец может существовать только как поляк».

Далее в интервью Конарский говорит, что одним из источников укрепления «силезского духа» стала растущая сила этнического регионализма в Европе: «Силезцы увидели, что они не одиноки в своей инаковости, и пробудились. Они увидели, что в Европе общность языка, происхождение, обитание на какой-то территории, обычаи, бытовые нормы могут стать основой для этнического обособления. Как баски, каталонцы или галисийцы в Испании, бретонцы или корсиканцы во Франции, валлийцы и шотландцы в Великобритании. (...) У силезцев глубокое историческое чувство своей особости, но катализатором перемен в них самих стало приобщение Польши к процессу европейской интеграции. И вырастающее отсюда убеждение, что можно быть отличным от народа, доминирующего в стране, и что нет в этом ничего плохого. Напротив. (...) В союзной Европе ослабевают национальные государства и активизируются этнорегиональные движения. Говоря сегодня о Силезии, мы говорим о чем-то большем — о том, насколько Польша и поляки подготовлены к выполнению одного из основополагающих для союзной Европы требований: «единство в многообразии». Наше польское единство вообще не должно основываться на убеждении, что мы все поляки, раз говорим по-польски. (...) Сегодня мы боремся с инаковостью силезцев, очень скоро будем переживать то же самое с вьетнамцами, а возможно, и с мусульманами».

Прогуливаясь по улицам Варшавы, нетрудно заметить, что — под воздействием миграционных механизмов, которыми никакие политики не в состоянии овладеть, — этот город становится все более этнически разнообразным: так, вьетнамцы составляют в нем довольно заметную группу. Мы живем в период нового переселения народов, что у политиков время от времени вызывает стремление сдержать этот процесс. Но дело в том, что его не сдержишь, — и мы должны, вместо того чтобы задумываться, как заблокировать наплыв чужих (как это сегодня происходит в Италии, куда устремились потоки беженцев из Северной Африки), разработать интеграционные механизмы и структуры. Достижимо ли это? Вопрос остается открытым. Одно не подлежит сомнению: «инаковость» перестает быть исключением, становится повседневностью и может быть причиной драматических конфликтов. Европа в определенной мере находится сегодня в ситуации Римской империи в период вторжений всё новых волн варваров. Быть может, одним из уроков, которые помогут в овладении этими процессами, станет осознание и культивация собственной многокультурности. Об этом тоже говорит профессор Конарский в заключительной части интервью, когда, описывая ситуацию в Верхней Силезии, подчеркивает:

«Польша должна поддержать становление высокой культуры в регионе, которая там всё еще хромает. В течение многих веков к Верхней Силезии относились с пренебрежением — сначала германское государство, а затем, значительно более короткий срок, и Польша. (...) Я участвую в дискуссиях, во встречах с силезцами и всё время напоминаю: меня с ними больше объединяет, чем разделяет, хотя я этнический поляк (правда, с примесью греческой и украинской крови), а они этнические силезцы (или хотят быть таковыми). В детстве на меня огромное воздействие оказали силезские фильмы Казимежа Куца. Я учился на них и польскому, и силезскому патриотизму».

Меня это особенно и лично интересует, поскольку я поляк, но с примесью литовской, греческой и кашубской крови — если это что-то значит. А иногда значит: когда Литва провозгласила независимость, первым государством, которое ее признало, была... Исландия. И тогда ни с того ни с сего вдруг вскипела во мне литовская кровь. И злость на Польшу, что пропустила Исландию вперед. Это иррационально? Наверное, да. Дело в том, что в таких делах рациональность умолкает. И, наверное, поэтому следует к ней стремиться.

В ОБЩЕМ-ТО Я ЗЕЛЕНЫЙ

Беседа с архитектором Мареком Будзынским

— Вы живете в [варшавском микрорайоне] Урсинов, который сами спроектировали. Во дворе между блочными корпусами — водные «зеркальца», много кувшинок, тростника, дома понемногу обрастают плющом. До мастерской вам каких-то 200 метров. Это идеал.

— Не жалуюсь. У меня такое чувство, будто я живу в центре мира. Поверхность шара обладает тем чудесным свойством, что, где бы мы ни были, там и находится середина. Я ощущаю и глобальность — благодаря интернету, и локальность — рядом магазин, где я покупаю хлеб, а также парк, куда хожу на прогулки.

— А почему другие дворы не такие красивые? Люди этого не хотят?

— Не имею ни малейшего понятия. Затраты на зелень минимальны, на уровне инвестиций это малые доли процента. Первоначально весь Урсинов зарос плющом. Но дома были из бетона и обладали слабой термоизоляцией. Когда мы проектировали Урсинов, понятия энергетического кризиса не существовало: энергия была очень дешевой. После появления этой проблемы началось утепление зданий, и плющ оборвали. Однако хуже всего то, что не допустили повторного высаживания растений, вокруг зданий администраторы сделали специальные бетонные пояса, чтобы никому не пришло в голову чем-нибудь засеять. Оказалось, растения — враг. Это был шок. Я был убежден, что люди любят зелень, — так же, как и я. Может быть, потому, что у меня душа женщины.

— Что это значит? Какова душа женщины?

— О, это тайна. Некоторые вещи понять невозможно, их можно испытать. Это — как сатори в дзене.

— Вы были генеральным проектировщиком Урсинова. Насколько сильно действительность отличается от идеи?

— Ну, что ж, урбанистический проект представляет собой некий план, стремление к чему-то. Мы проектировали Северный Урсинов, называемый сегодня Старым Урсиновом, на 40 тыс. жителей.

В норме город разрастается десятилетиями, нам пришлось это сделать единовременно. Должно было иметься всё — квартиры, рабочие места, учеба, развлечения, причем в надлежащих пропорциях. Это задумывалось как относительно самодостаточный фрагмент Варшавы. Вы спрашиваете, удалось ли всё осуществить? Разумеется, не до конца. Намечалось 12 школ, а построили шесть. Мы начинали при Гереке, продолжалось это дело при Ярузельском и при «Солидарности», но Урсинов строится и сегодня. Слишком мало рабочих мест, спорта тоже мало. Но всё равно я по-прежнему считаю, что Северный Урсинов был запланирован хорошо, хотя и в рамках ограничений социалистической системы. Все дома требовалось возводить из готовых панелей с домостроительного комбината, иначе говоря, они должны были в каком-то смысле получаться одинаковыми. Нельзя было, например, занять первый этаж магазинами, так как соответствующих панелей не существовало.

— Каким было ваше отношение к соцреализму?

— Очень большое впечатление произвело на меня строительство Дворца культуры. Оно началось в 1952 г., мне было тогда 13 лет. Время от времени я писал Беруту, прося освободить папу из тюрьмы. Писал: обещаю, что буду строить социалистическую родину. И внизу рисовал Дворец культуры на стадии строительства. В 1955 г. я уже был спортсменом, тренировался, занимаясь гимнастикой, и принимал участие в гимнастических выступлениях по случаю открытия Дворца и стадиона Десятилетия.

Помню с каким восхищением я увидел гимнастические залы, бассейн. Это было поразительно! Там было красиво, там было тепло, хотелось всё потрогать. Настоящий дворец. Не забуду первого настоящего пола для гимнастических прыжков — мягкого, но твердого. По сравнению с разрушенными залами, где я занимался, по сравнению со всей послевоенной Варшавой Дворец культуры был абсолютным чудом.

— А стадион Десятилетия вас восхищал? Что вы думаете о строительстве нового стадиона на его месте?

— Это наглость наивысшего разряда! Безусловно, стадион Десятилетия был великолепен. Он вмещал сто тысяч человек — больше, чем новый; первое применение компьютеров в проектировании, взаимопроникновение окружности с эллипсом — по тем временам он был небывалым достижением на мировом уровне! Не говоря уже о символическом слое: его строили из развалин Варшавы.

— А помимо впечатления роскоши нравился ли вам Дворец чисто эстетически?

— Эстетика Дворца применительно к его функции превосходна! По поводу само́й формы следует высказать возражения, так как она шла против Варшавы. Но внутри Дворец сделан в соответствии со всеми нуждами, естественными для человека, с его психическими и общественными потребностями.

— Не слишком ли он велик? Слишком помпезен? Масштаб у него разве человеческий?

— Человеку в равной мере нужно как пространство, которое дает чувство величия, сакральности, так и малое, повседневное, уютное. Дворец культуры — это же храм культуры! Ему обязательно надлежало быть большим и престижным. Того же самого принципа сочетания сакрального с профанным я придерживался, проектируя Библиотеку Варшавского университета (БВУ). Еще в XIX веке библиотека была храмом знаний, потом про это забыли. Входя в БВУ, мы благодаря впечатлению участия в чем-то великолепном чувствуем себя облагороженными. В то же время мы можем подойти к полке, выбрать книгу, которая нас интересует, рассесться на оранжевом пуфе и погрузиться в чтение, словно у себя дома. БВУ посещает в десять раз больше читателей, чем Университетскую библиотеку в старом здании, — а книжные собрания в них практически одинаковые. К Дворцу культуры и соцреализму вообще я питаю некие сентиментальные чувства, хотя эти негодяи-большевики посадили отца, а мои красивые письма и рисунки ничего не дали.

— За что сидел ваш отец?

— Его прихватили «для полноты картины» к знаменитому процессу генералов*. Думаю, он уцелел лишь потому, что не открылся факт его принадлежности к Армии Крайовой. Сразу же после войны отец во времена польского нэпа организовал одновременно три частных фирмы и руководил ими, давал работу нескольким десяткам человек. В частности, выпускал оснащение для военных госпиталей — из-за этого, скорее всего, и попался. Отсидел восемь лет. И никогда не рассказывал о своем прошлом. Из того, что мне известно от других, во время Варшавского восстания он изготавливал на улице Тамка оружие для повстанцев. Я с матерью и сестрой — мы прожили войну в Овчарне за Лесной Подковой, где у нас был участок и 19-метровый домик, в котором временами жило по 30 человек — беглецов с восстания.

Отец после выхода из тюрьмы пробовал раскрутить малый бизнес — производство пустотелых кирпичей и блоков. Но, когда к нему явился за взяткой партийный секретарь, а сразу вслед за ним — начальник милиции, отец отступил и бросил всё это. Вплоть до пенсии он руководил проектной мастерской. В 1990-х мы вместе поехали во Францию искать могилу его отца, моего дедушки, который эмигрировал туда; он был мясником и неплохо процветал. Когда в 1956 г. дед умер, а мой отец как раз вышел из тюрьмы, то получил после него изрядное наследство, но государство, понятное дело, по-бандитски его ограбило. Тогда, во время той нашей экспедиции, мы много разговаривали и было очень приятно, но, когда я попытался его допросить, как было в Варшавском восстании и в тюрьме, он страшно меня обругал. У него был здравый подход, он не хотел жить прошлым.

— Не был ли он трудным отцом? Какие отношения у вас складывались?

— О, самые лучшие — когда мне уже стукнуло шесть десятков, а ему восемьдесят с чем-то. До того у меня с ним бывало не слишком много контактов: сначала война, потом тюрьма, а через полгода после возвращения он от нас сбежал. Мать за эти годы стала независимой, и оказалось, что они уже не

* Сталинский показательный процесс 1951 против четырех генералов (и ряда других лиц), обвиненных в шпионаже и заговоре с целью свержения власти. Их приговорили к пожизненному заключению, а в 1955-1956 освободили и частично реабилитировали. В связи с этим процессом в 1951-1954 прошли закрытые «производные» процессы 86 офицеров, в которых осудили 40 и казнили 20 человек; в 1956 их всех реабилитировали. — *Пер.*

в состоянии находиться вместе. Отец завел новую семью, а я по соображениям чести отмежевался. Но для моего развития хорошо, что его не было. Он был слишком сильным для меня. Быстро подчинил бы меня своему влиянию. Я был весьма шаткой конструкцией, а крепнул медленно и сложно.

— А именно?

— В младших классах я учился ужасно, еле-еле переползал из класса в класс. Видимо, слишком рано пошел в школу — мне было пять лет. Кроме того, я всегда был не от мира сего. И в итоге мамочка послала меня в строительный техникум, тогда как мою сестру — в самый лучший варшавский лицей. Строилка была сточной канавой: туда попадали те, кто никуда больше не годился. И вдруг в самом конце года, совершенно неожиданно, в том числе и для меня, оказалось, что у меня самый лучший средний балл в классе — пожалуй, немного выше тройки. У меня сразу же выросли крылья! А кончал я техникум уже самым лучшим учеником во всём заведении. И открыл кроме того, что меня интересует черчение. Для диплома я делал проект фабрики готовых панелей из предварительно напряженного бетона. Преподаватель объяснил мне, что такими вещами занимаются архитекторы. Это было как свет в окошке! Я сдавал на архитектурный и, разумеется, не попал, потому как в общем-то был зеленым. Начал работать в архитектурной мастерской в качестве технического помощника и там имел случай в первый раз увидеть, что эти архитекторы вытворяют.

Я рассматривал их рисунки с чертежами и, к своему удивлению, начал обнаруживать в них ошибки. Они не понимали, что малюют, а я не понимал, как можно не понимать. «Да у вас же превосходное пространственное воображение», — сказал мне один архитектор, и я почувствовал, что стою на верном пути. Через год я попал в институт, стал учиться. У меня был громадный перевес над другими, даже над ассистентами, в технических вопросах, но я отчетливо был позади, если говорить о художественной сфере. Вместе с однокурсниками я создал группу, где мы взаимно обучались, муштруя друг друга. И считали себя самыми лучшими. Все прочие ничего не знают, мы создадим нечто важное.

— Вы были социалистом?

— Никогда я не состоял ни в какой организации — ни в харцерах, ни в Союзе польской молодежи, ни в партии. До времен «Солидарности» не был вовлечен ни во что. Но всегда у меня была тенденция к идеализму, и это, по счастью, осталось во мне по сей день. Я поддавался идеям социализма, которые, что ни говори, очень притягательны, соблазнительны. Когда отца забрали в тюрьму, я посчитал это естественным: новое время, необходимы перемены. Я верил в нового человека, в существование общего блага и общих ценностей. Зато не принимал отрицания личности, не мог также уразуметь понятия борьбы. Политикой не интересовался, хотя она была где-то рядом. Помню, играем мы себе в бридж, а за окном выступает Гомулка — был 1956 год. Я не очень-то знал, в чем дело.

— Какой вы воображали себе Варшаву будущего? У вас были тогда конкретные урбанистические представления?

— О, это самая большая болячка архитектуры. Думают о форме отдельного здания, а не о том, что оно входит как элемент в большое целое; это, к сожалению, общемировая проблема. Неолиберализм вносит эстетику шока. Здание должно быть исключительным, а не служить человеку. Примером служат такие проектировщики, как Заха Хадид или Либескинд с его Музеем истории немецких евреев. Это здание показывает драму Катастрофы, а ведь история евреев в той стране не сводится только к этому. На мой взгляд, нельзя было делать аж так. Зато интерьеры отличные и превосходно показывают историю, а интерьер зала Катастрофы достигает совершенства.

— Вы предпочитаете скорее вписываться в окружение, нежели шокировать?

— Не в этом дело. В данный момент существенней всего проблема общежительства. Природа создала условия для жизни; человек — самое совершенное ее достижение. Человек в свою очередь создал культуру и сделался зависимым от нее так же сильно, как он естественным образом зависит от природы. Попробуем себе вообразить, что вдруг нет электричества. Катастрофа! Проблема заключается в том, что, попадая в зависимость от культуры, мы разрушаем природу, которая нас создала и дает нам возможность жизни. Мы на краю катастрофы, потому что нам уже не хватает природы для такого количества людей. Вроде бы через 40 лет нас должно оказаться девять миллиардов! А я помню времена, когда не набиралось еще и миллиарда! Во многих публикациях нас приравнивают к леммингам, которые бросаются в пропасть, совершая коллективное самоубийство.

— Интернет позволяет работать дома. Не будут ли люди в массовом порядке выселяться из городов в поисках природы?

— Люди возвращаются в города, так как жизнь требует не только изоляции, но и концентрации. Рабочие места уже могут быть разбросанными, а все-таки их по-прежнему концентрируют, ибо такова человеческая потребность. На кой черт у нас существуют торговые центры? Потому что люди их обожают — точно так же, как ненавидят кустарник на крыше и виноградные лозы на стене.

— Верите ли вы, что люди в состоянии образумиться? Верите в базовую работу — экономию воды и сортировку мусора?

— Я верю, что Бог дал человеку разум, дабы тот его употреблял. И действительно верю, что Бог сотворил человека из некой божественной частицы. Что каждый из нас носит в себе бесконечность. Только вот извлечь из нее можно и добро, и зло. Создание культуры представляет собой непрекращающуюся борьбу за жизнь — за всё лучшую и лучшую, дающую всё больше возможностей. Но система ценностей в этом где-то теряется. Царящий ныне неолиберализм убийственен — он ликвидирует всякие другие ценности, кроме обращения денег.

— Какая система была бы хорошей?

— Сочетание социализма и либерализма, их сознательное уравновешивание. Проблема социализма состояла в том, что основополагающими он признавал общие дела. Проблема либерализма — в том, что он не признаёт общих благ, для него существуют только отдельные личности, которые борются между собой.

— Какое отношение это имеет к архитектуре?

— Имеет, и самое прямое. Каждый дом можно спроектировать так, чтобы возникло сосуществование «природа — культура». Начиная с самых что ни на есть примитивных шагов — на бетонном гараже посадить что-нибудь вьющееся, ползучее. Растения творят чудеса, в любое время года они способны быть невероятно симпатичными. Существует уже целая масса европейских правил, которые вынуждают нас к энергосберегающим действиям. Достаточно, чтобы инвестор подчинялся им, а не притворялся, будто это невозможно. А раз такое здание малость дороже, оно медленнее строится и требует большей тщательности.

— Таким ли образом задуман и строящийся сейчас оперный театр, а также университетский кампус в Белостоке?

— Да. Внутри у них сверхсовременная техника, необычайно сложная. А снаружи всё утопает в зелени. Там задумана растительность, которая сосуществует со зданием, не портит его, не требует особой заботы. Как когда-то возле крестьянских изб. Но происходит то же самое, что и с садом на крыше БВУ. «Не станем мы сажать здесь сорняки», — услышал я. На крыше БВУ тоже планировался ботанический сад, посвященный идее сосуществования растительности со зданием, но университет принял решение, что должно быть красиво. И сейчас этот декоративный сад требует огромного труда и финансов.

— Не хватает ли вас кондрашка?

— Хватает. Но что поделать? Трудно нынче строить. Наш закон о публичных заказах — это во многих местах крайний идиотизм, написанный людьми, которые, видимо, никогда не были на стройке. Каждое строящееся сооружение — это прототип, оно всегда делается в первый раз, и всё предусмотреть невозможно. Закон верно говорит, что выбор проекта производится по конкурсу, а выбор исполнителя — в результате аукциона. И одновременно говорит, что каждый винтик и каждый грошик должны быть просчитаны до начала строительства. Решение о выделяемой сумме принимает в министерстве человек, впервые прочитавший европейскую инструкцию, которая написана, кстати говоря, тоже бюрократом, а не специалистом. И на всякий случай он страхуется со всех сторон, тем самым добавляя трудности.

Оперный театр в Белостоке мы оценили в 90 миллионов. Пять лет назад. Перед муниципальными выборами пан маршал местного сеймика сказал: «Мы это построим за 50 миллионов». После следующих выборов новый маршал сказал, что он театра не хочет. К сожалению, здание в сыром виде уже стояло. Тогда пришел министр культуры Здроевский и сказал: «Надо закончить, вот деньги», — и дал 200 миллионов. Теперь не хватает как будто еще сорока.

— А как эстетически реагируют инвесторы на ваши проекты?

— Есть масса людей, которые их всерьез ненавидят. Резкое отторжение — и со стороны архитекторов. Потому что существует некий атавизм. Природу человек на протяжении тысяч лет эволюции вырезал, выжигал и бетонировал. Потому что растительность агрессивна и надо знать, как с ней обходиться, как ее подбирать. В Высшем сельскохозяйственном училище доминирует художественное направление. Преподавателями там состоят превосходные художники. Там говорится о красоте ландшафта, но наука о растениях, которые могут или не могут сосуществовать, которые полезны или вредны для биосферы, практически отсутствует. Искусство создания садов приходит в упадок.

— Когда для садов были лучшие времена?

— Самые лучшие — в историческом Китае. Об этом, в частности, говорит фэн шуй: каким образом построить сад и дом, чтобы они хорошо на нас действовали. В Польше наилучшим периодом был, пожалуй, рубеж XIX-XX веков. Тогда возник, в частности, сад Падеревского на Саской Кемпе [в Варшаве] — возник сам способ прокладывания тропинок: мягких, полных углублений. Тропинок практически не видно. Современный садовник все углубления выравнивает, а тропинку выкладывает плиткой или брусчаткой фирмы «Баума», лучше всего цветной и с узорчиком. В те же годы возникали города-сады: Подкова-Лесна, Легионово, — к сожалению, разоренные социализмом.

— Как работается при либерализме? Инвесторы вмешиваются?

— Да я же работаю на инвесторов. Делаю то, что каждому из них по душе. Инвесторы исповедуют сегодня священное право собственности. Считают, что тот, кто владеет куском местности, может творить что угодно. Конфликты в пространстве нарастают, царит строительный хаос. Я считаю необходимым урбанистическое планирование, и необходимо ограничить право собственности на территориях, где сосредоточено много людей! Правила усложняются, учреждения в них тонут. Я очень уважаю собственность, но главным образом интеллектуальную — это единственная настоящая собственность человека, остальное: землю, воздух, воду — человек себе присвоил.

— Вы рассказывали о своем отце. А какой вы отец?

— Об этом надо спросить моих детей и жен. У меня уже третья жена и шестеро детей. Самому старшему сыну почти 50 лет, самому младшему нет еще и годика. Кроме того у меня шестеро внучат и одна правнучка. Пожалуй, меня не назовешь примером хорошего отца. В молодые годы я страшно боялся детей. Но имел их — из-за женщин, а женщины всегда были для меня страшно притягательны.

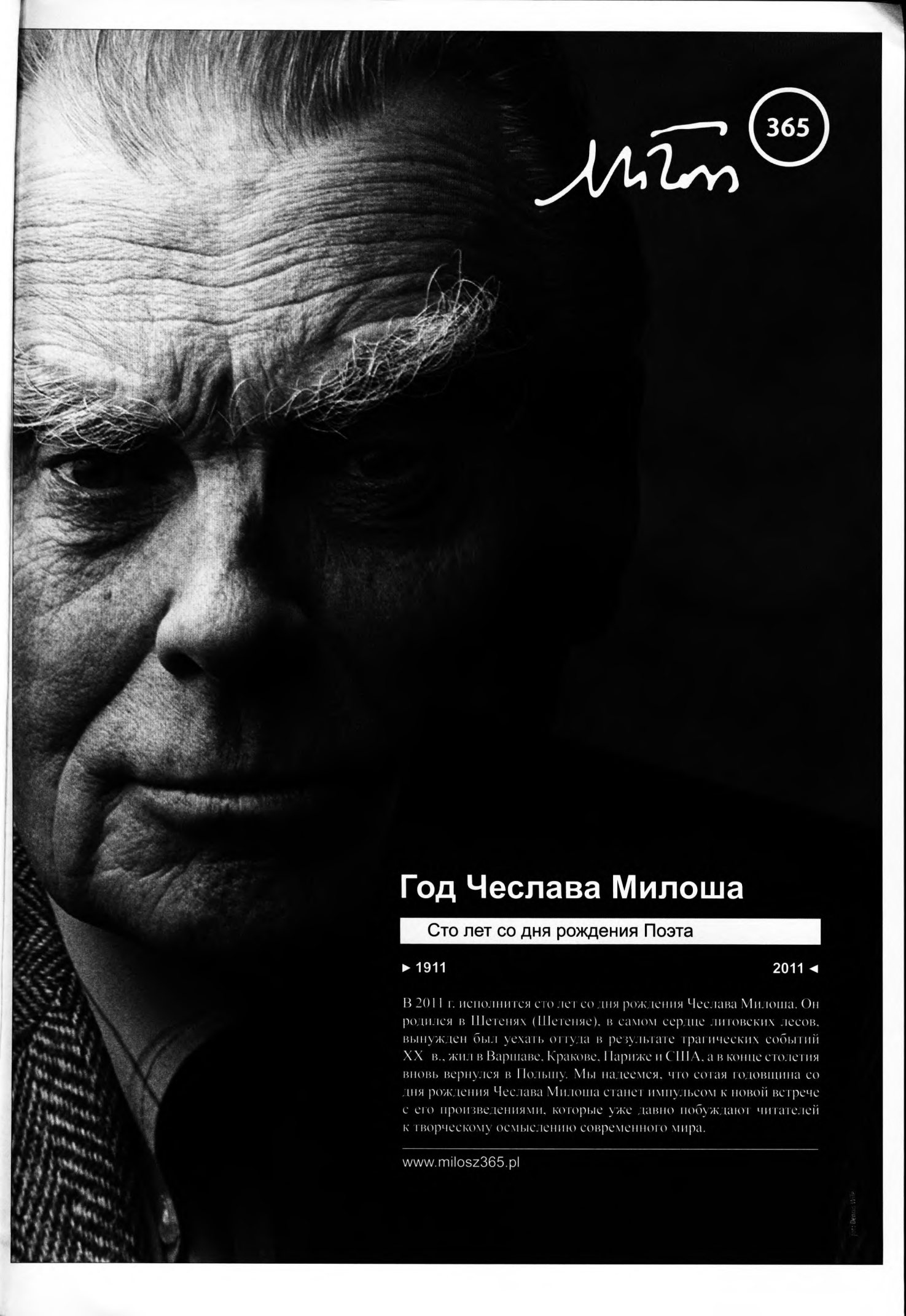
Еще мне всегда казалось, что я должен потратить очень много времени, чтобы чего-то достичь. Я, несомненно, из тех, кого больше всего захватывает профессия, а ее я выбрал для себя очень удачно. Знакомые часто говорили обо мне, что я живу ради того, чтобы работать. Ребенок всегда был для меня отдельной личностью, к которой я испытывал полное уважение; думаю, в этом смысле я был в порядке. Зато я, если только мог, убегал из дому.

— Теперь это тоже так?

— Теперь это выглядит немного иначе из-за моей жены, Кристины Ильмужинской, которая тоже архитектор и с которой мы вместе работаем. Думаю, мы в меру нормальная семья. Наверно, помогает и то, что мы достигли относительной материальной стабильности. Профессиональные успехи, которые начались очень рано, в возрасте 21 года, не давали ощущения финансовой стабильности. Почти всю жизнь я страдал из-за недостатка средств к существованию. Зарабатывать я начал лишь в 1994 г., когда уже как частная фирма подписал контракт на проект БВУ и Верховного суда. А сейчас проекты уравновешивания природы и культуры явно не имеют в Польше большого успеха и признания.

Беседу вела Моника Редзиш

wysokie obcasy



Год Чеслава Милоша

Сто лет со дня рождения Поэта

► 1911 2011 ◄

В 2011 г. исполнится сто лет со дня рождения Чеслава Милоша. Он родился в Шетенях (Шетеняе), в самом сердце литовских лесов, вынужден был уехать оттуда в результате трагических событий XX в., жил в Варшаве, Кракове, Париже и США, а в конце столетия вновь вернулся в Польшу. Мы надеемся, что сотая годовщина со дня рождения Чеслава Милоша станет импульсом к новой встрече с его произведениями, которые уже давно побуждают читателей к творческому осмыслению современного мира.

www.milosz365.pl

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Лешек Колаковский: Идолопоклонство политики
Наталья Горбаневская: новые переводы из **Чеслава Милоша**
Эва Липская: фрагменты первого романа
Беседа с **Тересой Торанской**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Instytut Książki
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

ИНСТИТУТ КНИГИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826 62 60, 826 70 36
тел./ факс: +48 (22) 826 62 35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

RUCH MUZYCZNY

Старейший в Польше журнал, посвященный серьезной музыке. Форум независимой критики. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608 28 70, 608 28 71
факс: +48 (22) 608 28 72
e-mail: redakcja@ruchmuzyczny.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA NA ŚWIECIE

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827 47 91
тел./ факс: +48 (22) 828 64 96
e-mail: litnasw@free.art.pl
www.literaturanaswiecie.art.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел.: +48 (22) 692 88 19
тел./ факс: +48 (22) 692 88 18
e-mail: teatr@teatr-pismo.pl
www.teatr-pismo.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608 25 65, 608 27 95
тел./факс: +48 (22) 608 27 96, 608 25 05
e-mail: nowpol@bn.org.pl www.novpol.ru

AKCENT

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям исскуства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532 74 69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

ODRA

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344 77 37
тел./факс: +48 (71) 343 55 16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

TWÓRCZOŚĆ

Старейший польский литератирный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627 15 52
тел./факс: +48 (22) 628 95 07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608 28 80, 608 28 81
факс: +48 (22) 608 28 82
e-nail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

ISSN 1508-5589

INSTYTUT KSIĄŻKI • DZIAŁ WYDAWNICTW
02-086 Warszawa al. Niepodległości 213 • tel. (22) 608 23 74 • tel./fax (22) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

Cena 8 zł w tym 5% VAT